Я.И. Порецкий

СОЛОМОН РЫСИНСКИЙ

Solomo Pantherus Leucorussus

EPISTOLARUM SOLOMONIS PANTHERI, LIbri duo.

Verius haud quisquam quis sis, ut Epistola dicit:
Fallor? ân hîc etiam Proteus esse cupis?

S.

ALDORPHII
In Officina Typographica Nicolai Talæi.

CIↃ. IↃ. XIIIC.

Я. И. Порецкий

СОЛОМОН РЫСИНСКИЙ
Solomo Pantherus Leucorussus

конец XVI – начало XVII века

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1983

ББК 83.3 Бел1
П 59

Научный редактор
О. А. Лойко, доктор филологических наук

Рецензенты:
Ф. М. Янковский, доктор филологических наук;
П. И. Копанев, доктор филологических наук

П $\frac{4603010101-059}{М 317-83}$ 48—83

© Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1983

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОГО ГУМАНИЗМА

Во введении к «Диалектике природы» Ф. Энгельс следующими словами охарактеризовал время зарождения и расцвета гуманизма: «...вся новая история... ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто... и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований»[1]. Не исчерпывается оно и своеобразием судеб и особенностями гуманизма на востоке Европы, в частности в Великом княжестве Литовском. В Белоруссии, например, гуманизм пустил глубокие корни в начале XVI века, не только возвеличивая памятники античной культуры и протестуя против засилия схоластики. Противоборство господствующего православия с насаждаемым католичеством, распространение среди шляхты и части горожан лютеранства, кальвинизма, цвинглианства, появление многочисленных подвижников антитринитарского анабаптизма, пропагандистов утопического христианского коммунизма, поддерживающих тесные связи с изгнанными из западно-европейских стран поборниками свободомыслия,—вот основные отличительные черты белорусского Возрождения.

Пути становления гуманизма в Белоруссии были значительно сложнее, чем на Западе. Утверждение человеческой личности и сомнения в истинности идеологии христианских церквей связывались здесь с острой полемикой разных оттенков богословских учений. Именно в Белоруссии прозвучали слова Сымона Будного, вызвавшие страх и смятение отечественных и зарубежных теологов: «Учение Христа следует понимать так, чтобы люди могли достигнуть божест-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 345.

венной жизни на земле»[1]. Учение Сымона Будного оказалось более опасным для религии, чем идеи Томаса Мюнцера, так как оно сбрасывало с нее мистический покров.

Выдающиеся представители гуманизма в Белоруссии, Польше и Литве не довольствовались познанием достижений науки на Западе, они вносили свой вклад в общечеловеческую культуру, добивались сплоченности и единства народов в борьбе с иноземными захватчиками. В начале XVI века Ян Вислицкий воспел в поэме «Прусская война» победу поляков, белорусов, литовцев и русских над крестоносцами, а Николай Гусовский в поэме «Победа над турками»— поражение, нанесенное туркам простым народом. Поэты писали на латыни, чтобы их убеждения и идеалы были доступны прогрессивным мыслителям Запада, сочувствующим делу освобождения народов от насилия и несправедливых войн.

Если Николай Гусовский, который был тесно связан с деятелями науки и культуры Италии, писал, что «древний наш мир изучал я по книгам русским, написанным греческой буквой», сам сочиняя на латинском языке, то Франциск Скорина, совершенствовавшийся в науках в Кракове, Падуе, Праге, был поборником просвещения на родном языке. По его стопам пошел Сымон Будный, но и он, настойчиво добиваясь распространения своих взглядов среди западных мыслителей, написал ряд трудов на латинском языке.

Во времена Будного, т. е. во второй половине XVI века, в самой Белоруссии возникли очаги культуры: антитринитарские синоды, учебные заведения и печатные дворы в Бресте, Несвиже, Лоске, Ивье, а позже—Любче, Слуцке. Печатные и ораторские выступления Сымона Будного, Мартина Чеховица, Фомы Соколовского, Яна Намысловского, Иеронима Пекарского и многих других белорусских мыслителей не уступали и даже превосходили лекции современных им ученых на Западе. Ведущие философы, такие как Сымон Будный, Андрей Волян, прославились за рубежом своими полемическими сочинениями. Андрей Тшетеский, Ян Мончинский, Киприан Базылик в Бресте стали даже соперничать с лучшими представителями европейской науки и книгопечатания.

Соломон Рысинский, как в свое время Сымон Будный, отрицал целесообразность трудовых общин левых ариан, мечтавших о возвращении к раннехристианскому равенству и выступавших с призывом непротивления злу насилием, от-

---

[1] *Simlerus I.* Assertio ortodoxae doctrinae de duabus naturis Christi... opposita blasphemiis et sophismatis ... Simoni Budnaei nuper ab ipso in Lithaunia evulgatis.— Tiguri, 1575, p. 42.

вергавших вместе с тем любую государственную власть. Подобно Будному Рысинский уповал на справедливых монархов, которые поймут необходимость переустройства общества, просвещения народа, борьбы с изуверством и мракобесием религиозных фанатиков. Поэт, видимо, надеялся на симпатии к евангеликам некоторых Радзивиллов.

Если такие поборники прогресса, как Эразм Роттердамский или Сымон Будный, рядились в тоги теологов для того, чтобы изнутри разрушать традиции богословия (голландский ученый — путем критики Нового завета, ханжества священнослужителей, а белорусский — путем опровержения основных догматов христианства и организации новой антикатолической и антипротестантской церкви), то Рысинский оставался всю жизнь светским деятелем. По заказу Виленского евангелического синода он переводил псалмы, но отказался надеть сутану.

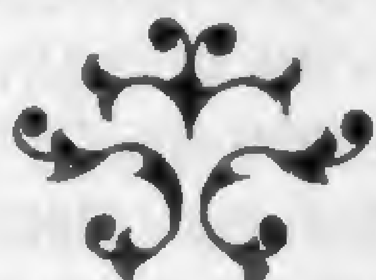
В 80—90-е годы XVI столетия Рысинский вел интенсивную переписку с рядом антитринитарских деятелей. Из его писем Шоману, Станкару, Петрицию видно, что он сочувствовал арианскому движению. Вместе со своим другом Д. Наборовским, будучи на службе у князей Радзивиллов Януша, а затем Христофора, Рысинский поддерживал их кальвинистские устремления и добросовестно выполнял поручения Виленского евангелического синода, переводил псалмы, помогал организовать Слуцкую реформационную школу. Он надеялся на укрепление свободомыслия в Великом княжестве Литовском, на расцвет наук и культуры под покровительством просвещенных сторонников реформационной церкви.

Таким образом, к плеяде выдающихся мыслителей белорусского Возрождения следует отнести и Рысинского. Творческие замыслы этого первого белорусского паремиолога были подначальны стремлению поднять достоинство человека на должную высоту путем изучения богатства и образности народной речи, несущей в себе опыт многовековой истории народа. Если в начале XVI века Николай Гусовский нашел себе протекторов за пределами Белоруссии и, потеряв их по разным обстоятельствам, кончил жизнь в нищете и забытьи, то в конце того же века поэты и ученые Андрей Рымша, Беняш Будный, Даниил Наборовский, Соломон Рысинский, отбросив мысль о служении церкви, использовали единственную возможность заняться творчеством: они поступили на службу к феодалам и стали придворными писателями.

Творческое наследие этих деятелей культуры представлено в основном на латинском и польском языках, так как

к тому времени белорусские крепостники почти повсеместно отреклись от родного языка. Драматизм положения белорусских прогрессивных мыслителей усугублялся тем, что как истинные гуманисты они выступали за освобождение человека от оков духовного рабства, воспевали красоту и свободу, но их деятельность ограничивал феодальный деспотизм, произвол, самодурство хозяев-крепостников.

Творческое наследие С. Рысинского, который от гуманиста-комментатора и исследователя античной литературы, преподавателя древних языков сумел подняться до вершин гуманизма — выявления в народной речи родного края истоков мудрости, до последнего времени почти не исследовалось. Таким образом, актуальной задачей стала расшифровка забытых рукописных материалов Рысинского и подготовка к печати его произведений, до сих пор нигде не публиковавшихся, как и разбор этих редких изданий, никем не комментировавшихся. Иными словами, дать сегодня анализ творчества Рысинского и издать его произведения — это значит вернуть Белоруссии имя одного из авторов выдающихся памятников культуры прошлого.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВО, ВЗГЛЯДЫ С. РЫСИНСКОГО

Имя Соломона Федоровича Рысинского (называемого также Рысиниус, Пантерус) известно лишь узкому кругу историков литературы. Даже в БСЭ и в БелСЭ о нем нет отдельных статей. А между тем Рысинского, как еще одного мыслителя XVI—XVII веков, которым может гордиться Полоцкая земля, следует поставить рядом с его соотечественниками — Франциском (Георгием) Скориной и Симеоном Полоцким. Исследованием некоторых произведений Рысинского занимались в XIX столетии польский ученый К. Войтицкий[1], а также В. Коротынский[2], а в XX столетии Ю. Кшижановский[3], М. Цитовска[4]. Отдельные статьи появились в советских журналах[5].

На основании выявленных источников можно воссоздать примерно следующие вехи жизни Соломона Рысинского. Точных данных о годе рождения Соломона, сына Федора Онуфриевича Рысинского, нет. Он родился предположительно в 60-е годы XVI столетия в деревне Рысин на Полотчине (ныне Себежский район Псковской области). Одаренный юноша, получивший начальное образование в доме мелкопоместного шляхтича, был замечен придворными литовского гетмана Георгия Радзивилла, ставшего себежским воеводой, и направлен на учебу. В дальнейшем Рысинский стал

[1] *Wójcicki K.* Przysłowia narodowe.— Warszawa, 1830, t. 2.

[2] *Korotyński W.* Solomon Rysiński.— Wilno, 1863.

[3] *Krzyżanowski J.* Solomon Rysiński.— Przegląd humanistyczny, 1964.

[4] *Cytowska M.* Konjektury S. Rysińskiego. EOS.— Warszawa, 1960, z. 2.

[5] *Парэцкі Я. І., Прэнская Ю. І.* Любчанскі зборнік прыказак і прымавак, сабраны і выдадзены С. Рысінскім у 1618 г.— Весці АН БССР. Сер. грамад. навук, 1964, № 1; *Порецкий Я. И.* Некоторые «Письма к Луцилию» Л. А. Сенеки в «Конъектурах» Соломона Рысинского.— Вопросы филологии. Мн., Высш. школа, 1971, вып. 1; *Порецкий Я. И.* Комментарии С. Рысинского к сочинениям Д. М. Авсония.— Вопросы филологии. Мн., Высш. школа, 1972, вып. 2.

учителем дворянских детей в глухих деревнях Литвы, Жмуйди, Малой Польши, а также сопровождал своих воспитанников за границу: в Германию, возможно, Швейцарию Чехию, Францию. Впоследствии он служил при дворе Радзивиллов, был придворным поэтом, преподавателем, переводчиком, участвовал в организации Слуцкой школы. С. Рысинский умер и был похоронен в 1625 году в Делятичах (Новогрудский район).

В средневековье выходцы из Белоруссии обычно называли себя за границей «Литуанус» (т. е. из Великого княжества Литовского), иногда «Полонус» (подданный Речи Посполитой), как это делал, например, Николай Гусовский, реже — «Рутенус» (что означало «русин», т. е. из Украины или Белоруссии); русином называл себя Франциск Скорина. Примечательно, что в имматрикуляционных актах Альтдорфского университета за 2 декабря 1586 года Соломон Рысинский записан «Solomo Pantherus Leucorussus»[1] (Соломон Пантерус белорус — «леукос» по-гречески — *белый*). Это, пожалуй, единственный случай, когда слушатель из Великого княжества Литовского таким образом определил свою национальную принадлежность. Леукороссией назвал также Рысинский свою родину в письме к другу, немецкому ученому Конраду Риттерсгузиусу.

Рысинский, судя по немногочисленным сохранившимся печатным и рукописным произведениям, а также по отзывам современников, славился как выдающийся ученый и поэт. Ранние его сочинения, а именно «Две книги писем», изданные в германском городе Альтдорфе в 1587 году[2], проливают свет на условия существования и умонастроение молодого педагога, на круг его связей и знакомств на родине и за рубежом.

Из Сецимина (Малой Польши) он писал своему другу — некоему Лаврентию Клобуцкому 8 февраля 1585 года: «...не стремлюсь через себя перепрыгнуть, идти на повышение и хочу снять с себя это бремя. Для такого благоразумного, как ты, достаточно, чтобы понять, почему я больше не прилагаю усилий совершенствовать мое дарование» *. В то же время Рысинский сообщал проживающему

[1] Die Matrikel der Universität.— Würzburg, 1912.

[2] Epistolarum Solomonis Pantheri libri duo.— Aldorphii, 1587. Издание сохранилось в единственном экземпляре в конволюте, который хранится в Гамбургской государственной библиотеке.

* Рысинский пользовался в письмах римским календарем. Для удобства читателей даты обозначены по современному календарю. Ссылки на «Письма» нумеруются, как и в альтдорфском издании, рим-

в Литве левому реформационному деятелю Данилу Белинскому о том, как «у униатского судьи в Жмуйди год тому назад... работал педагогом ...а здесь, в Сецимине, нет... должности, не пользуюсь никаким успехом, не могу продолжать и совершенствоваться в науках... угнетен бременем и подавлен тяжестью Атланта, не знаю, смогу ли выдержать это испытание. Едва не задыхаюсь, а для постижения наук у меня не хватает сил» *(1, I)*.

К другу же Амвросию Станкару, брату арианского писателя Франциска Станкара, С. Рысинский обратился 27 марта 1585 года с просьбой: «Через неделю после твоего отъезда я был свален очень тяжелой болезнью. Тебе следует знать, что, восстановив здоровье, я, занятый обучением в трех местах, оставил работу, но по некоторым причинам вот уже 15 дней как за нее снова взялся, так как не нашел какой-либо другой должности и не освободилось какое-либо место, где я мог бы устроиться. Обливаясь потом в этой пыли, с большим трудом и без сна добываю хлеб. В связи с этим, если желаешь, чтобы дела твоего друга поправились, поговори обо мне с уважаемым господином Даниилом, попроси от моего имени убедительно и покорно подыскать для меня какое-либо занятие, в городе или с выездом в другие места...» *(1, IX)*.

Несмотря на неблагоприятные жизненные условия, Рысинский углублял свои познания в области философии, поэтики. В деревенской глуши он завершил исследование «По письмам к Луцилию» Л. А. Сенеки, впоследствии изданном в Нюрнберге в 1620 году.

В качестве кого и в каком возрасте Рысинский попал впервые за границу, установить трудно. В одном из своих писем он вспоминает, что в 1582 году прибыл в Лейпциг и завел там знакомства в кругах ученых. В последующие годы писатель снова проживал то в деревнях южной Польши, то учительствовал в Гданьске, то сопровождал своих воспитанников — шляхетских детей — в поездках по городам Германии. Так, в 1585—1586 годах он находился в Альтдорфе с братьями Христофором и Станиславом Бучинскими, сыновьями польского дипломата Яна Бучинского. В Германии Рысинский, в частности, подружился с К. Риттерсгузиусом, в соавторстве с которым подготовил к печати оставшиеся в рукописи (1588) «Изыскания по Авсонию». На родине Рысинский сблизился с приверженцами левого крыла реформационного движения Д. Белинским, П. Ста-

скими цифрами. Номера ставятся после приводимых отрывков; арабской единицей и двойкой обозначаются первая и вторая книги «Писем».

торием, А. и Ф. Станкарами, Д. Наборовским и другими и вел с ними интенсивную переписку.

Точно известно, что в дальнейшем, после 1600 года, Рысинский находился на службе у князей Радзивиллов. Роль придворного поэта и воспитателя княжеских детей отразилась на творчестве Рысинского, который воссоздал в стихотворной форме военные деяния своих хозяев («Эпитоме», 1614), а также сочинил надгробные надписи для членов княжеской семьи и некоторых знатных лиц (Monumentorum decas, 1614). Виленской протестантской общиной Рысинскому было также поручено перевести псалмы Давида (1614) на польский язык. Известно также, что Рысинский участвовал в подготовке изданий Любченского печатного двора, в частности, сборников песен, канционалов. Писал он и небольшие «стихотворения на случай». Был советником и в некоторой степени наставником Христофора Радзивилла по вопросам культуры и вероисповедания.

Рысинский всю жизнь терпел нужду. Близкий его друг придворный лекарь Радзивиллов Д. Наборовский, присутствовавший при его кончине, свидетельствовал, что в оставшемся после поэта имуществе числились только книги.

Главным трудом, плодом многолетних изысканий Рысинского был «Сборник пословиц», изданный в Любче в 1618 году. Своим воспитанникам Бучинским составитель его в октябре 1585 года сообщал: «...в настоящее время я разрываюсь от многих дел, да что там разрываюсь — я ими раздавлен: и учить, и переводить, и собирать я вынужден примеры, которые бы освещали и украшали предписания науки... Мне даже в праздничный день не приходится быть свободным от работы, пусть приятной и полезной. Та ноша, которую я взвалил на свои плечи, очень тяжелая и, насколько я понимаю, в будущем меня не устроит. Ведь немногие ученые, которых мне удалось видеть, пользовались таким методом в собирании поэтических элементов. Поэтому меня одолевает большая забота, которой до сих пор, насколько мне известно, никто не испытывал. Я вижу, что взялся за труд, требующий большого усердия, для того чтобы после завершения он мог принести пользу изучающим данную область. Огромная забота, с другой стороны, собрать множество книг, относящихся к делу, и привести, как говорят, к точке...» *(2, II)*.

Менелаю Бучинскому Рысинский писал 20 марта 1586 года: «...я весь в этом: создаю и сочиняю то, из чего в скором времени смогу черпать. Ко дням ночи добавляю...» *(2, XI)*.

Как видно, уже в 1585 году, т. е. за 33 года до издания сборника пословиц в Любче, Рысинский с увлечением трудился над их собиранием, сопоставлением с ними образцов «поэтических элементов», вошедших в книгу.

Если вдуматься в смысл обращений Рысинского к своим друзьям по научному поприщу, то можно прийти к выводу, что он больше всего преклонялся перед светочами мысли, а не перед власть имущими. Не случайно его предисловия к изданиям «Конъектуры к письмам Л. А. Сенеки» и «Восемнадцать сот пословиц» обращены не к князьям, как было принято в то время, а к ученым Бусеретиусу, Рему, Винанду. В «Изысканиях по Авсонию» вводное слово обращено к ученому Постию. Последнюю из названных работ Рысинский готовил вместе со своим другом юристом и поэтом Конрадом Риттерсгузиусом. Именно этому другу, переводчику и изыскателю греческого стихотворца III века Оппиана Рысинский посвятил хвалебные стихи и ему же он объяснял, как пользуются на Руси именем и отчеством.

В связи с последним и стало возможно установить имя отца Рысинского — Федора.

Оставаясь под влиянием древнегреческих философов Гераклита и Эмпедокла, особенно восхваляя их диалектику, Рысинский в своих воззрениях склонялся к дуализму. Вопрос о божественном возникновении мира, жизни на земле и человеческого общества вызывал у него сомнения: он верил в «бога-творца», но одновременно утверждал, что сама природа — создатель живого мира. В письме к известному реформационному деятелю Петру Статорию Рысинский говорит: «Человеческая жизнь, подобно прочему, обладающему материей как своей сущностью... родилась или по настоянию творца совершенного устройства, не задумавшего это устройство так, чтобы с начала человеческого рода жизнь его протекала в одиночестве, или же жизнь зародилась по законам самой природы, которая это первоначало, т. е. не жить в одиночестве, предназначала для всех людей...»

В сочинениях Рысинского не упоминаются церковь, религиозные догмы или чудотворцы. Культ разума был той святыней, которой он поклонялся и которую беспрекословно признавал.

Убежденный сторонник гуманистических идей борьбы против феодального закрепощения личности, Рысинский, подобно Эразму Роттердамскому, клеймил невежество и высмеивал ограниченность лжеученых. Искренний привер-

женец Возрождения и глубокого изучения памятников древнегреческой и римской культуры, он далек был от западноевропейского аристократизма гуманистов, ему чуждо было высокомерное отношение к народу; в народной мудрости, в остроумии и выразительности речи простых людей он видел новую, высшую ступень развития человеческого разума.

Рысинский осуждал жестокость и кровопролитие (в частности, в стихах, где описываются сражения и военные события, к которым был причастен Радзивилл). Ряд замечаний, связанных с разбором «Писем» Л. А. Сенеки, а также толкование собранных пословиц доказывают, что Рысинский был противником социального угнетения и общественной несправедливости.

Гуманизм Рысинского нельзя сравнить с гуманизмом Томаса Мора. В то время как английский лорд-канцлер, описывая утопическую страну благоденствия, беспощадно расправлялся с мечтателями и воителями христианской справедливости — перекрещенцами, белорусский гуманист доказывал своим близким друзьям — левым арианам — неосуществимость их идей. Реальные перспективы Рысинский видел лишь в нравственном и умственном совершенствовании людей. Высшей ступенью человеческих отношений он считал общение между людьми, дружбу, для которой не должны быть помехой ни расхождение во мнениях, ни возраст, ни происхождение. Петру Статорию Рысинский писал: «Сходство между людьми, которое прежде всего имеет значение при совместной деятельности,— черта общеизвестная. Вместе с тем сколько встречается оттенков интеллекта, столько же почти характеров, весьма между собой различающихся... Несмотря на такое разделение умов... я лично осуждаю тех, кто бредит опасением распада человеческого общества. Сходство в природе людей, будь то разобщенных, будь то спаянных каким-то родством, следует понимать не как случайное явление (такое рассуждение весьма ошибочно), а как явление, вытекающее из первичных сущностей, свойственных этим делам. Так как это последнее толкование наиболее правдоподобно, то первое, по-видимому, окажется недостоверным, как выводимое из туманных предпосылок» *(2, XIII)*.

В своих высказываниях Рысинский укреплял у современников убежденность в успешном грядущем развитии человеческой культуры. Так, в письме Христофору Бучинскому от 18 апреля 1586 года он отмечал: «Человек не перестает стремиться к восхищенному обозреванию мира и не перестанет...» *(2, XIV)*. А в письме к Бонкурию Цера-

зию подытоживал: «Скажу, не дни, а годы и века требуются, чтобы стать судейскими шарами научных предсказываний *. Для того чтобы эти предсказания сделать доступными, ученые вынуждены выполнять тяжелую обязанность домашних служанок науки...» *(2, VIII)*.

Рысинский считал, что наука, основы которой были заложены великими мыслителями древности, должна быть доступна всем людям, независимо от происхождения, сословия и имущественного положения. Характерны в этом отношении высказывания в его письме к Бонкурию Церазию, где ученый утверждал, что «наиболее выдающееся у человека — разум, создателем мира распределен, как видно, поровну между всеми, подобно как и сама земная обитель, разум, построенный из одинаковой материи и имеющий одинаковую форму, судя по внешней оболочке, ни в чем, ни у кого из людей не отличается: он не обманывает своими направлениями, проявлениями либо показателями, характеризующими мышление человека, за исключением случаев порчи (явлений болезни.— *Я. П.*), которая возникает в естественных или других каких-либо обстоятельствах. Однако разум порождает такую борьбу и разнообразие мнений и суждений между людьми, что едва осмелишься утверждать, что он возник из одного источника. Не станем разбираться в известной черте человеческой сущности, что тысячи индивидов желают для себя чего-то особого» *(2, VIII)*. А в письме к Петру Статорию Рысинский подчеркивал: «Если спуститься из городов в деревни, т. е., как учителя логики говорят, перейти от рода к его виду, то, я думаю, что и в этом случае какое-то подобие соединяет и сближает людей. И те, кто обычно черпают из лошадиного ручья (иначе говоря, малообразованные), ставят перед собой цель, глубоко скрытую в их сердцах,— преодолевать склоны и обрывистые хребты Парнаса, успешно подниматься на его вершину» *(2, XIII)*.

Рысинский ценил в людях моральную устойчивость, самоотверженную преданность науке. Он презирал нечестность и отвергал ухищрения лжеученых. В этой связи он писал Бонкурию Церазию: «Научные выводы оказываются разрушенными из-за разногласий между учеными; эти выводы уничтожены, стерты до такой степени, что едва можно разгадать их отражение в бестолковости учащихся, в разнобое объяснений. Ведь наглецы лжеученые, притаив-

---

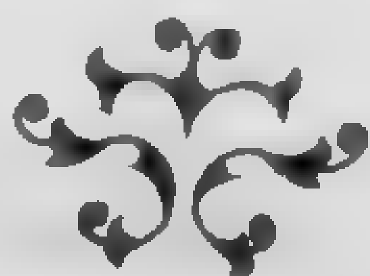
* Судьи высказывали свое мнение о виновности подсудимого, помещая разноцветные шары в урну.

шись в своих норах, не боятся присваивать себе авторитет, будто в качестве единственных судей они выносят наиболее правильные решения... Такие не только произвольно оценивают каноны, но разглагольствуют о трудах настоящих мыслителей, поддаваясь самообольщению, будто тех подводит игра воображения. Поэтому обманщики не оставляют камня на камне от памятников писателям... Нельзя удивляться, если так поступают изыскатели низшего ранга. Их природе свойственно ошибаться и яростно упорствовать в своих ошибках. Исследователи высшего ранга, на виду у всех, до того противно паясничают, что если не помнить об их звании, то, клянусь Гераклом, можно подумать, что они докатились до ребячливости, а этому возрасту присуще невежество и слабость суждений...» *(2, VIII)*.

Рысинский превозносил поэтический дар и преклонялся перед ним как перед высшим достижением человеческого духа. В поэзии он видел жизненную опору, средство облагораживания характера и ума. Он был глубоко убежден в том, что все народы достойны уважения. Все языки мира, включая неисследованные наречия американских индейцев, должны изучаться как неотъемлемая часть человеческой культуры. В языковой оболочке запечатлены «сок и ядро» народной мудрости в виде изречений, пословиц, поговорок. Больше всего он использовал сокровищницу сарматской речи, под которой понимал семью славянских языков.

В письмах к Бучинским ученый подчеркивал, что чувство трогательной привязанности к родине омрачено отсталостью, «засоленным и завяленным», по его выражению, состоянием наук в родных местах. Родину свою Рысинский называет Лейкороссией, т. е. Белоруссией. В письмах А. Станкару он в стихотворной форме заявлял: «Вот я, кого родила на границе Москвы многоснежной славная зверем охотничьим, пущами, борами Русь...» *(1, IV)*.

Творческое наследие Соломона Рысинского с полным правом можно считать достоянием народов Белоруссии и Польши. Оно не только раскрывает огромные духовные богатства, накопленные в течение веков в недрах народа, но остается неопровержимым доказательством того, что многие выходцы из Белоруссии XV—XVI веков становились светочами поэзии и науки.

СОБРАНИЕ КНИГ СОЛОМОНА РЫСИНСКОГО
(опись)

В Госархиве БССР (ф. № 694, д. 450, л. 58—85) находится документ, содержащий опись и стоимость книг Соломона Рысинского, составленный для князя Радзивилла и направленный ему в виде отчета самим писателем. В конце описи указана общая стоимость всех книг —1862 злотых и дописано: «Это считалось по давним покупкам, и я опустил расходы на перевоз книг из Нюрнберга —136 злотых, из Лейпцига —124 и из Базеля —152. Не упоминаю 140 злотых, которые мне стоило помещение в Слуцке, где я хранил книги в течение 7 лет».

Каталог книг с местом и годом их издания или приобретения найти до сих пор не удалось. Не все, конечно, книги, принадлежащие Рысинскому и проработанные им, представлены в описи. Так, например, известно, что «Письма к Луцилию» Л. А. Сенеки, изданные в Париже, Рысинский приобрел в Белоруссии. Об этом он сообщал во введении к своему сочинению, посвященному разбору «Писем». Несомненно, большая часть книг из описи была привезена из заграницы, но в списке немало местных белорусских и польских изданий, прежде всего полемических выступлений сторонников и противников Реформации в Великом княжестве Литовском и в Польше — арианских книг и брошюр. В их числе важнейшее сочинение Сымона Будного — перевод Нового завета и введение к нему. В последнем опровергаются основные догмы христианского учения о непорочном зачатии девы Марии, божественности Христа, загробном мире, святом духе, проводилась последовательная критика версетов Библии.

В описи Рысинского числится также «Новый завет» Мартина Чеховица, одного из ведущих деятелей антитринитарского движения. В этом сочинении содержались напад-

ки на католическую церковь с позиций, несколько более умеренных, чем у Будного. Здесь же были представлены «Акты древних литовских синодов», в которых протоколы яростных споров по богословским и общественным вопросам отразили революционные настроения многих братьев из протестантских общин. В описи имеются и сочинения столпа кальвинизма в Белоруссии Андрея Воляна из Биютишек возле Ошмян и в первую очередь его резкое выступление против иезуита Петра Скарги, а также другие полемические материалы, изданные в Вильно.

Рысинский имел также сочинения левых ариан, последователей Петра Гонезия, видного белорусского утописта, проповедовавшего возврат к раннехристианскому равенству и общности имущества. В описи его книг значатся и произведения Кровицкого (1583), Зигровиуша (1616—1620), Занхия, «Постылли» Краинского с едкими нападками на Сымона Будного. Числились в ней издания Брестского печатного двора — «О жизни и подвигах Скандербега» (1563), сатирические сочинения «История о папе Иоане восьмом» (1560), «Порядок чертовского закона» (1570).

В братской виленской типографии в 1610 году появилось произведение Мелетия Смотрицкого, выступившего под псевдонимом Орфолога, «Фринос» («Плач восточной церкви»). Эта книга тоже значится в описи Рысинского, хотя она по приказу польского короля была запрещена.

В библиотеке Рысинского оказались работы пришельцев из Италии, бежавших в Речь Посполитую от преследований инквизиции, Социна, Альциата и др. Наряду с антирелигиозными сатирическими изданиями брестского печатного двора, работами Будного, Чеховица или Платины и многими другими они были включены в индекс запрещенных католической церковью книг.

Как видно, Рысинский пристально следил за яростными спорами между католическими и протестантскими священниками. В его собрании — полемика иезуита Смиглецкого с протестантом Смальциусом, выступление немецкого богослова Июниуса, обвинявшего в богохульстве новогрудского мыслителя ректора Ивьевской школы Яна Лициния Намысловского. Последний под псевдонимом Проспесус Грацианус издал в Лоске в 1586 году учебник логики с примерами, взятыми из богословских учений, однако опровергавшими догмы христианского вероучения. Июниус обратился к князю Радзивиллу, предупреждая и предостерегая его об опасности распространения книги Лициния, который, подобно Сымону Будному, расшатывал устои

церкви. Книга Июниуса была напечатана в Базеле в 1596 году.

Наряду с полемическими произведениями в описи значатся изданные в Речи Посполитой книги Ст. Ожеховского («Хроники»), Н. Рея («Псалмы Давида»), первые латинские произведения Я. Кохановского. Есть также книжка итальянца Липпо Брандолини, в которую включено четверостишие Н. Гусовского.

Известно, что Рысинский принимал активное участие в подготовке псалтырей, канционалов, катехизисов, заказанных Виленским реформационным синодом для Любченского печатного двора. Рысинскому поручали переводить и править псалмы. Так, в сопроводительной статье к Любченскому канционалу 1620 года несколько раз упоминается имя Рысинского как переводчика псалмов. В собрании Рысинского числились псалмы не только в переводе Н. Рея, но и А. Рыбинского, а также немецкие и французские издания. Имелась в собрании книг и «Славянская псалтырь».

Более 30 лет готовил Рысинский сборник пословиц и поговорок, изданный впоследствии в Любче в 1618 году. Неудивительно, что в описи то и дело называются издания сборников пословиц и изречений разных народов. В числе важнейших — «Пословицы» Эразма Роттердамского, сборник пословиц Агриколи, «Гномология немецких и французских сентенций», «Тезаурус политических афоризмов», сборники греческих пословиц и изречений древних поэтов, притчи Соломона, загадки Рейснера и др. Отдельно числилась в списке «Сокровищница польских, литовских и латинских изречений» (возможно, имелось в виду собственное произведение Рысинского, хотя в конце описи отмечено, что в нее не вошли и остались неподсчитанными «не переплетенные книги в тетрадях, как-то псалмы, канционалы, паранэзисы, пословицы, похоронные надписи разнообразные мои и чужие на 130 злотых»). Следует помнить, что в XVI—XVII веках под наименованием «литовское» подразумевали в первую очередь относящееся к Белоруссии.

В собрании Рысинского были представлены книги из разных областей знаний, как, например, многочисленные издания по географии, главным образом, как и все предыдущие издания, на латинском языке: «Обозрение круга земель», «Обозрение государств», «Нижняя Германия», «Тезаурус географии Ортелия», «Обозрение священной земли», «Географическая тетрадь», «Картина ста стран», «Географические рассказы (французские, австрийские, швей-

царские)», «Польская Лифляндия», «Путешествие по Германии», «Голландия в картинках», «Описание Валуа», «Описание Исландии».

Богато было представлено языкознание в виде дву- и трехъязычных словарей, учебников французского, датского, латинского, греческого языков, пособие по «экзотическим языкам», различные грамматики, египетские иероглифы, сборники синонимов и др. Свои лингвистические познания Рысинский проявил в предисловии к Любченскому сборнику пословиц и в письмах к Риттерсгузиусу.

В описи числится много научных трактатов по истории: сочинения Слейдана, Длугоша, Кадлубека, «Древние римские надписи», «Хронология всех стран», «История Бельгии», «Хронология Московской войны», «История прусской дипломатии», «История Амстердама», «Перечень римских консулов», «Исторические памятники английских королей», «Прусская хроника», «История чешских писателей».

Из других областей знаний интересны сочинения Гуго Гроциуса о морском деле, исследование по орнитологии, книги по педагогике, астрономии, медицине, анатомии, архитектуре, психологии, зоологии, нумизматике, скульптуре, минералогии, ботанике, математике, даже по коневодству. «Гиппика» ошмянского автора Николая Монвида Дорогостайского — это вообще одно из первых в Европе пособий по коневодству, рассматривающее породы лошадей, их болезни. Книгу иллюстрировал несвижский художник Ф. Маковский. О конской сбруе рассказывала другая книга — «Конская сбруя разных народов».

В описи упоминаются многочисленные работы по литературной критике, имеются комментарии к Библии, псалмам, книги Меланхтона, Липсия, Валлы, Мюре, Кальвина, Фришлина, Штурма, Безы, Скалигера.

В собрании книг Рысинского были широко представлены также разные издания древнегреческих и римских авторов: Софокла, Аристофана, Аристотеля, Платона, Геродота, Плутарха, Эзопа; Плиния, Плавта, Марциала, Горация, Цицерона, Овидия, Вергилия, Катулла, Тибулла, Проперция, Корнелия, Галла, Персия, Ювенала, Кальпурнуса, Тацита, Ливия, Валерия Максима, Апулея, Светония, Витрувия, Геллия.

О широте интересов Рысинского и прогрессивности его взглядов свидетельствуют имевшиеся в его библиотеке «Утопия» Томаса Мора и «Письма темных людей» — едкая критика пороков раннего капитализма и ядовитая сатира на интеллектуальное и моральное убожество обскурантов.

Книги, собранные Рысинским во времена его пребывания за границей в конце XVI — начале XVII века, а также на родине, по богатству и многообразию не идут ни в какое сравнение с известными ныне библиотеками гродненского или щучинского монастырей, слуцких и виленских реформационных церквей, а также частных собраний книг, таких как Альбрехта Гаштольда (71 книга) и Авраама Кульвы, кенигсбергского профессора (90 книг)[1]. Библиотека короля Сигизмунда-Августа, царствовавшего с 1548 по 1572 год, насчитывала 4000 томов[2]. Таким образом, библиотеку Рысинского, превысившую тысячу экземпляров, можно также отнести к разряду королевских.

Рысинский был не просто собирателем и ценителем книг, он был всесторонне образованным писателем. К нему с полным основанием можно отнести слова Яна Лициния Намысловского, чье сочинение по логике Аристотеля числилось в собрании книг Рысинского. Намысловский учил в Ивьевской школе, каким должен быть настоящий ученый-мудрец:

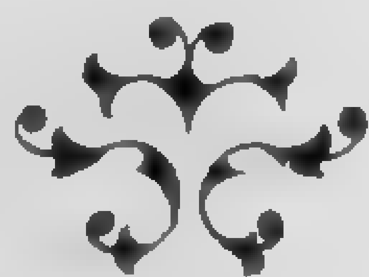
Если владеешь множеством книг без разбору, не думай,
Что заслужил ты преславное имя ученого мужа.
Надо же много учесть, испытать и книг пользу увидеть.
То лишь твое, что в мозгу и глубине закрепилось надолго
И что, коль будет нужда, извлечешь из ума для работы[3].

---

[1] *Дарашкевіч В. І.* Лацінскія кнігі ў прыватных бібліятэках на Беларусі і ў Літве (першая палова XVI ст.).— В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Мн., 1976, с. 59—67.

[2] *Hartleb K.* Biblioteka Zygmunta Augusta.— Lwów, 1928, s. 41.

[3] *Licinius J.* Sententiae ad communem vitae usum...— Losci, 1589, s. 202.

ИЗ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

(Альтдорфские письма)

Уже в ранних произведениях Рысинского отчетливо заметна гуманистическая направленность его взглядов. Особенно в этом убеждают читателя изданные в Альтдорфе «Письма» Рысинского. Подтверждает высказанную мысль даже сам смысл слов эпиграфа к «Письмам»:

> Кто бы ты ни был, не скажешь правдивее голоса писем.
> Не заблуждаюсь ли? Разве Протеем и здесь хочешь быть? [1]

Называя себя именем греческого мифологического старца, обладавшего способностью, согласно Гомеру, принимать облик льва, дракона, пантеры, текущей воды и дерева, Рысинский этим высказывал свое глубокое раздумье о путях развития литературного творчества вообще и эпистолярного жанра в частности. В словах эпиграфа подчеркнуто стремление молодого писателя отказаться от многоликости и изменчивости взглядов в пользу искренних и устойчивых убеждений.

«Письма» напечатаны курсивным шрифтом на латинском языке. В книге есть оглавление, в котором указано, кому адресованы письма. Всего их — 70. Они пронумерованы римскими цифрами. Сохранившийся в Гамбургской государственной библиотеке экземпляр, включенный в конволют с сочинениями Никодема Фришлина, напечатан был Николаем Талеусом. В справочной польской библиографической литературе «Письма» Рысинского упоминаются Эстрейхером [2] и Корбутом [3]. Из исследователей на них обратил внимание Станислав Кот [4], который ограничился указанием на то, что они принадлежат перу одаренного

---

[1] Epistolarum Solomonis Pantheri libri duo.— Aldorphii, 1587.

[2] *Estreicher K.* Bibliografja polska XV—XVIII.— Kraków, 1915.

[3] Nowy Korbut. Bibliografja polska.— Warszawa, 1959.

[4] *Kot S.* La Réforme dans le Grand Duché de Lithuanie. Annuaire de l'institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves. 1952, t. XIV, Mélange Henri Grégoire, Bruxelles, 1953.

гуманиста, уроженца Белоруссии, и содержат ряд ценных биографических и историко-литературных сведений. На современные языки письма не переводились, кроме «Письма к Петрицию», которое на польском языке было включено в одно из изданий, посвященных арианскому движению [1].

В «Письмах» отражена глубокая образованность Рысинского-гуманиста. Свои оригинальные суждения и выводы он сопровождает примерами, сравнениями из истории, философии, литературы, широко оперируя образами античной мифологии и именами ученых.

В «Письмах» Рысинского имеется много сведений о судьбе самого писателя, его труде, переживаниях. Вместе с тем автор останавливается на общих вопросах творчества, а также на вопросах совершенствования писательского мастерства. Им затрагиваются этические и социальные темы. Так, о философии Гераклита и Эмпедокла речь идет в письме к X. Бучинскому. Принципы общения между людьми разбираются в письме к П. Статорию. О борьбе мнений и зазнайстве критиков читаем в письме Б. Церазию. О вреде корыстолюбия в искусстве толкует письмо X. Мустриколе.

Некоторые из писем Рысинского выдержаны в шутливом и ироническом тоне, как, например, к Т. Вишневскому, где говорится об «осле в литературе и в жизни» и делается намек на опасность верхоглядства в творчестве.

Социальные бури, сотрясавшие Европу, и в частности Речь Посполитую и Германию конца XVI — начала XVII века, отразились в «Письмах» не очень широко, хоть местами Рысинский с глубокой убежденностью высказывается в них о необходимости единства народа перед лицом угрозы со стороны иноземных захватчиков. Он презирает недобросовестность ученых. Так, в письме к Яну Петрицию приведены слова видного антитринитарского писателя Андрео Альциато: «Когда бросаются в бой, нанося взаимно себе раны, жестокая львица когтями, вепрь же — клыком, коршун прилетает разведать и хватает добычу. Слава победителя становится будущей его добычей». «Таким же образом,— делает вывод Рысинский,— многие государства, когда разгоралась междоусобная ненависть и пылали внутренние раздоры, были захвачены и растерзаны внешними врагами, понеся огромные потери» (*2, XX*).

Возмущение псевдоучеными выражено в письме к Бонкурию Церазию, где Рысинский категоричен в обличении

---

[1] Literatura arjańska w Polsce XVI w. Antologia.— Warszawa, 1959.

того, «как они все перевирают, все с хитрецой изменяют, порхая, разумеется, в высотах своего неба. Они настолько доверяют перевариванию своего мозга, что тот, кто считает их исследователями, не в силах избежать заключения о равноценности их выводов военной измене...» (*2, VIII*).

Вместе с тем в советах друзьям, как ценить творчество, совершенствовать себя и окружение, чувствуется убежденность автора в могуществе науки, в величии поэзии. «Я,— писал Рысинский своим воспитанникам Бучинским,— считаю тех по-настоящему мудрыми, кто любит эту область наук (поэтику) и не колеблется приложить труд для изучения ее. Уверен, именно такие люди утверждают качества, достойные человека. Могу назвать много причин неправильного восприятия поэзии и нахожу первую и главную в том, что немногие научились оценивать значимость и благородство, умение пользоваться этим божественным даром. Разумеется, у невежды нет никакой страсти...» (*2, II*).

Из писем Соломона Рысинского вытекает, что он высоко ценит творчество Андрея Рымши, стремясь приблизить свой перевод стиха поэта к звучанию подлинника. И действительно, хотя только на основании латинских текстов трудно судить о достоинствах поэзии Рымши, однако сопоставление обнаруженного в «Письмах» произведения с известными до сих пор его панегириками показывает большую образность языка, богатство и многогранность его воображения. Выражения, которыми Рысинский пытался передать стихи Рымши, не идут ни в какое сравнение с его немногословными и скудными в художественном отношении описаниями гербов Волловичей, Сапегов и Скумины. Перевод Рысинского интересен не только тем, что бросает свет на развитие поэтического дарования Рымши; он — пример кропотливого и искусного труда поборников гуманизма в Белоруссии. Не говоря о мастерском построении гекзаметров и замене их элегическим двустишием, обращает на себя внимание богатство языковых средств: Дунай — Истр, солнце — Феб, луна — Кинтия, небо — Олимп, стихи изобилуют латинскими словами и словосочетаниями с тонкими оттенками значений.

Работа Рысинского над стихотворением Рымши обогащает наши сведения о поэтическом наследии в Белоруссии; она представляет собой достойный изучения образец, свидетельствующий о высоком культурном уровне жизни у нас в XVI столетии.

В конце писем Рысинский обращается к благосклонно-

му читателю: «Наиболее зоркий из некогда живших Линкей * был обманут. Что, однако, Линкей? Даже Арг **, наиболее проницательный из всех людей, которые есть и которые были, и тот заблуждается. Ты, мой читатель, разве полагаешь, что книжник, наделенный двумя глазами, не может ошибаться, если обладающий стооким зрением Арг мог?

Весьма обманчивы чувства, зрение — наиболее. Мы — люди: ничто человеческое нам не чуждо, никакими усилиями мы не можем добиться того, чтобы не подвергаться обману и не ошибаться, спотыкаться. Никто из нас не обладает таким острым зрением, как орел или эпидеврская змея. В полдень мы действуем, как кроты...»

Хотя эти слова предваряют исправление ошибок, допущенных печатником в тексте «Писем», они внушают читателям сомнение, колеблют их уверенность в незыблемости окружающей действительности, возбуждают критическое отношение ко всему прочитанному и услышанному из уст людей, «средь бела дня» обманывающих неискушенных.

Современником Рысинского был Фрэнсис Бэкон, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «настоящий родоначальник английского материализма, всей современной экспериментальной науки» [1]. Основные, однако, труды «Новый органон», «Естественная и опытная история» были написаны шестидесятилетним веруламским бароном в 20-е годы XVII века. Рысинский же сочинил свои «Письма» в ранней молодости. Фрэнсису Бэкону тогда было 26 лет. В 80-е годы XVI столетия Рысинский резко выступил против ученых-схоластов, высказал мнение о том, что человек — общественное животное, что только длительный опыт приводит к истине, так как органы чувств обманчивы. Рысинский опередил в своих взглядах на материальную основу мира и демократизм английского аристократа: он верил в бога, но отвергал примирение науки и религии; народ, по глубокому убеждению автора «Писем»,— носитель мудрости и опыта, а у Бэкона народ — это источник смуты.

Противоречием в дальнейшей творческой деятельности Рысинского было то, что, с одной стороны, он продолжал собирать пословицы и поговорки, общаясь с простым народом, а с другой — воспевал в панегирических сочинениях своих покровителей — белорусских феодалов.

---

* Линкей — мифический герой с необычайно острым зрением, его взор мог проникать сквозь землю и скалы. ** Аргус — многоглазый великан, во время сна часть его глаз бодрствовала.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 11, с. 142.

ИЗ «ПИСЕМ»*

О сущности человека

«Те, рождение которых Гермес озарил счастливой звездой так, чтобы, начав путь к богу, они разбирались в наиболее глубокой и тайной сущности знаний о божественных и человеческих делах, вступают в область учения Гераклита, утверждавшего, что все происходит вследствие борьбы. И не без основания, так как многообразие явлений, возникающих перед глазами внимательных наблюдателей (на чем основывается истина Гераклита), само сочетание непримиримых вещей освещает это ярким светом. Но и те, кто, отвергая учение Гераклита, следуют за Эмпедоклом, считающим, что вселенная держится на вражде и дружбе, и принимают это за неопровержимую аксиому философии, оказывается, отнюдь не ошибаются. Ведь подобно тому, как мегалантроп (великий человек — бог — вселенная. — *Я. П.*) состоит и образован не только из раздельных, но и вообще противоположных и друг с другом борющихся (элементов), так и микрокосм (маленький мир — человек.— *Я. П.*) внутри различается двумя противоположными материями — подверженной и неподверженной порче. Эти семена несогласия, кажется, дают основание (наряду с вторичными причинами) вечного и нерасторжимого согласия: ведь и до сих пор крепка нерасторжимая связь (элементов), возникающих из противоборствующих тенденций.

У микрокосма-человека есть общая часть с мегалантропом. Эта часть, конечно, низшего достоинства и меньшей значимости, но с ее помощью он считается, каким есть. Именно микрокосм-человек является животным, наиболее стремящимся к общению и взаимопониманию, а это само по себе могучее и достойное восторга свойство...» *(2, XIV)*.

О величии поэзии

«...Маленькие соловьиные ушки улавливают великое множество звуков, но гармония их никоим образом не составляет истинную и подлинную сущность поэзии. Ее дар, пожалуй, присущ одному лишь человеку: именно дар связывать слова по определенным законам и научно их оце-

---

* Отобрал, перевел и озаглавил публикуемые отрывки Я. И. Порецкий.

нивать. Отсюда — школы с хорошо организованными классами, где преподаются правила и жизнеописания творцов-поэтов. Все это нацелено на развитие определенной способности. Совершенствованию в области поэтики дают название «гуманитарное образование» по той причине, что эта часть науки исключительно выпала на долю человека, а также потому, что она ограждает человека от звериной и варварской природы и делает его более человечным и мягким.

Подтверждение сему можно найти у сульмонского кудесника: «Добавь, что благородным искусствам верно обучили. Они смягчают нравы, кладут предел дикости». Благодаря поэзии добреют сердца, исчезает неотесанность. Нет ведь столь грубого и свирепого человека, которого не тронула бы и не покорила изящная, прекрасная или убедительная речь. Иногда, говорят, включенная в соответствующие размеры, она достигает того, что с помощью ее фракийский кудесник не только сдвинул, но и увлек камни и стволы древ. Такова привлекательность, такова красота метрической речи.

...Книжки выпали из рук Цезаря, введенного в удивительное оцепенение красноречием Туллия. Таковы сила и действенность речи, хорошо обработанной и богатой ритмами. Пусть бы она не чуждалась ораторов!» (*2, XXIII*).

Поэтику постигают усердием

«...Если какое-либо занятие требует внимательного и усердного упражнения, то это прежде всего поэтика. По этому поводу есть слова и у Назона и у Марона, творения которых «ночной листайте рукой, листайте дневной». Более того, при чтении поэтов ревностно запоминайте фигуры и изречения, свойственные им, своеобразные, красивейшие по построению и расположению, их рассказы, сочинения, остроумные истории, прибаутки и изречения. Все это полезно и необходимо в повседневной жизни. То же надо сказать об иных увлекательных образах, которыми поэты, паче прелестны пения птиц, благозвучащими словами стремятся воспитать нравы людей, ораторов.

И то при случае отметьте, что вы должны насытиться опытом своих усилий и таким путем глубоко изучить данный вид стиха и достигнуть в творчестве вершин. Ознакомьтесь как следует с непричастным к вашей работе автором, играющим первую роль в данном роде стихосложения, и, поверьте мне, это принесет полезные плоды. Если

больший восторг вызывает у вас элегический размер, то совершенствуйте этот род стиха, работая над Овидием, если героический — обратите внимание на Марона, если лирический — задумайтесь над песнями Горация. Ведь подобно тому, как не получается выдающийся закройщик, коль он не взялся за изучение приемов образцового мастера, так никакой лирический поэт не достигнет в будущем совершенства, не поучившись у Горация. Подобно и живописец Зеуксис, приняв за образец пять прелестных дев, живописал прекрасное. В противном случае приходится терять напрасно масло (время) и труд...

Говорят, что когда Церера * объясняла Триптолему **, изобретателю плуга, пользу хлеба, она внушала: «Не очистишь, не улучшишь и не поешь». Отсюда вытекает, что никто не продвинется вперед в своем деле, если не приложит к нему усердный труд. Ведь у тех, кто занят ремеслом, остается один только опыт.

В остроумном греческом изречении прославляется и количество упражнений и изучение. Отсюда, как известно, изречение Эпиктета: «Помни, знание не зарождается внутри человека, если каждый день он не повторяет, не слышит, всю жизнь не отстаивает задуманное...»

И пусть вас не отпугнет от цели тонкое и тщательное испытание разума; ведь когда вы постигнете природу ума, с большим успехом сможете разобраться в этих изысканиях. И не обрекайте дух на тяжелое переживание, отчаявшись в возможности дальше работать. Помните о девизе Карла Пятого, римского императора: «Продолжайте так, чтобы у вас не прошел ни один день без проведения черточки». Ведь всякий труд, прежде чем к нему приступить, кажется тяжелым и первая с ним встреча наиболее беспощадна. Великий опыт приходит с поздними годами. Вспомните слова Назона: «Капля долбит камень не силой, а частым падением». Так и человек ученым становится не силой, а постоянным учением...» *(1, XVII)*.

Предостережение ученым

«Да обладай человек остротой рысьего взора, и зоркие глаза не уберегут от заблуждения; да будь он трижды осмотрителен, не быть тому, чтобы иногда не ошибаться в мелочах: ведь никто не счастлив во всех отношениях. Та-

* Богиня Церера (греч. Деметра) передала ему искусство земледелия и одарила зернами пшеницы. ** Триптолем — греческий герой, божество земледелия.

кое встретишь и среди людей с исключительным образованием и рассудительностью. Так оно построено природой: когда кто-нибудь считает, что достиг высшего совершенства, тогда больше всего поступает безрассудно. Когда кто-либо убежден, что поднялся до вершин образования, то он едва находится на низшей его ступени. Вот уж действительно опрометчивость человеческого ума: пренебрегая тем, что находится рядом, взлетать к высшему, пусть это сопряжено с трудностями и даже с опасностями. Намного безопаснее поступил бы человек, если, удовлетворенный обыденным, применив свои способности к нему, пытался бы усердно работать в доступной области и не дерзал выплывать за Геркулесовы столбы. И крылатое животное, чем больше у него перьев, тем выше рвется, пытаясь взмахами крыльев парить в поднебесье. Оно считает недостойным летать ниже и пытается где-то в неземной выси овладеть кузницей, в которой куется истина. Подобное безрассудство присуще и нашим философам, когда они пытаются подняться выше метеоров и метафизики. Тяжело остановить их и убедить, что они заблуждаются, но в конце концов они падают на землю, тяжело барахтаются, допускают нелепые ошибки в простейших делах, от которых раньше отворачивались и которыми пренебрегали» (*2, 1*).

О вреде торгашества

(Из письма к X. Мустриколе)

«...Когда-то антропоморфиты, включая себя в число претендентов на установление истины, полагали, что у ваятеля есть некое сходство с вымыслом; и в наш век это название подойдет тем, кто привык подражать любым формам и изображать полипов (хищников) и хвостатых обезьян, лишь бы появился намек на плату. К таким не только всеобщее презрение, но, главным образом, они противны ценителям истины, ненавидящим побеленный или нарумяненный лик вещей.

Совсем недавно я понял, что ты хотел решиться на торг, чтобы наесться до отвала, и пытался таким путем дурачить кое-кого из наивных. Этот прием, конечно, меня очень встревожил, так как страсть к славе, безусловно, не принесет тебе никакой пользы. Разве прошло мимо твоего разумения то, каким остроумием и какой сообразительностью... снабжены даже более грубые умы нашего века? Если было верным когда-то, то, безусловно, правдиво из-

вестное высказывание Марциала и сейчас: „И у детей есть нос носорога (т. е. даже дети бывают весьма хитрыми и придирчивыми)“» (*2, XVIII*).

О дружбе

«...Рассказывают, что у персидского царя был служитель, который на рассвете входил в царские покои и такими словами будил его: *„Вставай, о царь, и позаботься о делах, о которых Ормузд * хотел, чтобы ты заботился“»* (написано по-гречески.— *Я. П.*).

Мне, если даже над ухом не соберется протрубить какой-нибудь горнист, противно и неприятно при мысли о том, что не удалось помочь другу. Мне тогда кажется, будто я слышу божественный голос выдающегося писателя, который напоминает о ленивом скудоумии: «Друзья, я день потерял...»** Это тяжелое и страшное обвинение в измене дружбе можно было б объяснить неизбежностью смерти, туман которой всех нас останавливает. Но ведь она, которой чуждо вообще человеческое, еще не наступила, хотя и представляется силой всепорождающей природы, неизведанным свойством, привитым к росткам ее корня.

Зачем, однако, пытаться вытаскивать на дневной свет примеры, говорящие о бессилии дружбы. Само дело говорит за себя, оно освещено Фаэтоновым огнем... Посмотрев сквозь решетку, поставленную на памятниках писателей, можно убедиться, какой тирании подчиняла себя дружба многих сердец. Она, как власть, заставляла застигнутых этим чувством добровольно идти, хотя никто не торопит, через скалы, бездны, по непроходимым утесам, которых даже во снах наиболее причудливое воображение себе не представит.

Дружба Тезея и Пейритоя ***, подобная нерасторжимому гордиеву узлу, всем и каждому известна. Стальная связь Ореста и Пилада **** на всех устах набила оскомину. Также не забывается воспетая у Марона верность Евриала *****. Опустим бытующие в гуще народа подобные сказания, переданные памяти в баснях писателей, лучше пе-

---

* Ормузд — древнеперсидский бог света и добра. ** Amici diem perdidi — по римскому писателю Светонию выражение приписывается римскому императору Титу (62—81 н. э.). *** Тезей — аттический герой, связанный дружбой с Пейритоем — царем мифического племени Лапифов. **** Орест и Пилад — герои древнегреческих сказаний об аргонавтах — неразлучные друзья. ***** Евриал — сын Одиссея — героя «Илиады» и «Одиссеи». Марон (Вергилий) воспевает его верность.

ренесемся в кладовую, наполненную памятниками прочной веры в дружбу. Здесь уместно вспомнить о Лелии и Сципионе *; их союз был настолько прочен, что сам отец римского красноречия не колебался передать о нем потомкам в своих сочинениях. Далее напомню о Демоне и Пифии **, двух телах, оживленных одним духом. Каждый из них, хоть жизнь их оборвалась, был убежден, что победит. Также Туллий и Максимус Валериус *** в один голос воздают должное дружбе. Что уж, если затронем священное, божественное описание, не загрязненное пятном подозрения, как объявляет христианское богочестие! Едва туда ступим, как предстанет сын царской крови Ионафан **** со святым царем и кудесником Давидом. Их сердца так близко срослись, что каждый из них предпочел бы лишиться благосклонности родителя, чем друга. Давид настолько был проникнут влечением, ненавистным своему отцу, что все жестокие и несправедливые упреки дорогой дружбе от непоколебимой к ней неприязни отцовской переносил невозмутимо. Это сильнейшее чувство вопреки желанию отца он заставил подчинить своей власти, несмотря на угрозу смерти...» (*2, IV*).

Признание приятно
(Из письма к Демосфену Бучинскому)

«...Оцепенение внезапно распространило какой-то туман; пришлось себя убеждать, что перед глазами не Гомер, Калимах и прославление римлян, а письмо, пересланное мне моим Демосфеном. Как это тебя, мой прекрасный Демосфен, Паллада надоумила, что ты таким рогом раструбил мне хвалу? Клянусь Гераклом, по крайней мере, частичку тех похвал, которыми меня осыпаешь, кое-кто мог бы сыграть на тройной трубе. Не хватает, чтобы Марс взялся за рог и воспел это. Возможно, Гектор у Меонида ***** считал бы это исполнение истинным и красивым... Следовательно, ты скажешь, я предпочитаю, чтобы меня порицали. Со спокойным сердцем не вытерплю, если что-либо смогло бы взаправду ускользнуть от суда Радаман-

---

* Лелий — друг Сципиона Старшего (умер в 183 году до н. э.). ** Пифия — прорицательница, жрица Аполлона; Демон — сверхъестественное существо, не имевшее культа, у Сократа Демон — внутренний голос. *** Валерий Максим—римский писатель I века н. э. **** Ионафан— друг библейского царя Давида. ***** Гектор у Меонида — у Гомера предположительно Меония — родина Гомера.

та *. Значит, говоришь, я бы желал, чтобы соблюдался умеренный восторг? Да, я не возразил бы. И, по утверждению Гелия **, более противно заслужить холодную похвалу, чем злобную хулу...

Ведь счастливые придерживались умеренного. Добродетель — это нечто среднее между пороками, от обеих крайностей равноотдаленное. Я полагаю, что лучше было бы помнить об этой истине и о боге молчания Гарпократе, так как это наиболее надежная награда по свидетельству Валерия Максима...

Пусть положено скрывать тайны души, но что мешает передавать их ушам, которым тайну можно доверить? Кажется, я сам перелетаю на крыльях Дедала Олимп. Откуда, говоришь, столь стремительный полет? Именно воодушевленный вашим похвальным словом, я устремился к такой красоте и преодолел вершину столь крутых склонов великой поэзии! Как? — спросишь. Я собрал с Хребта Гимета *** пахнущие цветы, из них я приготовил текущие меды, сладчайший плод я поместил в пиалах, которыми меня, посетившего Парнас, поили Пиэриды ****. Затем, воспользовавшись отстоем, я приспособил крылья и внезапно стал крылатым.

Ты спрашиваешь, не разбавил ли я медовый напиток обыкновенным соком. Никоим образом. В этом деле мне помогли труды Амалтеи ***** и Мелиссы ******, которые воспоили дух и тело мое сладчайшей амбросией и приятнейшим соком из груди, поэтому меня многие считают галактофагом *******.

Итак, ты думаешь, что все плывут к той же гавани вдохновения? Ты очень ошибаешься, не любой является Платоном, на чьих губах пчелка — собирательница меда. Не любой — Нестор ********, из коего уст течет медоносная речь, как и не любому человеку удается достичь Коринфа *********. Не всем можно наслаждаться нектаровым даром богов, но, клянусь Геркулесом, что я говорю! Сейчас

* Радамант — один из трех судей ■ подземном царстве. ** Авл Гелий — римский автор II века н. э. *** Гимет — гора в Аттике, славная пчелами, медом и мрамором. **** Пиэриды — одно из названий муз от местности Пиэрия, где они собирались вблизи Олимпа. ***** Амалтея — коза с волшебным рогом (рог изобилия), вскормившая Зевса. ****** Мелисса — пчела; древние считали пчел божественными нимфами. Рысинский иронизирует по поводу своего мнимого особого вдохновения. ******* Галактофаг — любитель молока, «молокоед». ******** Нестор — красноречивый оратор, герой Троянской войны. ********* Коринф — греческий город, где в древности происходили состязания в честь Посейдона.

не смогу трубить отступление и убрать паруса, вздутые ветрами горделивости, расправить брови, слишком насупленные. Что поделаешь? Фригиец * становится лучше от побоев. Нет ничего столь святого, чего бы зубы черной зависти не смогли разодрать и испачкать. Куда действительно эта Гарпия не забирается? Чего она не портит?..» *(2, III)*.

О себе

Из письма к Т. Вишневскому

«...Я веду жизнь непринужденную, суровую, веселую, грустную, я здоров, зябну, я рассудителен, заставляю себя ждать, спешу и делаю остановки, тороплюсь, но слишком медленным шагом.

Против моей воли следую за Протеем, меняющим облик. Не меня осуждай, а судьбу, Протея. Ты узнал его местонахождение, тебе известна свойственная ему изменчивость» *(1, XXIX)*.

Из письма к Д. Бучинскому

«...Не знаю, какой сладостью родная земля всех влечет и не позволяет о себе забыть... но, клянусь Гераклом, когда есть весьма удобный случай вынести ноги из гнезда и украшенную домашними перьями голову высунуть наружу, хочется насыщенному отечественным воздухом понюхать и духа иноземного. Долго ли мы будем вести монастырскую жизнь, долго ли привязанные к тем же углам будем довольствоваться учением, почти засоленным и завяленным? Избитое утверждение «домашнее занятие делает ученого» является не столь прочным и всеобщим, чтобы не иметь исключения. Не следует отделять кабинетную работу от работы в сообществе с другими, и наоборот...» *(2, XXV)*.

Из письма к Я. Томингу

«Когда я, образованнейший Томинг, вместе со славным врачом Иоаном Гаслером прибыл 25 августа 1582 года в ваш прекрасный Лейпциг, тотчас же узнал, какой любви и какого уважения ты достоин, так как выдающийся юноша, обладающий редким даром ума и исключительной от

* Фригиец — баснописец Эзоп, который был, по преданиям, фригийским рабом. Ирония Рысинского: побои — резкая критика, которая заставляла автора взвешивать свои выводы.

природы добротой и человечностью, излил на меня удивительную и единственную в своем роде благосклонность. Признаться, никто не скажет, что я предлагаю твоим ушам что-то новое. Оказанная мне тогда благосклонность пустила в моем сердце крепкие корни... Поэтому я полюбил тебя, так люблю и буду любить, сохраняя чувство, не похожее на пуническое вероломство. Эту признательность благодарного сердца я засвидетельствовал уже прежде в письмах и сделал возникшую между нами дружбу более прочной. Эта дружба не изменилась. Недостаток силы и способности некоторых людей к сохранению дружбы обычно становится предметом жалоб и недовольства, тем более, если они разделены большим расстоянием.

У меня к тебе небольшая просьба, прежде чем закончу письмо. Я помню, что сделал для тебя копию бедно рожденного и бедно выращенного плода моего ума, стихотворного героического произведения «О страстях господних»: я не мог его попросить у тебя в связи с внезапным отъездом. Прошу тебя еще и еще раз во имя нашей дружбы позаботиться мне переслать его, если оно только сохранилось от съедения мышей и моли. Привожу две причины моей просьбы. Во-первых, в сочинении много ошибок и стихотворных погрешностей; во-вторых, это единственный экземпляр, найти его не оставляет меня надежда. В пылу страстей, когда я покидал Вильно, я, вернувшись, обнаружил пропажу этой работы» (*2, XXX*).

Из письма к Амвросию Станкару

«...Человеческие глаза лучше видят чужое, чем свое. Вне себя действуют, подобно рыси, внутри — кроту» (*1, XX*).

Из письма к Т. Вишневскому
(Притча об осле)

«...Из твоего письма я увидел, что тебе не хватает материала для прославления головы осла. Конечно, ты попал в весьма дурное положение. Кто же, вознесенный славой, не работает над тем, что, по общему признанию, считается нужным и бесспорным. Такой (писатель.— *Я. П.*) стал бы белой вороной. Однако падать духом тебе не следует. Сколько раз, бывает, порицают и дергают наиболее честных. Итак, наоборот, нет ничего столь ничтожного и презренного, чтобы не могло стать предметом наговоров.

С наибольшей готовностью берусь за дело. Пусть, следовательно, осел будет животным, полностью презренным и глупым; им даже славный фригийский сказочник пользуется лишь для порицания, то есть для показа его глупости. Отсюда и людей никчемных и глупых то дурнями, то ослами простонародие обзывает. Хотя такое (находим) в книгах фригийца, тем не менее Аристотель передает в книге о животных, что осел трудолюбив, весьма терпелив, рожден для большой пользы людей. Он животное простое, поэтому тугоумное, терпящее холод, мороз, тяготы, большие невзгоды. Действительно, никто не становится мудрым, ничего не вытерпев. Одни священные книги воздают обильную хвалу и отмечают преимущество этого животного. Наиболее известен случай с непобедимым героем Самсоном, который повалил тысячу мужей челюстью осла. Из нее через некоторое время потекли обильные источники. Этот случай, безусловно, указывает на то, что бог даже наиболее сильных из людей, наиболее остроумных софистов и мудрецов сего мира побеждает рукой и устами простаков и несведущих. Упомянем и то, что поэты рассказывают о Юпитере, который, воспользовавшись ослом как животным, поведал тайну людям. Конечно же, величайший и лучший господь объявлял нам свою волю через простых и неотесанных апостолов. Много есть такого рода писателей, которые трудились во хвалу этого одушевленного существа. Это и я делаю в настоящем послании. В нем легко прочитаешь о том, что окажется пригодным для твоей затеи. С полным основанием смог Самсон в качестве отличия использовать морду осла и ему не стыдно было дать ее как знак рода. Показывали же другие в качестве отличия медведей, львов, орлов, грифов и невесть каких чудовищ, чуждых всякой человечности. Наверное, это подобает...» *(1, XVI)*.

Из письма к Мирандуле, брату

«...Мне кажется, что ты отсутствуешь год, уважаемый брат, хотя тебя нет 40 дней. Такая печаль последовала за твоим отъездом, что мы отчаялись, сможем ли остаться дольше в живых, если бы не надежда, что, по мнению многих, ты вскоре вернешься. Если бы ты смог посмотреть на кого-либо из нас, застрявших между надеждой и опасением, ты бы сказал, что это некий Харон. До такой степени все было охвачено тоской и печалью, погружено в отчаяние, ты бы увидел, как никто не проявлял никакого весе-

лия. Потуплены к земле взоры, встревоженные и почти окаменевшие лица всех. Если бы в это время прорицательница Питонисса * вызвала к нам Назона из подземного царства, то не совсем темные или скрытые и трудные для восприятия, а животрепещущие и на самом деле представительные метаморфозы он смог бы воплотить в сочинениях. Что же хотел выразить такой вид нашей обители? Именно желание, чтобы твой взгляд осветил ее темные углы, чтобы вернул прежнюю веселость. К сожалению, все это совершенно ясно подтверждало твое отсутствие.

Какое все же пиршество богов происходило в нашей обители, когда все украшало твое присутствие! Не усомнишься сказать, что все приходило в движение. Ты не меньше, чем тот Пан, то остроумием, то беседами, то прекрасными речами, то песнями, то гармоничными, естественными и певучими словцами привык веселить и ободрять. А теперь все мы подобны Баттам **, никто не говорит, а если говорит, то ни в коем случае не чувствуется твоего красноречия, никто не поет, а если поет, кажется, что воет, и никто не представляет что-либо, что могло бы привлечь внимание всех. Разве по праву мы лишены всего этого, и кажемся ввергнутыми в печаль и одиночество? И если бы приятнейшие воспоминания о тебе и о прошлом у нас было похищено, то кончено было бы с нашим спасением...» *(2, XIX)*.

Из письма к Бусеретиусу

В мае 1587 года Рысинский писал ректору Альтдорфского университета Бусеретиусу по поводу смерти его дочери: «Я сегодня узнал, прославленный муж, что твоя дочурка Юлиана по неминуемой необходимости распрощалась с жизнью, похищена жестокой смертью. Знаю, ты переживаешь такую муку, необыкновенную боль, испытываемую нами, всеми людьми, подвластными этому закону. Каждый из нас носит в себе страдания, но больше всего родитель, потерявший дитя, душой несравнимо истерзан. Тебе, однако, подобает претерпеть в спокойствии духа судьбу этого ребенка, похищенного на пороге жизни, хотя бы во имя того, что это горе, если его следует считать только горем, а не величайшим благом, общее. И действительно, *не позорно людям друг с другом делиться несчастьем* (написано по-гречески.— *Я. П.*), как говорит Фесей у Еврипида. Возмож-

---

* Питонисса — Пифия — волшебная прорицательница.
** Батт — пастух, превращенный Меркурием в камень.

но, у нас не меньше сочувствия к будущему блаженству, чем у того невежественного фракийского племени, которое, когда человек появляется на свет, разражается плачем и стенанием, когда же он умирает, веселится и пускается в пляс, не скрывая своего убеждения в том, что тот, кто вступает в жизнь, вступает в юдоль скорби, а уходящий из жизни освобождается от моря горестей и попадает в гавань умиротворения. И конечно, истинной представляется мысль: *тот, кого боги любят, умирает* (написано по-гречески.— *Я. П.*). Что же более похвально и полезно мыслится в человеческих делах, чем когда быстрее достигают цели, каким-то кратчайшим путем. Какой же более краткий может быть путь к будущему бессмертию, чем когда в детском возрасте отдают должное природе? Все ведь несомненно в земной жизни, одни медленнее, другие быстрее, странствуем от людского к вечному. Но зачем я добавляю воды в океан? Ты по своей мудрости сам достаточно об этом знаешь. Все же ввиду того, что я воспел в необработанной песне рождение дитяти, я решил поведать грядущему тем же пером день его кончины; итак посылаю восьмистрочную двойную эпитафию, созданную по случаю; если она тебе улыбнется, прими как утешение, если она тебе не будет приятна, не теряю надежды, что ты силой воли себя сдержишь. Будь здоров!

Из Нюрнберга. Май 1587 г.

Судеб, увы, беспощадны законы, сурово господство
    Смерти, кому ж усмирить, победить, осилить ее?
Старцев и юношей, отроков, мальцев незрелых похитит,
    Матери грудь не оставивших, разве она пощадит?
Вот же, свирепая, нежную дочку берет с колыбели,
    Десять недель ей исполнилось, только и кончилась жизнь.
Люди, пока вам дозволено жить, так живите, ведь время
    Гибели, час неизвестны, а в смерти сомнения нет.

Юлиана обращается к родителю

Хочешь, отец, облегчить расставание с умершей дочкой?
    Душу утешь и печаль из груди наболевшей гони!
Грустью окажешь мне должное — думаешь. Так ведь напрасно!
    Милый отец, ты послушай-ка, в чем убедить я хочу:
Может узнаешь причину двойную душевного мира —
    Жизни твоей и моей никакого подобия нет.
Дым исчезающий, сон, будто тень, твоя жизнь ускользает,
    Жизнь же моя — это истинный успокоенья венец.

(2, XXXI)

Из письма Церазию Бонкурию

«...Я заметил, любезнейший Бонкурий, по твоим письмам, недавно присланны́м мне, что ты крайне удивлен приемом Иоанна Валеса, нашего большого друга, который поместил в заглавии «Печальных песен» известное двустишие Клавдиана:

Pulcris stare diu Parcarum lege negatur,
Magna repente ruunt summa cadunt subito
(Парки запрет налагают: краса сохранится недолго,
Рухнет внезапно великое, высшее вдруг упадет)

в таком виде:

Summa cadunt subito magna repente ruunt
(Высшее вдруг упадет, рухнет внезапно великое)

Твое удивление и сомнение легко рассеются, если вспомнишь о правиле, оставленном знатоками стихотворного искусства: пятистопный стих изящно и весьма стройно замыкается двусложным словом. Надо думать, что именно по этой причине наш друг изменил порядок слов в строке. Стремление сделать окончание пентаметра более красивым подсказало ему предпринять единственно допустимую надежную перестановку.

Между тем против подобного исправления говорят два веских обстоятельства. Во-первых, канон об окончании пентаметра не столь безусловный и общий, чтобы оградить его от любого исключения. Вместе с тем второе обстоятельство *«более позднее — первое из двух»* (написано по-гречески.— *Я. П.*) не уступает, а даже превосходит по значению первое: из-за сделанного другом исправления погибает и красота нарастания выразительности и остается без внимания образность слов в отрывке. И это самое главное, ведь нет ничего такого, что звучало бы величественнее и выше, чем великое. Итак, если читать «Высшее вдруг упадет, рухнет внезапно великое», как предлагает Валес, то описание получится слабее и менее впечатляюще; если же прочитать в том виде, как написано у Клавдиана,— «Рухнет внезапно великое, высшее вдруг упадет», то переход от «великого» к «высшему» посредством трехсложного слова repente (внезапно) в высшей мере отчетливо изображает стремительность низвержения и выразительнее рисует картину».

«Эта драка,— закончил Рысинский,— затеянная будто за алтари и очаги, совсем не влияет на охлаждение или омрачение чувства дружественных связей. Ведь, хотя многим мы обязаны дружбе, но намного больше истине. Этой

последней нам по необходимости положено крепче придерживаться, ибо друг Платон, друг Сократ, но больше подруга истина. Думаю, что туман и тьма, окутавшие по обоим вопросам твой ум, уже рассеялись».

Из письма братьям Бучинским

«...По моему мнению, никакая черта больше не выделяет человека, чем великое и замечательное умение передавать связанной речью восприятие разумом и делать достоянием слушателей мысли, выраженные возвышенными словами, соединенными закономерно, гармонически включенными в правила размера. Такой прием отражает прирожденное свойство окружающего мира. Насколько, следовательно, горячо люблю тех, кто почитает и уважает достоинство этого дарования, настолько, наоборот, тех, кто либо не понимает, либо презирает такое прекрасное проявление искусства, я отвергаю и убежден, что они едва достойны называться людьми. Ведь некоторые из рода пернатых пользуются многими человеческими голосами, и слона научили греческим буквам, и осел, и бык способны издавать звуки, подобные человеческим, но невозможно до сих пор найти изображение или описание какого-нибудь рода животных, которые естественным путем произносили бы слова, скрепленные стихотворным размером. К такому качеству животный мир подходит близко. Вдумчивый и усердный исследователь тайников природы Плиний свидетельствует о том, что соловей обладает совершенной модуляцией по законам музыкального искусства: иногда соловей распевает длинные или героические фразы, иногда же более краткие — сапфические, бывает — очень краткие, совсем как адонические. Хотя такие трели воспринимаются столь нежно слухом, они остаются только звуками, и нет никакого сходства между этим пением и истинной, настоящей сущностью стихов. Итак, видно, что исключительно человеку присуще умение связывать слова точными (стихотворными.— *Я. П.)* законами и что именно в этой области мыслим только человек...

Я вспомнил о восьмистишии на народном языке, которое включено в дневники Андрея Рымши *, написанном во

---

* Очевидно, имеется в виду сочинение А. Рымши «Декатерос Акроама» (поэма о военных подвигах Христофора Радзивилла), найденное в 1965 году исследователем ПНР А. Сайковским.

О творчестве белорусского поэта XVI века А. Рымши известно немного. Сохранились лишь его отдельные стихотворные и прозаические

славу рода Радзивиллов. Кажется, что мне удалось его передать в нижеследующих гекзаметрах. Я их преподношу Вам в дар — вот эти строки:

Прежде бы тронули за ухо львицу, зажженную гневом,
Зверя индийского муха смертельно поранит,
Истром ** бурлящим неистово, крепости Крака размоет,
Следа не станет от гор поднебесных сарматских,
Феб, изрыгающий жар, колесницы разбег остановит,
Кинтья покинет скорее ночное светило,
Чем перестанут мавортские *** трубы гласить везде славу,
Ту, что принес Радзивилл знаменитый с Олимпа.

Рысинский продолжает: «...я пытался придать этому стиху права латинского гражданства. Насколько мне удалось, пусть судят другие. Его нельзя было передать размером элегического двустишия — этот вид стиха, нежный и умеренный, а не пышный и строгий, который как бы стремится к героическому сказанию. Я, однако, постараюсь при случае перевести его также элегическим размером...» *(2, II)*.

Спустя некоторое время в другом письме Бучинским *(2, XVII)* Рысинский вновь обратился к этому стихотворению Рымши: «...помнится, что в предыдущем письме я обещал сделать для Вас копию элегической эпиграммы, которую я перевел на латинский язык с сочинения на местном языке в честь князя Радзивилла... Вот как она звучит:

Льва, воспылавшего яростью, прежде удержат за уши,
   Муха бессильная враз дикого сгубит слона,
Волны Дунай полноводный над валами Крака понес бы,
   Верхи сарматских сперва с громом обрушатся гор,
Бег огненосного солнца на своде небесном устанет,
   Ход свой скорее ночной сможет луна изменить,
Чем знаменитая Марса труба умолчала б о славе
   Дарят ее, Радзивилл, боги с Олимпа тебе.

...Я не хотел бы скрывать от Вас, какой огромный труд я взял на себя, облекая в романское платье эту эпиграмму: дважды я перевел ее чистыми гекзаметрами, дважды гекзаметрами в сочетании с пентаметрами — вид стиха, который у нас именуют элегическим. Образец первых гекзаметров я Вам уже послал... последующие требуют ее тщательной обработки. Они едва сняты с наковальни...»

произведения. Стихи автора на белорусском языке дошли до нас в печатных изданиях виленской типографии Мамоничей. Следует полагать, что поэтическое наследие Рымши было гораздо обширнее. Об этом свидетельствует найденное в «Письмах Рысинского» еще одно стихотворение этого поэта. ** Истр.— Дунай. *** Мавортские трубы — трубы Марса, бога войны.

Из письма Ивану Борисевичу
(Путевые заметки)

В письме от 5 июля 1587 года, направленном из Альтдорфа в Белоруссию, содержится прозаическое и стихотворное описание старинных немецких городов Нердлинген, Ульм, Дилинген, Лауинген, Аугсбург, Ингольштадт (ныне Бавария).

В марте 1587 года Рысинский выехал из Нюрнберга, где находилась Альтдорфская академия, к истокам и верховьям Дуная, о чем сообщил своему другу: «Рассказываю, потому что настаиваешь, больше того, ты мне все уши прожужжал, если помягче выразиться, а то просто оглушил своими просьбами: «Опиши свое отважное странствование по чужим землям!» Собственно, это было не странствование и не такое уж утомительное путешествие, а все время, которое мы отдали этому делу, не превышало и двадцати дней. В путь мы пустились 6 марта, а завершили его 25-го. Ты спрашиваешь, какова была продолжительность маршрута,— всего 50 тысяч шагов *. Мы только мельком видели местности, не присматривались к ним, и поэтому в поле зрения попадало очень немногое.

Выехав из Нюрнберга, мы попали прежде всего 7 марта в замечательный город Неролинга **, расположенный в бывшей римской провинции Норикум, в центре Нижней Реции. Некоторые считают, что начало и название город ведет от императора Нерона. Говорят, будто Птолемей называет Нердлинген — Флавианские Аты, так как Флавий Веспазиан нанес здесь поражение германцам и переименовал город, отмечая заслуги строителя, воздвигшего триумфальные ворота.

Отсюда мы направились в богатый и изящный город Ульм и достигли его 10 марта. Ульмские стены омывает Дунай, который я впервые тогда приветствовал, как отца европейских рек. Около 10 миль от города находятся истоки Дуная, и здесь он становится судоходным. Мы восхищались громадой замка и башни, но, если не подводят меня наблюдения, то верхушка весьма мало выделяется из всего сооружения.

К 12 марта мы повернули назад, сперва в Лауинген, затем в Дилинген, два близлежащих городка. В обоих протекает Дунай, в обоих есть замки. Но Дилинген превосходит Лауинген во многом. Там процветают гимназии, в кото-

---

* Римский шаг — 1,47 метра, римская миля—1478,7 метра. ** Нердлинген.

рых преподаются изящные искусства. Академия в Дилингене, однако, более известна. Величием замка, правда, и значением академии Лауинген уступает Дилингену, но первому из них придает вес то обстоятельство, что здесь родился Альберт Великий *, здешний воздух он впервые «глотнул».

К 16 марта Винделическая Лютеция **— город Аугсбург распахнул перед нами свои ворота. Поистине величественный город Августа ***, утверждаю, название соответствует его виду. По праву, можно Аугсбург назвать прелестью германского мира. Разве можно забыть, какая в нем царственная ширь площадей, какое великолепие зданий, какая богатейшая краса храмов, какая, наконец, веселая, приятная, живописная местность, какая в особенности библиотека, битком набитая томами афинскими и римскими? Едва ли сможет Германия еще что-то подобное, единственное в своем роде, преподнести. Разве увидишь где-нибудь акведук, поднятый ввысь на изумительных арках, дворец с такой царственной роскошью, что глазам не веришь? Об остальном благоразумнее умолчать. Это лучше, чем унизить бесцветностью и скудостью слов такие достоинства.

Выехавших из Аугсбурга нас тотчас приветствовала красивейшая река Лех, некогда отделявшая Баварию от Швабии, и 20 марта мы очутились в городе Св. Ангела, который в простонародии называется Ингольштадт. Здесь уйма достопримечательностей, многое достойно обозрения, но главным образом укрепления, четверо ворот, расположенных по диаметру, жуткие, поражающие глубокой темнотой. Стены толстенные, усеянные башнями, они весьма внушительны. Ров илистый, очень глубокий со стоячим болотом, наконец, вал, из-за огромной высоты которого, а также из-за гребня стены и верхушек башен не видны ни жилища граждан, ни храмы богов, ни здания города. С южной стороны отец Дунай — божественное творение природы — служит защитой вместо рвов и валов. Ну и академия, и знаменитая гимназия добавляют этому городу блеска и немалой славы.

Однако в пылу рассказа я нарушил законы обычного письма. Поэтому вместе с окончанием странствования, ведь так тебе пришлось по вкусу назвать мою поездку, прекра-

---

* Альберт Великий (1193—1280) — средневековый мыслитель-схоласт. ** Париж Винделический (Винделиция — часть Реции). *** Древние римляне называли город Аугсбург Аугуста (Августа); «Аугустус» по-латыни — возвышенный.

щаю писать. Все же даю добавление в виде четверостиший о каждом из этих городов, и тем самым будет казаться, что письмо протянуло хвост. По заслугам оно будет названо «хвостатым».

Нердлинген

Нижнюю Рецию радует имя твое, Неролинга,
    Край называет тебя средоточьем своим иль пупом.
Изображениями славных мужей разукрашены стены.
    Есть здесь и башня, до звезд поднимается сквозь облака.

Ульм

Города честь велика, называется именем вяза *,
    Друга лозы виноградной, богатства несметные в нем.
Храм здесь огромен и замысловато строение башни
    Даже Фарийский маяк ** невозможно с тобою сравнить.

Лауинген

Если хвала города окрылила, где на свет явились
    Славные мудрой наукой, умом просвещенным мужи,
То по заслугам Лавинга прекрасная почести примет,
    Здесь ведь заплакал впервые младенец Альберт.

Дилинген

В городе этом в почете и славе королевский жил ловчий.
    Замок могуч, величав, здесь устремляется ввысь.
Впрочем, вожак переплясов Парнаса находится там же.
    Кто, расскажи, из обоих хвалой эти стены облек.

Аугсбург

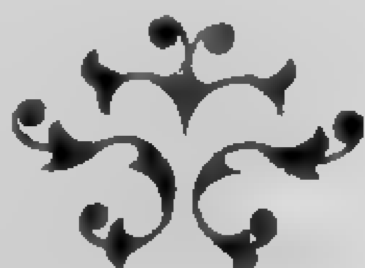
Швабов отрада, обширной Германии глаз несравнимый!
    Именем город возвышен — Августой навек наречен.
Живопись зданий прелестна, душу и взор наслаждают.
    Думаешь много увидеть, не различишь ничего.

Ингольштадт

О укрепления, валы, о рвы, поднебесные башни!
    Мощные стены построены непобедимой рукой.
Тверди наружной не хватит, нужнее внутри укрепления,
    Гласу сестер Аонийских *** нужнее, законам внимать.

---

* «Ульмус» по-латыни — вяз. ** Маяк в древней Александрии.
*** Сестры Аонийские — одно из прозвищ муз.

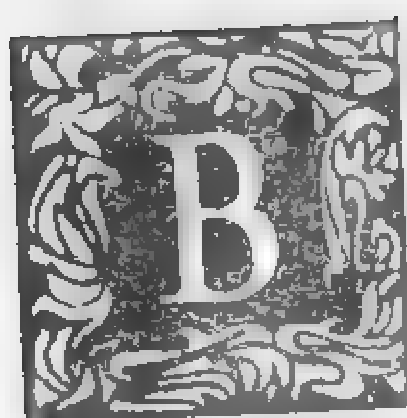
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

«Гений, мудрость и дух народа раскрываются в его пословицах».

Фрэнсис Бэкон (1625)

«Ядро и сок языка, как душа, скрыты в пословицах».

Соломон Рысинский (1617)

о введении к своей «Книге пословиц» известный польский паремиолог С. Адальберг отметил, что любченский сборник С. Рысинского «содержит пословицы большей частью народные, собранные умелыми руками, до нынешних дней находящиеся в употреблении с сохранением всех ценных для нас теперь языковых черт, без собственных добавлений и переделок»[1].

Любча не случайно оказалась местом первого издания «Сборника» Рысинского. Расположенная на территории Белоруссии, Любча в XVI—XVII веках оказалась центром культурных сил при дворах белорусско-литовских магнатов. Из печатного двора, возглавляемого поэтом и писателем Петром Бластом Кмитой и его наследниками, вышло в свет в период 1610—1650 годов более ста наименований книг, в их числе Устав Слуцкой школы, Компедиум по риторике, сочинения Б. Будного, Б. Лабенцкого, А. Шенфлиссиуса, П. Сестшенцевича, С. Довгирда, П. Димитровича, М. Зигровиуша, Л. Вендловского, А. Поляка, Д. Наборовского, И. Доманевского, К. Швертнера, А. Владиславиуша и ряд работ С. Рысинского.

О том, как современники восприняли сборник пословиц Рысинского, можно судить по стихотворению Д. Наборовского, предпосланного изданию пословиц (1618 год):

Разные пословицы на многих языках издали,
Наши же по небрежности до сего молчали.
Ты первый, Рысинский, показал вехи дорог,
Где наш сарматский язык совсем не убог,
Затем славянская муза восхвалила твой труд,
Доказав, что усилия твои зря не пропадут.
Слава в будущем твоя, Рысинский, зацветет
И в памяти потомков Леха никто ее не сотрет.

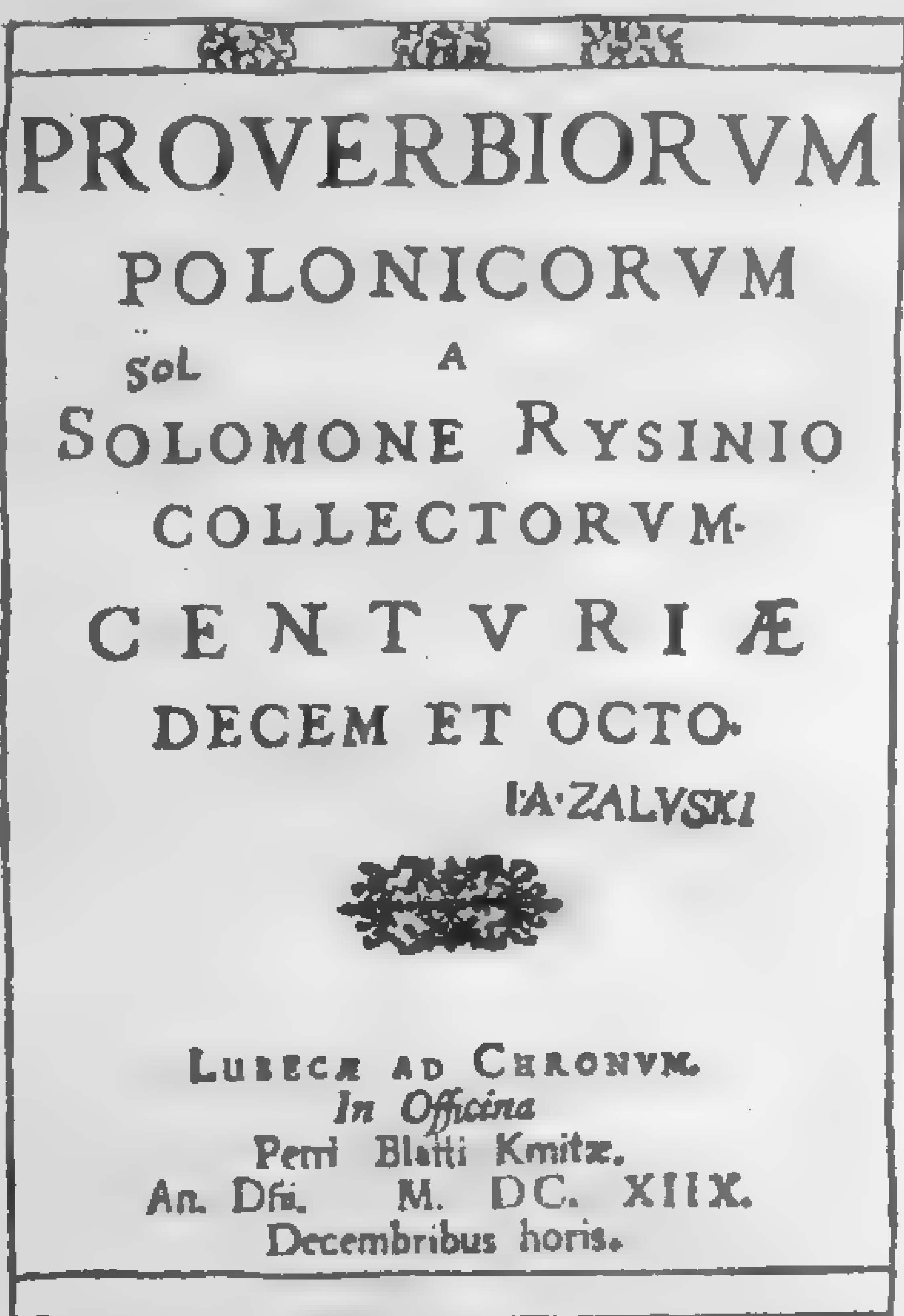
---

[1] *Adalberg S.* Księga przysłów.— Warszawa, 1898.

Там же Петр Бласт Кмита писал о Рысинском:

Как в широком поле разбросанные стрелы
Снести в кучу, наполнить колчан — не малый труд,
Или рожь горстями жать-вязать в снопы
И укладывать в копны — тяжелая это работа;
Так несомненно и ты потратил много времени
И испытал с горечью большие невзгоды,
Заботясь о пословицах, в этот сборник собранных,
И в руки как своим, так и чужим переданных.
Ведь, как перебранный горох, приятно людям жарить,
Так каждый может попробовать твой замечательный труд.
За него ты, получив от наблюдательных заслуженную благодарность,
Сердцу завистников задаешь настоящую муку.

Сборник Рысинского издавался неоднократно в Любче, затем в Кракове. Можно себе представить, как быстро разошлось первое издание, если в том же году вышло новое, а затем в 1620, 1621, 1629 годах последующие. Его переиздал в 1842 году К. Войтицкий, который высказывает весьма характерное мнение о Рысинском: «Известны два собирателя пословиц и поговорок (в XVI, XVII веках). Рысинский был первым, который занялся этой работой в 1580 году; Григорий Кнапский — иезуит — пятьдесят лет после Рысинского издал намного более обширное собрание.

PROVERBIORVM
POLONICORVM
A
SOLOMONE RYSINIO
COLLECTORVM
CENTVRIÆ
DECEM ET OCTO.

LUBECÆ AD CHRONVM.
In Officina
Petri Blasti Kmitæ.
An. Dñi. M. DC. XIIX.
Decembribus horis.

Титульный лист Любченского сборника пословиц.

Расхваливали работу иезуита, а Рысинский, все реже упоминаемый, предавался забвению... Никто до сих пор критически не исследовал сборники Рысинского и Кнапского... у обоих большие заслуги; все же Рысинский должен цениться куда выше Кнапского не только как первый, но как сохранивший важнейшие языковые памятники... Кнапский не столь отдаленный во времени от Рысинского, живший в веке, полном движения и энергии, замкнутый в заплесне-

вевших стенах кельи, написал книгу объемистее, но насколько отличавшуюся и ниже по достоинству! Рысинский сберег в памятниках языка чисто славянский дух, а поговорки и пословицы, с которыми знакомимся в его сборнике, мы находим на Руси, у чехов, словаков и сербов. Он, как дорожный столб, указывает братским поколениям, где следует искать объяснение того, что он оставил нам еще неосвещенным и неистолкованным. Кнапский почти ограничивается нравоучительными философскими высказываниями; он опустил все, что представляет главное достоинство Рысинского. У Кнапского исчез древний дух, он остался проповедником морали»[1].

К этому следует добавить, что Рысинский слышал народную мудрость на белорусском, записывал на польском и толковал на латинском языке.

Однако для оценки работы Рысинского, по существу, приобретает немалое значение характеристика, данная ему современником, ученым паремиологом, иезуитом Кнапским. Высказывания Рысинского и Кнапского обнаруживают характерные черты течений, господствовавших в паремиологии начала XVII века, показывают, какие противоположные задачи ставили перед собой, с одной стороны, приверженцы католичества и феодализма, с другой — реформации и новых буржуазных веяний. Г. Кнапский писал: «...прежде всего кажется, что я слышу, как кое-кто мне напоминает: ведь столько уже есть книг пословиц. Что значительное ты предлагаешь, сочиняя то же самое? Такому я отвечаю: я собрал польские пословицы и передал по-латыни и по-гречески: этого до сих пор никто не предпринимал. Ведь многие достойные писатели собрали только греческие и латинские пословицы; некоторые отмечали пословицы простонародного или более грубого характера на местных, как итальянском, французском, немецком языках, и добавляли лишь в какой-то мере по-латыни свои собственные мнения и изречения. Такого, однако, кто бы списал польские пословицы, я не видел никого, кроме одного, который уже издал некоторые пословицы к тому времени, когда я только приступил к этому труду... Они почти сплошь на местном языке (некоторые он толковал по-латыни, но большей частью беспорядочно); они так переданы, что их следует обработать прежде, чем предложить достойным уважения ушам и глазам. Из них, однако, признаю

---

[1] *Wójcicki K.* Biblioteka pisarzy polskich.— Warszawa, 1842, t. 3, s. 202.

(чтобы не казаться неблагородным плагиатором), некоторое заимствованное количество я внес в мой труд или получил возможность с их помощью построить более разработанные пословицы... Изречения я упорядочил и приукрасил ритмом, чтобы они были приятнее для слуха и легче запоминались. Я пользовался стихами там, где это можно было сделать, кратко и по правилам искусства... Вместе с тем я не отвергал всецело простые изречения, если из них или из народных стишков мне что-то нравилось. Ученые меня простят, видя, как я иногда пришивал пурпурный легкий лоскут...»[1]

Как видно, Кнапский признал, что почерпнул у Рысинского ряд материалов. Одновременно он подчеркнул, что для него не было приемлемо их простонародное звучание. Вопрос о приоритете Рысинского в издании сборника пословиц, данные о книге, напечатанной в Любче за 14 лет до появления своего «Тезауруса», Кнапский заменил раздраженным упоминанием о попытке некоего безымянного простолюдина вырвать пальму первенства из его рук. Пренебрежительный тон Кнапского, высказанное им явное намерение искусственно «облагородить» живую плоть представленной в сборнике Рысинского народной мудрости сообразно вкусам господствующих сословий, облачить народные пословицы в доспехи приличия и красивости раскрывают консерватизм иезуита, его непримиримую враждебность к прогрессивным начинаниям реформатора.

В некоторых экземплярах любченского издания сборника Рысинского (1618 год) наряду со стихотворениями Д. Наборовского и П. Кмиты напечатано было и обширное письмо к «простому» другу Винанду Корнелию, служащее, по сути дела, предисловием автора к своему труду. Оно помогает раскрыть характерные черты личности собирателя, установить метод его работы, показать принцип отбора материала. Поэтому, думается, следует привести это введение целиком.

«Знатнейшему мужу, господину Винанду Корнелию,
другу благородному, сердечный привет.

Когда величайший из философов стремился доказать, что есть бог, иногда, кроме тех рассуждений, которые могли бы быть приведены для установления этой аксиомы, вытекающей из природы предмета, он выдвигает также и тот аргумент, что все народы почти во всех странах именно так

[1] Thesaurus Polono — Latino — Graecus G. Cnapii tomus tertius continens Adagia polonica...— Cracoviae a. 1632.

думают. Пусть даже народ большой мастер ошибаться, в основном является истинным то, что чаще всего наблюдается всеми и что по мнению многих иначе истолковать невозможно.

Такого рода изречениями легче убедить большую часть людей, чем наиболее убедительным словом какого-нибудь одного, даже очень мудрого человека. И, конечно, не по иному соображению, не умаляя достоинства, следует думать, что мудрейший из царей, Соломон, хотел воспитать в народе нравы и благочестие, пытаясь найти образцы у простых людей.

В самом деле, не знаю, каким образом то, чему все любят рукоплескать, любого легко заставляет соглашаться. Наиболее выдающиеся мудрецы извлекали основы и начало своего учения лишь из того, что, попав в поле зрения всех, становилось яснее полуденного солнца. Отсюда получились те известные положения: целое больше какой-либо своей части; если от равных отнять равное, оставшиеся будут равными и пр.

Скажешь, куда это метит столь долгое рассуждение? — К находящемуся налицо предмету, который видишь в руках. Видишь же смесь сарматских пословиц. Ведь чем иным являются пословицы, если не пищей, *которая находится во рту у всех, всех касается и всеми пробуется* (курсив мой.— *Я. П.*). Если пользоваться пословицами в соответствующем месте и времени, то удается смягчить и склонить к пониманию тех, кто не внемлет выразительным и неопровержимым доказательствам, взятым у лучших философов.

Ты многократно жаловался, и не ты один, на то, что, хотя имеется множество пословиц на разных наречиях — еврейском, греческом, латинском, французском, итальянском, испанском, британском, бельгийском, наконец, немецком, все же польских нет, хотя язык поляков, с одной стороны, весьма изящен и заставляет многих восторгаться, а с другой — широко распространен.

Следовательно, и ты и другие в равной мере полагали, что ядро и сок этого языка, которые, как душа, целиком скрыты в пословицах, следовало бы предложить не только соседям и вокруг находящимся народам, понимающим этот язык, но и тем, кто сами всосали его с молоком матери. Таким образом несомненно они вкусили бы милости божьей и испытали счастье, узнав свое добро по крайней мере в этой области. Ведь умение правильно выразить то, что правильно понимаешь, является величайшей милостью божьей. Не всякому дано передать словами чувства своей

души сообразно с порывом мысли. Именно так это представлялось Туллию *, отцу латинского красноречия.

В этой связи я бы не колеблясь сказал, что сарматский народ, как видно, отнял пальму первенства в области красноречия у многих народов. Если хочешь, это подтверждается распространенным суждением, согласно которому итальянцы — это врачи, французы — правоведы, испанцы — философы, немцы — богословы, а поляки — ораторы. Уж опущу то, что в языке поляков есть какая-то легкость или скорее благо, заключающееся в способности изучать наречия других народов. В течение трех лет сарматам удается изучить иностранные языки, а иностранцы даже за тридцать лет не успевают овладеть сарматским. Свидетельство тому — показания из своего опыта знатного в свое время историографа Августа Туенуса, который в книге «О польских послах» без всяких оговорок заявляет: «Все, кто был послан в Париж для избрания короля, владели латинским языком, многие вели беседы на итальянском и немецком, некоторые так бегло пользовались французской речью, будто родились на берегах Сены или Лауры, а не Вислы или Днепра».

Мне кажется, что также не следует погрузить в Лету и обойти молчанием то, что однажды я в юности узнал на уроке ученейшего профессора священного языка г. Гандвика Бриомыгера. Он, умудренный опытом, утверждал, что никем лучше и внятнее не могут быть произнесены еврейские слова, чем поляками, потому что способности воспроизводить звуки, свойственные этому языку, встречаются лишь у сарматов. Хотя у нас всего пять букв для изображения гласных, тем не менее насчитываем одиннадцать звуков, которые ими обозначаются. Если к ним прибавить тридцать семь согласных, то получится шесть по восемь звуков. Не думаю, что найдется какой-то народ в любом уголке Европы (за исключением русских, которые так же, как поляки, из славян), где было бы такое обилие звуков (не касаюсь китайцев, мексиканцев, абиссинцев, магелланов, перуанцев и других неизвестных жителей вселенной). Еще неизвестно, пришлось ли им не только изучать свое наречие, но также распространять его.

Что уж здесь говорить о превосходстве и богатстве сарматского языка! Не колеблясь, могу утверждать, что нет такого языка (исключая три основных известных), с которым он не мог бы состязаться в изяществе, обилии, до-

* Марк Туллий Цицерон.

стоинстве, наконец, практичности, особенно в настоящее просвещенное и образованнейшее время. Особенно, благодаря нашим писателям, можно было бы очень удачно сопоставить наше время с веком Цицерона и Вергилия и языком римлян. Совсем бесспорно, что ныне достоинство нашего языка дошло до своей вершины. Это подтверждается тем, что иностранные народы не могут достаточно надивиться изяществу, прелести, выразительности и другим преимуществам сарматского языка.

Если спросишь о древности сарматского языка, то загляни в пятикнижие Моисея, в «Начала» Цезарнянского Памфила; там найдешь, что они считали этот язык родственным тевтонскому. Как широко сарматский язык распространен, на сколько наречий разделен, какие народы, какие страны, какое население охватывает, здесь невозможно дать четкий перечень; но, пользуясь благодеяниями этого языка, любой в состоянии пройти от Адриатического залива до Каспийского моря без переводчика, общаясь на столь огромных пространствах. Впрочем, какие народы, какие племена, какие области включает эта сторона мира, оставляю для оценки сведущих в географии.

Я забылся, однако, заговорился,— следовательно, к делу. Я первый, насколько мне известно, осмелился в одной вязанке, если можно так сказать, вывести на обозрение польские пословицы. Как видишь, я это делаю без схемы, обстоятельно, но беспорядочно. Все это произошло благодаря тебе; ты, восхищаясь богатством и изяществом сарматского языка, первый заставил меня почти против моей воли каким бы то ни было образом собрать и выпустить в свет пословицы.

Надеюсь, что этот наш чрезвычайно тяжелый труд, стоивший многих лет, будет приятным по крайней мере юношеству и тем, кто слабо владеет данным языком. Этих последних сможет привлечь если не изящество, то полезность такого сочинения. Ведь на самом деле, народные острые словечки на разных языках и в данном случае на польском позволяют узнать и кратко объяснить природу вещей, совершенствовать нравы, обретать поучительные сведения о совместной жизни людей.

Намного легче узнать истину из сказанного с юмором, чем из суровых и серьезных философских речей.

Если случайно кто-либо найдется, кому покажется легким и не тягостным труд собирания пословиц, пусть испробует свои силы в составлении такого рода изречений прежде, чем ознакомится и разберет наш сборник. Весьма же-

лаю, чтобы он не медлил, а впрочем, пусть! Руки прочь от картины! Такому мастеру оставлю если не новую жатву, то, по крайней мере, пусть добьется нового сбора колосьев. Здесь Родос *, здесь прыгай! Тому, кому предстоит найти, найденное не мешает. Пусть объяснит то, чего толкованием мы пренебрегли. Ведь намерением добросовестного переводчика не было передать вроде слово словом, он стремился только изобразить польскими словами смысл пословицы, который можно выразить на латинском языке. Таким образом, перед читателем возникает красота обоих языков, а также сила и возвышенность чувств.

Некогда иные великие люди об этом же говорили: «Очень легко кому угодно писать пословицы». Это, однако, касается лишь тех, кому мог послужить какой-либо предлог. У этих писателей был под рукой большой запас греческих и латинских пословиц. *Эти же наши пословицы собраны были не путем чтения книг, а из долгого общения с людьми и вдумчивого наблюдения* (курсив мой.— *Я. П.*). Не сомневаюсь, что число этих пословиц могло быть гораздо большим, если бы я читал авторов, многие из которых мне не попали в руки.

Даже наиболее точные изыскания могут подвергнуться осуждению и поношению. Не сомневаюсь, что и в этой нашей небольшой работе кое-что такого будет найдено, что избалованным ушам, особенно иберийским блеском, менее понравится.

Но да будет известно, что я усердно «сгребал» словечки старых сарматов, высказывавших как более откровенные, так и более правдивые суждения о событиях и лицах. В этих высказываниях подновить веронезскую форму по «плацентинской колодке» было моей священной задачей ** Переодетые в другое облачение, эти пословицы не передавали аромат, природу обычных пословиц, так как они не родились, как бы, под языком, а были уловлены ушами от людей разного происхождения и будто переданы из рук в руки. Видно было, что они навязываются бумаге и то благодаря постороннему вмешательству. Поэтому если мне впредь вменять в вину, что я назойливо предлагаю посло-

---

* «Здесь Родос, здесь прыгай». Ссылка на рассказ о хвастуне, будто совершившем на острове Родос большие прыжки. Слушатели ему предложили доказать тут же свои способности. Рысинский вложил в изречение смысл: «Кто хочет собирать пословицы, пусть попытается это сделать». ** Под «веронезской формой» Рысинский понимал прежде всего записанные им «на бумаге» пословицы, а под «плацентинской колодкой» — звучание, услышанное и переданное «из уст в уста» простыми людьми.

вицы, разжеванные во рту простых людей, тогда я поневоле буду прикрываться щитом тех ученых, которые предостерегали: «Берегись желания всем нравиться, так как никто всех не удовлетворил и никто не удовлетворит». Между тем я буду думать, что во многом преуспел, если пойму в их хоре, что я удовлетворил обещанное тебе и вместе с тем мою собственную потребность. Ведь по тому, как ты, выдающийся муж, с особым рвением хотел видеть эти пословицы, собранные, так сказать, у одного острова Микона *, то я со своей стороны до сего времени с большим усердием старался, чтобы в ответ на твою любовь, которой ты меня радовал как на виду у всех, так и у себя, появилось какое-то свидетельство также моего к тебе благоволения.

Будь здоров, любезнейший муж, и сохраняй постоянно твое расположение ко мне.

Вильна 28 октября 1617 (?)»

Как видим, во введении Рысинского подняты вопросы, далеко выходящие за рамки паремиографии. Это прежде всего оценка объективной истины как вывода из общечеловеческого опыта. «Народ — мастер ошибаться»,— утверждает Рысинский,— но общая мысль и опыт верны. Ярко и четко представляет Рысинский соотношение мышления и языка. Пословицы — это «ядро и сок» языка, это благо, которым народ может гордиться, которое у народа отнять нельзя. Счастливы лишь те, кому дано выразить в словах свои мысли и чувства.

Показательны выводы Рысинского о родстве славянских языков, которые он называет обобщенно «сарматской речью». Фонетические, морфологические и лексикологические особенности этих языков оцениваются как исключительное богатство, которое иностранцы редко способны усвоить.

Представляет интерес и предложенный Рысинским метод собирания пословиц не по книгам или по украсившим изречения замыслам писателей, а из уст стариков, из личного общения с ними. Рысинский убежден, что его задача заключалась в передаче на польском литературном языке, который, по его мнению, достиг вершин своего развития, пословиц, бытующих в простонародье и соответствующих известным еще в древнее время изречениям. Наряду с этим он видел свою задачу и испытывал потребность выразить на литературном языке то, что высказывали на местных языках народы, населяющие Речь Посполитую. Собиратель

* Остров в Эгейском море.

хотел сделать доступными силу, возвышенность чувств и мнений, содержащихся в народных поговорках.

Рысинский счел нужным подчеркнуть, что труд собирателя народных пословиц не только тяжел, но и благодарен, ибо у него и пределов нет: каждый новый собиратель может пополнить и усовершенствовать найденное другими. Рысинский понимал, что собирание пословиц приносит пользу и молодежи и мало знающим славянские языки иностранцам, но главным образом он видел в пословицах важнейшее оружие просвещения в борьбе с невежеством, отсталостью, корыстолюбием и другими пороками.

«Рыба рыбой, птица птицей, а человек человеком живет»,— записал Рысинский и добавил по-латыни: «Так большая рыба часто поедает маленькую». Таким образом, слова «человек человеком живет» получает острое содержание: большой человек поедает маленького. Таков же дух поговорки «Шапкой, хлебом и солью люди людей неволят».

Если не тождественны, то часто соответствуют и увлекают, подобно остротам «Писем темных людей», записанные Рысинским многие поговорки: «Ангельская внешность, воровская походка, дьявольский голос и мясо баранье у павлина»; «Мы здесь были, нас не откормили, и вы здесь будете и о еде забудете»; «Если бы за каждую обиду за голову хвататься, то пусть бы по одному волосу вырывать, не останется на голове ничего»; «В Париже молочная река, кисельные берега, над рекой жареный вол и нож в нем»; «Кто хочет жить хорошо день — пусть зарежет гуся, кто неделю — пусть свинью заколет, кто месяц — пусть вола зарежет, кто весь год — пусть жену возьмет, а кто до смерти — пусть ксендзом станет»; «Ксендз Ян, буду ли я спасена, если буду хрюкать»; «Черт не хотел быть ни поваром, ни кучером, ни мамкой, а хотел быть мельничьим вепрем, чиновничьим конем и кухаркой в приходе»; «Ксендз к церковному служителю: Вот так, тебе пескарь, а мне угорь, или так: мне угорь, а тебе пескарь»; «Жена, пойдем в костел? — Не в чем, милый мой! — Тогда пойдем в корчму? — Девка, дай мои старые боты, они там где-то под лавкой!»; «Врач заполняет кладбище, правовед — тюрьму, теолог — ад»; «Такая это правда, как и то, что живые колбасы по миру летают».

В приведенных и многих других поговорках выражена едкая критика невежества, ханжества, общественной несправедливости.

В связи с тем, что Рысинский, как видно из его писем,

датированных 1585 годом, уже тогда занимался собиранием пословиц, а первое издание сборника появилось в 1618 году, не подлежит сомнению, что выводы, к которым пришел собиратель, накапливались десятилетиями. За это время Рысинский работал в Литве, Белоруссии, селах Малой Польши и за границей. Он имел возможность записать немецкие, французские, итальянские пословицы, сравнить их с теми, которые он нашел в доступных ему латинских и греческих книгах. Но особенно ценно, что в его труде отражаются пословицы, которые он слышал «у старых сарматов и получал из рук в руки».

Около 500 пословиц из 1800, представленных в первом издании, сохранились доныне в Белоруссии. Они были записаны белорусскими паремиологами в XIX—XX веках: Федоровским, Носовичем, Шейном, Янковским и др.

В своем письме Винанду Рысинский оправдывается в том, что не смог сверить большое количество пословиц по книгам, так как в глуши, где он проживал, не было к ним доступа. Вместе с тем он подчеркнул, что слушал и записывал пословицы, передававшиеся из уст в уста, из рук в руки. Для того, чтобы убедиться, за какую огромную работу взялся Рысинский, собирая пословицы хотя бы на территории Белоруссии, следует сравнить ее результаты с изысканиями крупных паремиологов XIX и XX веков.

Заслугой Рысинского является увековечивание того фольклора, который он выявил в своем окружении. Для оценки любченского сборника как раз и необходимо обратиться к изысканиям тех паремиологов, которые не довольствовались печатными и рукописными материалами, а приложили усилие в «полевой» работе, т. е. в непосредственной записи народных изречений. В этой области плодотворно трудились в Белоруссии Носович, а затем Федоровский. Советский паремиолог Ф. М. Янковский в своем сборнике отмечает звездочкой те пословицы, которые сам выявил и записал в Белоруссии, сверив их наличие в 30 источниках. Ввиду того, что Янковский издал свою работу в 1962 году, т. е. значительно позже Федоровского (1936) и Носовича (1858), интересно показать на нескольких примерах, как перекликаются отдельные его находки со сборником Рысинского.

Весьма характерен следующий случай. Янковский записал: «Гаспадынь, што з голаду паміраюць, пад прыпечкам хаваюць» («Хозяев, что с голоду умирают, под шестком хоронят»). У Рысинского в изложении на русском языке: «Того повара, который умирает с голоду, не хоронят на

кладбище». У Федоровского: «Каторы кухар з голаду памрэ, то пад парогам пахаваюць» («Того повара, который с голоду умрет, под порогом похоронят»).

Другой случай. У Янковского: «Хто капейкі не беражэ, той сам рубля не варты» («Кто копейки не бережет, тот сам рубля не стоит»). У Федоровского: «Хто грошай не шануе, сам гроша не варт» («Кто деньги не уважает, сам гроша не стоит»). У. Рысинского: «Кто не уважает грош, тот гроша не стоит».

У Янковского: «Наварыў піва, сам і папівай здароў» («Наварил пива, сам и попивай на здоровье»). У Рысинского: «Наварил пива и пей его».

У Янковского: «Кацёл з гаршка не пасмяецца, бо абодва чорныя» («Котел над горшком не будет смеяться, ведь оба черны»). У Рысинского: «Котел порицает горшок, а оба пачкают черным».

У Янковского: «І наша сонца ўвойдзе ў аконца («И наше солнце войдет в окошко»). У Федоровского: «Калісь і ў наша аконца зыдзе сонца» («Когда-нибудь и в наше окошко сойдет солнце»). У Рысинского: «Будет солнце и перед нашими воротами». У Носовича: «Заглянець сонце і ў наше воконце» («Заглянет солнце и в наше окошко»).

У Янковского: «Пан з панам б'ецца, а ў мужыка лоб трашчыць» («Пан с паном бьется, а у мужика лоб трещит»). У Федоровского: «Калі паны дзеруцца, то на мужыках кудры трасуцца» («Когда паны дерутся, на мужиках кудри трясутся»). У Носовича: «Паны дзеруцца, а ў мужыкоў хахлы трасуцца» («Паны дерутся, а у мужиков хохлы трясутся»). У Рысинского: «Когда паны дерутся, у подданных волосы трещат».

У Янковского: «І бог ашуканствам жыве: у аднаго адбярэ, а другому дасць» («И бог обманом живет: у одного отберет, а другому даст»). У Федоровского: «І бог ашуканцтвам жыве: у аднаго адбярэ, а другому дасць» («И бог обманом живет: у одного отберет, а другому даст»). У Носовича: «Бог не гуляець, а дабро перамераець: у аднаго возьмець, а другому дасць» («Бог не гуляет, а добро перемеряет: у одного возьмет, а другому даст»). У Рысинского: «Смахивает на божественные черты: у одних берет, другим дает».

Янковский записал: «Панская ласка на дохлым кані едзе» («Панская ласка на дохлой коняге едет»). Федоровский: «Ласка панска на рабом каню ездзіць» («Панская ласка на рябом коне ездит»). Рысинский: «Панская ласка на пестром коне ездит».

Янковский: «Чым гаршчок накіпіць, тым кожная страва смярдзіць» («Чем горшок накипит, тем всякая пища воняет»). Федоровский: «Чым гаршчок нацягне новы, то тым і да старасці смярдзіць» («Чем новый горшок пропитается, тем и до старости будет вонять»). Рысинский: «Чем сразу глиняный горшок пропитается, то из него никогда не вымыть».

Янковский: «Даць аблупленае яечка, дый яшчэ ў рот палажыць» («Дать очищенное яйцо, да еще в рот положить»). Федоровский: «Ленько, на яйко! — А облуплено?» («Лентяй, на яйцо! — А очищено?»). У Рысинского, как у Федоровского.

Янковский: «Аддай рукамі, а хадзі нагамі» («Отдай руками, а ходи ногами»). Федоровский: «Дай руками, а адбірай нагамі» («Дай руками, а отнимай ногами»). Рысинский: «Дай руками, бегай ногами».

Янковский: «Стала на рыбку, стане і на перац (юшку)» («Хватило на рыбку, хватит и на перец (уху)»). Федоровский: «У кого ёсць на рыбку, у таго і на перац» («У кого есть на рыбку, у того и на перец»). Рысинский: «Взвесив на рыбу, а на перец не взвесить».

Янковский: «Не хацела сабачая лапка ляжаць на лаўцы, дык няхай ляжыць пад лаўкаю» («Не хотела собачья лапка лежать на скамейке, так пусть лежит под скамейкой»). Федоровский: «Не хацела сабача нага быць на стале, няхай будзе пад сталом» («Не хотела собачья нога быть на столе, пусть будет под столом»). Носович: «Не ўмела сабачча лапа ляжаць на стале, дык ляжы пад сталом» («Не умела собачья лапа лежать на столе, так лежи под столом»). Рысинский: «Не выдержала собачья нога на скамье, должна быть под скамьей».

Из приведенных примеров видно, что одинаковый смысл, одно и то же назначение поговорки выражено по-разному, услышано или записано с большими или меньшими расхождениями. По-видимому, это объясняется частично объективными и частично субъективными причинами. Пословица, передаваемая из уст в уста, конечно, подвергается изменениям: к ней кое-что прибавляется, кое-что от нее отнимают. Это происходит, несомненно, в более или менее длительные периоды времени. Пословица вместе с тем «передвигается» из края в край, пока не попадает в поле зрения собирателя, который ее фиксирует в определенном районе, селе или городе. Несомненно, восприятие действительности собирателем, его чувство языка, понимание диа-

лектных особенностей и другие факторы накладывают отпечаток на собранный материал.

Не следует забывать, что если Носович, Федоровский записывали в условиях, когда литературная норма белорусского языка не установилась, то Янковский придерживался нормы языка, усовершенствованного в произведениях Купалы, Коласа и других белорусских писателей.

Перед Рысинским стояла совсем другая и более сложная задача: он слышал пословицы на «местном», «простом» языке и пытался передать их на литературном польском. Именно это он имел в виду, когда отмечал, что не был переводчиком, передававшим слово в слово, и утверждал, что пытался передать «веронезскую модель по плацентинской колодке».

Приведенные выше примеры несоответствия способов передачи одних и тех же пословиц — явление частое. Представляет немалый интерес сопоставление ряда других характерных случаев. Сокровищница народной мудрости таким образом обогащается. Если сравнить каждую пословицу с жемчужиной или драгоценным камнем, то в способах выражения, в отдельных словах переливаются краски, сверкают и играют отдельные грани изречений.

У Федоровского насчитывается около 300 пословиц, полностью соответствующих Рысинскому, у Носовича таких также немало *.

То обстоятельство, что Рысинский начал собирать пословицы еще в 80-е годы XVI столетия, придает его работе особую ценность. Любченский сборник раскрыл сокровищницу белорусского фольклора седой старины.

Латинские толкования в Любченском сборнике

Толкуя простонародные пословицы, Рысинский, подобно предшествующим паремиологам, сопровождал их изречениями, взятыми из древней, средневековой и современной ему литературы. В ряде случаев латинские изречения были приведены без сноски на источник.

В пословицах на латинском языке, сопоставляемых Рысинским с собранными им, упоминаются древнеримские и греческие писатели: Катон, Нерон, Тацит, Цицерон, Гораций, Варрон, Лукиан, Теренций, Плиний, Невий, Тибул,

---

* Далеко не исчерпывающий список полных и неполных смысловых соответствий пословиц, пересказанных Рысинским в XVI веке и записанных Федоровским в XX веке на землях Белоруссии, дан в приложении.

Еврипид, Демосфен, Аристотель, Солон, Эзоп и др. Из средневековых и современных ему ученых и писателей Рысинский привел имена Гуттена, Вивеса, Свидаса, Скалигера, Мимуса, Иеронима и др. Иногда он сопоставлял свой материал с библейскими изречениями или с народными французского, немецкого, итальянского, греческого, литовского происхождения.

Рысинский предназначал свой труд не только соотечественникам, но также иностранцам. Поэтому он решил в ряде случаев снабдить услышанные выражения собственным переводом или толкованием. Усилия собирателя сделать доступным смысл и назначение короткой пословицы часто наталкивались на трудности, особенно тогда, когда латинские фразы частично или полностью не совпадали в сопоставлениях. Так, например, в следующих сопоставлениях (изречения и пословицы приводятся по-русски в дословном переводе.— *Я. П.*):

Изречение, включенное в сборник	Латинское соответствие
Много зла, когда двое на одного.	Даже Геракл не осилит двоих.
Где приятно, там глаза, где болит, там руки.	Где у него болит, там у него рука.
С большой тучи малый дождь.	Туча без дождя.
Пьяница и дитя скажет правду.	В вине истина.
Головка, как маковка, а ума, как наплевано.	О, какая голова, а мозга нет. *(Эзоп)*
Мудрее теперь яйца, чем курицы.	Ножки взбираются на ложе. *(Варрон)*
Дырявый мешок трудно наполнить.	В пробитую бочку ничего не наливай. *(Л. Вивес)*
У каждого своя моль, которая его ест.	Все мы переживаем свои адские муки. *(Нерон)*
Нашла коса на камень.	Нож на оселок.
Переплыв, утонул.	Сожрав всего вола, хвостом подавился. *(Гуттен)*
Убив, не дают наплакаться.	Нет более несправедливого хозяина, чем тот, который, причинив горе, горевать не дает. *(Гуттен)*
Давайте начинать с бога.	В Юпитере начало музы. *(Марон)* С бессмертия богов следует предпринимать действия.
Бог любит троицу.	Бог доволен нечетным числом. *(Марон)*
Собачий голос в небо не идет.	Собака лает на луну, но не мешает ее движению.
Перед неводом ловит рыбу.	Торжествует до победы.
Торопливая работа из рук валится.	Торопящаяся собака рождает слепых щенят.
Трудно волком пахать.	Осел у лиры.

Где богатые множатся, люди беднеют.

У хлеба рога, у неволи ноги.

Говори волку отче наш, волк предпочитает козлиную мать.

Трудно с одного вола содрать две шкуры.

Рыба рыбой, птица птицей, а человек человеком кормится.

Когда появляются бесчестные, исчезают люди.

Сытость рождает жестокость. *(Еврипид)*

Страх придает ногам крылья. *(Овидий)*

Слова распинают мертвых. *(Теренций)*

Никто не должен подвергаться двойному наказанию.

Так часто большая рыба пожирает маленьких.

Другие примеры соответствий, подобранных Рысинским, даны в приложении 2.

С. Рысинский и Я. А. Коменский

Любченский сборник пословиц стал популярным сразу же после его выхода — в 1618 году. Известно, как восприняли труд Рысинского поэт и врач Д. Наборовский и ученый фольклорист, языковед Г. Кнапский. Книги, издаваемые в Любче, вывозились прежде всего на ярмарку в соседний Копыль, где одновременно продавались учебные пособия Слуцкой школы. Несомненно осуществилась надежда Рысинского, что его работа поможет в деле воспитания молодежи. Нет прямых сведений об использовании в Слуцкой школе сборника Рысинского, но, судя по ее программе и расписанию занятий, для параллельного изучения пословиц в школе сложились благоприятные условия. Тем более, что Рысинский был ярым приверженцем Реформации и вместе с Наборовским и другими деятелями культуры участвовал в организации Слуцкой школы, помогал ее наставникам, противникам иезуитского воспитания.

Сбылось также и другое предвидение Рысинского: его сборник привлек внимание деятелей культуры за границей. Одним из первых с ним ознакомился чешский педагог, патриот своей родины Ян Амос Коменский, который был вынужден покинуть родину и скитаться на чужбине. Гостеприимно принял его в Лешно (Западная Польша) Рафал Лещинский. Характерно, что при основании Коменским школы в Лешно он использовал имевшийся опыт наставников Слуцкой школы. Там же Коменский, по-видимому, ознакомился и с любченскими изданиями.

Еще работая в Герборне над книгой «Сокровищница чешского языка», Коменский задумал издать сборник чешских пословиц. Он хотел собрать «полнейший лексикон, чет-

кую грамматику, остроумие идиоматических выражений, эмфазы и пословицы...». По мнению же чешского исследователя Яна Новака, в то время, когда произведение Коменского «Ворота в языки» («Janua Linguarum») еще не появилось, работа над сборником пословиц была уже закончена. У Коменского, правда, были сомнения относительно названия книги: то ли определить ее как «Смесь чешских пословиц» («Farrago proverbiorum Bohemiae»), то ли как «Мудрость предков чешского народа, или старых чехов». Позже Коменский остановился на названии «Мудрость старых чехов, собранная как зеркало для потомков»[1]. В своей работе Коменский доказывал несостоятельность мнения, преобладавшего до него в теоретических сочинениях паремиологов и пособиях по языку тех своих предшественников и современников, которые видели в пословицах прежде всего примеры «крепкого словца», средство для украшения языка или помощь при изучении латинских текстов. Коменский, подобно Рысинскому, выдвинул на первый план положение о том, что пословицы помогают воспитывать рассудительность и предусмотрительность в жизненных делах и общении.

В сборнике Коменского представлено около 2 000 пословиц. Первые чешские исследователи XIX и XX веков (Челяковский, Новак, Флайшганс[2], Соучек, Свейковский, Новакова) не согласны относительно источников, пополнявших сборник Коменского «Мудрость старых чехов...».

Ян Новак в книге, изданной в 1901 году, считал, что, наряду с поговорками, включенными Коменским из сборника Якуба Срнца 1572 года (из 721, имеющихся у Срнца,—606), а также из грамматик Благослова (350), моравских источников, в «Мудрости старых чехов...» представлены богатые материалы из собраний польских составителей Рысинского и Кнапского. С последним согласен и Свейковский, который, перечисляя пословицы, «заимствованные» Коменским у Рысинского, насчитывал их 84[3].

Нет достоверных данных о том, что Рысинский хотя бы держал в руках сборник Якуба Срнца, в котором сопоставлены чешские и латинские изречения. Однако в сборнике Рысинского есть немало пословиц, совпадающих с имеющимися у Срнца (см. приложение 3; примеры заимствова-

---

[1] J. A. Komenskoho Moudrost starych čechů za zrcadlo vystavena potomkům vyd. Jan Novak v Praze, 1901.

[2] Напр.: *Flajšhans V.* Komenskoho Moudrost a jej knižne promeny. Sbornik filologicky. Svazek VI v Praze, 1917.

[3] *Sveikovsky Fr.* Moudrost starych čechů.— Praha, 1954.

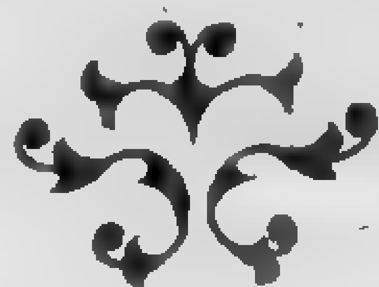
ний в сборнике Коменского из сборника Рысинского приведены в приложении 4).

О том, что с содержанием сборника Рысинского Коменский был знаком, свидетельствуют не столько общие пословицы, сколько полное совпадение подобранных составителями соответственных изречений на латинском языке.

С. Рысинский, Я. А. Коменский	Латинское соответствие
Свеча, людям помогая, сама истощается.	О других заботясь, расходуются.
Попал с дождя под водосточную трубу.	Попал на жар, желая избежать сковороды.
Плохое согласие с огнем — вода.	Противоположности никогда не сходятся.
На падающее дерево и козы лезут.	Если дуб падает, любой дрова собирает.
Поручили волку овец (барана).	Волку ты поручил овцу.
Показал мне собачий зуб.	Пеоновым (сатирическим) зубом грызет.
У каждого есть своя моль, которая его гложет.	Всякий из нас терпит свои муки.
И у муравья свой гнев.	И у муравья своя злость.
Не знает голова, что язык болтает.	Произносит слово без смысла.
Редко себе люди что-нибудь из пальца высосут.	Не все ложь, что в молве народа распространяется.
Сила без ума сама себя подрывает.	Сила, лишенная ума, разрушается сама по себе.
У страха глаза большие.	Страх все делает большим.
Спит себе сладко.	Спит на одном из двух ушей. *(Теренций)*
Где не можешь проскочить, там надо подлезть.	Голову наклони под верхом.
Переплыв, утонул.	Пожрав всего вола, хвостом подавился.
В чем ты смел советовать, будь смел сам делать.	Терпи закон, который сам принес (установил).
Не кричи гоп, пока не перепрыгнешь.	Не возвещай триумф до победы.
Мешок фортунатов (богатый).	Золотое руно.
Котел порицает горшок, а оба коптят.	«Горе тебе, горе, черный»,— говорил котелок кастрюле.
Когда паны дерутся, у подданных волосы трещат.	Цари сумасбродствуют, платят ахейцы.

Характер подбора пословиц и толкование их зависят от самого собирателя, от его эрудиции, мировоззрения. В этом отношении Рысинский был очень близок Коменскому, который и взял у него вот эти, например, пословицы, напечатанные в белорусской Любче: «Десять вооруженных одного безоружного обирают; не страшен голому грабеж; у хлеба рога, у неволи ноги; где пан гордый, там хлеб

твердый; где больше богатых, там люди беднее; когда паны дерутся, у селян головы трещат; знал бы конь свою силу, никто бы на нем не ездил; жареные голуби никогда в рот не влетают; бог высоко, король далеко, правды и справедливости на свете мало». Благодаря усилиям паремиологов, эти выстраданные истины становились оружием в руках народа в борьбе за лучшее будущее.

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

1614 году известный белорусский типограф Петр Бласт Кмита издал в любченском печатном дворе книжку панегирических стихов С. Рысинского, содержащую сочинения двух жанров — эпитоме и эпитафии. Эпитоме (краткое изложение) прославляли подвиги и заслуги князей Радзивиллов в войне со шведским королем и московским царем, десять эпитафий (надгробных надписей) составляли вторую часть книги [1]. Историки и любители старины с интересом прочитают рассказ современника об осаде городов, походах и жертвах кровопролитных боев, о впечатлениях очевидца исторических событий, происходивших в конце XVI века на русских, белорусских, литовских, латышских и эстонских землях.

Рысинский как автор стихотворений «Ревель», «Киремпенсиум», «Кокенгаузен» не мог и, по всей вероятности, не ставил перед собой задачи кропотливого достоверного описания и осмысления происходившего. Он оставался поэтом и поэтому выражал чувства, охватывавшие его в связи с походами своего хозяина и опекуна. Поэт восторженно восславлял доблесть, богатство, мощь, личную удаль князя, оснащенность его войска, с одной стороны, с другой — обвинял противников в жестокости, жажде наживы, алчности. Как шведский король, так и Иван Грозный, по искреннему убеждению поэта, терпели неудачи в столкновениях с войском литовского князя потому, что они опустошали земли соседей, разоряли и подвергали насилию жителей. Как и Андрей Рымша, Рысинский описывал жестокость не только противника, но и местных феодалов. Он изображал картины ожесточенных схваток, свирепость и беспощадность

---

[1] Rerum ab illustrissimo principe Christophoro Radivillo... gestarum epitome conscripta ... a Solomone Rysinio accessit variorum monumentorum decas.— Lubecae ad Chronum: In officina Petri Blasti, A. D. 1614.

расправ над мирным населением, а его слова, исполненные скорби, живописали страдания простых людей.

Во многих стихотворениях, входящих в «Эпитоме», говорится о пагубности вражды между народами, неоправданности кровавых злодеяний — извечных спутников войны. Не верноподданнические устремления лежат, таким образом, в основе творческого порыва Рысинского, а чувства возмущения насилиями, сострадания к его жертвам.

И все же поэзия Рысинского противоречива. Как придворный слуга Радзивиллов, поэт был, конечно, выразителем и официозного патриотизма магнатов Великого княжества Литовского, которому был предан. Однако, поскольку родиной своей он считал белорусскую деревню «на границе Москвы многоснежной», ему были близки судьбы народов, разъединенных распрями властелинов. Рысинский ожидал от своего князя, что тот окажется лучше, справедливее своих противников. Поэт надеялся, что Радзивиллы поддержат Реформацию, которая для него — сторонника арианства — олицетворяла прогресс и просвещение.

Рысинский, восхваляя подвиги войска Радзивилла, не считал, как это делал польский поэт Ян Кохановский в поэме «Поход на Москву»[1], что Радзивилл — слуга польского короля. Рысинский поэтизировал литовского князя как независимого доблестного полководца. Мечта о мире, расцвете наук и искусства, поборником которых Рысинский хотел бы видеть своего повелителя, не позволила поэту выявить основную причину ливонских войн — соперничества за право мореходства на Балтийском море. К. Маркс подчеркивал, что Иван Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался»[2]. Рысинский же не понимал, чем руководствовался московский царь в своих стремлениях выйти к Балтийскому побережью. Он не знал или закрывал глаза на то, что Радзивилл помогал польскому королевству препятствовать стремлению Московского царства добиться через балтийские порты связи с Европой, откуда оно получало товары и мастеров[3].

Рысинский обвинял шведских королей за жадность и ненасытность их захватнических аппетитов, а по отноше-

---

[1] *Kochanowski Jan.* Jezda na Moskwę.— Kraków, 1583.

[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.— ОГИЗ Политиздат, 1946, т. 8, с. 165.

[3] *Соловьев С. М.* История России.— М., 1960, кн. 3, с. 594—595.

нию к московскому царю выражал недоумение, почему, потерпев столько поражений, московские войска не прекращают попыток продвинуться на запад.

Эпитоме Рысинского искренни. В этом их достоинство. Стихи написаны по-латыни, языком, близким к классической норме. Русские и латинизированные названия местностей искусно уложены в размер элегического гекзаметра. Ряд картин сражений, как, например, осада крепости Салач, написан динамично.

Эпитоме Рысинского, как и его эпитафии,— еще одна содержательная страница латинско-белорусской литературы начала XVII века.

Рысинский, являясь надворным поэтом Радзивиллов, писал эпитафии по необходимости. В средние века жизнь вельмож обычно услаждали, приукрашивали, их развлекали ученые, поэты, художники, музыканты, добивающиеся милостей магнатов — единственных полновластных кормильцев и попечителей искусства.

Семь эпитафий Рысинского были посвящены умершим членам семьи Радзивиллов, три — другим лицам, в том числе и эпитафия, посвященная известному протестантскому деятелю в Белоруссии, писателю-философу Андрею Воляну.

Если обратиться к более раннему периоду творчества Рысинского, то оказывается, что он сочинял надгробные надписи и своим друзьям, и даже самому себе. Поэтому в подобных стихах не всегда следует искать лишь выражения подобострастия, раболепного отношения к княжескому двору. Особенно же нам интересны в них философские раздумья писателя-гуманиста о сущности жизни и смерти, красоте жизненных идеалов. Конечно, смерть близкого человека всегда отзывается болью в сердцах живых, оставляет неизгладимый след в их душе. Средневековая поэзия была призвана утешить, обласкать, вызвать слезы облегчения, подсказать, в чем искать замену горестной утраты. Рысинский утешает рассуждениями о неизбежности смерти, о памяти, способной восполнить утрату близких. Умершие избавлены от тревог и горестей, мыслит поэт, им можно позавидовать, они счастливее живых. В неудовлетворенности жизнью скрыт зародыш мечты о до конца неосознанных возможных изменениях. Что же тревожит поэта, что заставляет говорить его о зависти живых мертвым? Не загробная жизнь, не смирение с волей божества, вершащего судьбы людские, воспеваются поэтом; он в смятении не перед лицом безвестности смерти, а потрясен не-

устроенностью, несправедливостью людского бытия. Войны, разорение родной земли, вероломство между братскими народами, недобрососедские отношения между государствами, козни римско-католической церкви, «авсонских мошенников» — мастеров сеять разлад, наконец, личные недостатки, пороки отдельных людей — вот от чего избавлены мертвые. Но ведь от этих невзгод можно избавиться при жизни. Поэт не дает четкого ответа, как бороться с бедствиями, которые «разъедают горючими слезами глаза». Он уверенно провозглашает науку могучим средством против невежества и преступных действий церковников и превозносит талантливые «диво-перья» мыслителей, способных изобличить проделки ханжей и лицемеров. Поэт надеется на справедливость тех, кто спешит помочь обездоленным и покарать закон поправших. Всем этим особенно и интересны эпитафии Соломона Рысинского.

ИЗ «ЭПИТОМЕ»

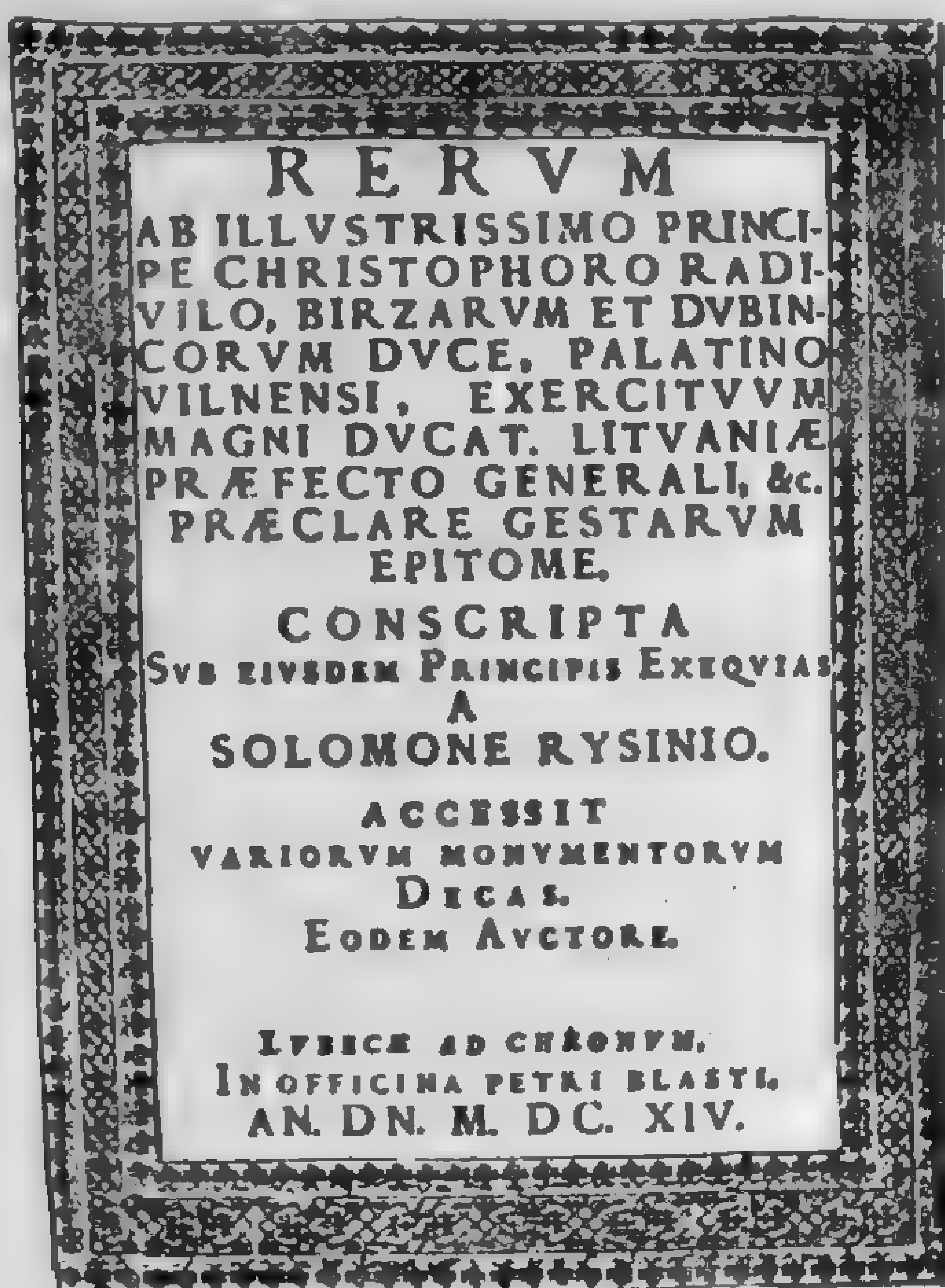
Ревель

Вот Сигизмунд с многократною славою ляшского царства,
Вот Иоан, он в соседней стране многославный король,
Вместе согласны в единстве связать и скрепить свои руки,
Где украшает Лифляндии земли Ревельский шпиль.
Ты бы услышал, какие раздались по городу кличи!
Радость искрилась в глазах, когда обнимались друзья.
Этот по выбору троном владеет — надеждой отчизны,
Носит сарматский король диадемы прелестной венец.
Тот — благодарность судьбы и событий. Правления Швецией
Жезл драгоценный сжимает в руках — государевой власти залог.
Друг короля из Сарматии князь Радзивилл появился,
Слава великая, знамя и сила литовской земли.
Седла и упряжь отличные, лошади рвутся с поводьев,
Вид превосходный вояк, молодежи, достойных мужей.
С ними попытка сравниться у шведских вельмож безнадежна:
То ли они полулюди, то ль полубоги на вид.
Шведский король удивлен, поразились придворные принцы,
Прелесть двора Радзивиллов глаза изумленных слепит.
Доблесть литовцев в сердцах чужеземцев восторг вызывает,
Облик величествен, Марс их мечи и щиты закалил.
Шведский король породниться хотел с знаменитым соседом.
Финские воды рассек и уплыл на большом корабле.
Сам Сигизмунд, возвращаясь, литовских панов дружелюбием
Принят торжественно гостем в княжьем богатом дворце.

Кокенгаузен

Жажда порочная власти, богатство тебя соблазняют,
Карл, ты ль не доволен еще, не пресыщен нерийским добром?

Твой же король и потомок хотели, бразды чтоб правленья
  Твердо держал ты в границах лишь искони шведских земель.
Так что тебе надлежало судьбой не играть безрассудно
  И подобало унять в сердце почестей страсть.
Но нездоровый соблазн приказал потянуться к чужому,
  Меры не знало влеченье к богатствам соседних краев.
Кнут для господства плести вероломно тебе еще мало,
  Прежде крепить ты задумал оружьем превратность судьбы,

RERVM
AB ILLVSTRISSIMO PRINCI-
PE CHRISTOPHORO RADI-
VILO, BIRZARVM ET DVBIN-
CORVM DVCE, PALATINO
VILNENSI, EXERCITVVM
MAGNI DVCAT. LITVANIÆ
PRÆFECTO GENERALI, &c.
PRÆCLARE GESTARVM
EPITOME.
CONSCRIPTA
SVB EIVSDEM PRINCIPIS EXEQVIAS
A
SOLOMONE RYSINIO.
ACCESSIT
VARIORVM MONVMENTORVM
DECAS.
EODEM AVCTORE.

LVBECÆ AD CHRONVM.
IN OFFICINA PETRI BLASTI.
AN. DN. M. DC. XIV.

Титульный лист «Эпитоме».

Силой клинков испытать ты ливонцев спешишь, ингевонов,
  Страны соседские на разоренье стремишься обречь.
Мощь беспощадную хочешь на земли литовцев обрушить,
  На смех поднять опьяненный велит скороспелый успех.
Крепости ты осадил и разрушил рукой нечестивой.
  Долго ль добыча порадует, близок триумфа конец:
Грабил соседей нещадно, теперь те богатства отнимут.
  Мститель есть бог справедливый, отплатит за скорбь Радзивилл!
Когти захватчика скоро и князь и господь обломают!
  Видишь, ликует на поле, готова к боям молодежь.
Где разноцветные воды с Двиною протоки сливают,
  Там разразится с неслыханной яростью мстительный бой.
Чванство твоей солдатни опрокинуто в битве жестокой,
  Свергнута гордость, но бегства поспешного смыт ли позор?

Верна кудесника песня о том, как в блестящих доспехах
Сам Радзивилл посылает подарки в безжизненный Стикс.
Род твой и титулы, всадников множество — не помогают:
Многие тысячи пеших и конных погибнет солдат.
Сколько, гляди, перебито литовским оружием шведов,
Пролито крови сколь много, скосила захватчиков смерть.
Кто возразит, не ужасна ль картина: кровавые воды
Струями льются с разгневанной Перси в просторы Двины!
Доблестно войско Литвы: Кокенгаузена стены свидетель.
Руку вождя Радзивилла и воинов смелых отряд
Видят они и позор побежденного Карлсона рати,
Радость и торжество осенили победы крылом.
Шведу, который готовил литовцу неволю и цепи,
Бог в небесах повелел на века знак бесчестья нести.

Кирмпенсиум

Царь разоряет ливонцев, теснит их мечом и железом,
Опустошенные травит жилища жестоким огнем.
Кровью окрашены гребни сребристых потоков Рубона,
Будто бы правильным именем названа Рубо *— Двина.
Мучает также судьба горемычные Беку и Нарву,
Цвета кровавого стала небыстрая Гавья река.
Горе, убийство, печаль лишь увидишь, куда ни посмотришь.
Плачет над сыном сраженным родитель, над мужем — жена.
Гнев ненасытный тирана пощады, однако, не знает.
Козни различные строит, хитрец, в нечестивых делах.
Все, что осталось, безжалостным пламенем жгут по приказу,
Ухарством, силой своей упиваются смерть и огонь.
К Биржам пытается царь подойти, желанием полон
Воды твои одолеть, быстротечная наша Двина.
Дерзость такую его не стерпеть. Не допустит на берег
Князь Радзивилл знаменитый, литовской отчизны глава.
Шпоры коням приказал он давать, подгонять без пощады,
Чтобы скорее отряд пробивался к могучей реке.
Много людей на убийство безжалостный князь обрекает,
Сам впереди, увлекает отряд, ободряет бойцов,
Непобедим и оружьем и духом, врагу угрожает,
Тех убивает, других же велит пощадить, брать живьем.
Вскоре бегут остальные, ищут укрытья в чащобах.
Часть убегает к дремучим лесам, чтобы в дебрях пропасть.
В замок Салачи вступает один из бегущих отрядов,
Скрыться внутри норовит и в испуге смертельном дрожит.
Крепость построена мощно из бревен, дубовых, огромных,
Свежим покрытая дерном, вкруг высится круто стена.
Серными молниями царское войско литовцев пугает,
Ядра так густо бросает махина одно за другим.
Войско литовцев призывная песня на бой вдохновляет,
Вал — нипочем, неприступные стены из дуба.
Заступы, лестницы, ломы неся, чтоб на стены подняться,
Воинам мигом пришлось под горящей смолой проскочить.
Вскоре от сильных ударов секир уже рушатся бревна,
Не помогает обивка железная мощных ворот.

* Ruber (*лат.*)— красный.

Крепость взята, опрокинута царская грозная сила.
   Старцы и юноши — воины вместе с вождями в плену.
В золоте и драгоценностях двух воевод уж выводят,
   Князю добыча богатая будет, пополнится ларь.
Вот и наградой бойцов недешевой в рядах наделяет
   И, торжествуя, к родным возвращается войско лугам.

ИЗ ЭПИТАФИЙ

Софии Олельчиц, княгине Слуцкой, похороненной в Слуцком монастыре в 1612 году

Жалобная песня

О! Ненадежной судьбы мановение неоспоримо!
   О! Никому не избегнуть плачевного жизни конца!
Смерть презирает и прадедов честь, и родителей дело,
   Племени блеск уважать не умеет и разума мощь,
Кучей сокровищ пренебрегает и золотом ярким,
   Тирской парчи одеяние ценное ей нипочем
Юности цвет иль прекрасные годы ее не задержат,
   Как не взволнует и богу подобная дев красота.
Славные брачные узы — клочок для нее лишь дешевый,
   Сердце печальное мужа-вдовца — лишь насмешки предмет.
Смехом жестокая хлещет, злословить, унизить умеет
   Полубожественный замок, обитель полулюдей.
Вот она топчет, бесчестная, землю с радостным плясом,
   Выдрав добычу из княжьей груди, и победой горда.
О! Приносящая счастье душа, изобилье достоинств
   Тех, что лелеет Юнона и в женщины теле растит,
Звездочка! Ты сохранилась в созвездии Слуцком едина
   Между литовскими славой ярчайшая первая дочь!
Разве ты менее рыцарь, чем гордый супруг твой великий?
   Сила какая, нагрянув нежданно, тебя унесла?
Многие солнца с супругом тебе проводить предстояло,
   Нестора долгие дни полагалось по жребию жить,
Шло тебе клады считать, драгоценность сокровищ отцовских,
   Ими делиться с тобой и порадовать жаждал супруг,
И полагалось отцом его сделать детишек прелестных.
   В доме ж осиротевшем покинула ты одного.
Если б страдальцу осталась надежда наследника рода,
   Меньше бы мучило бедствие, грустно терзала печаль.
Горестно сердце заныло двойной неутешною болью,
   Слезы соленой росой увлажнили морщины ланит.
Небу угодно иначе: коль с неба падают звезды,
   Разве не скажешь: «чудесно», безумному лишь невдомек.
Луч, суетливо врываясь и вспыхнув мерцающим светом,
   Матери гасит светло, и гаснет в утробе дитя.
Смерть, свирепея, с размаху косой ударяет жестоко,
   Мать и потомство убить для нее еще больший триумф.
Ах! Замолчи, быстролетная, смехом грядущим пытаешь,
   Пусть и отсюда потащишь останки замученных жертв,
Вечно ли смехом позволено будет тебе наслаждаться?
   Слезы, лицо оросившие, бог милостивый сотрет!

Сломлено не было мужество князя ни вражеским строем,
Ядрами, сталью, огнем и угрозами он не сражен,
Меч не поверг или копий ужасных нещадные жала,
Тлением не испугала, в глазах промелькнувшая смерть.

MONVMENTVM SEPTIMVM

MEMORIÆ

VIRI CLARISSIMI
ANDREÆ VOLANI, ETC.

F ij D.O.M.

Эпитафия А. Воляну из «Десяти эпитафий» С. Рысинского.

Хворь испытанием на ложе его не сломила.
Разве печали враждебная сила доспехи пронзит?
Вот же, когда собирается силы героя ослабить,
Темная мощь Либитины ведь зря раздувает свой гнев.

Яну Радзивиллу, прожившему три месяца 24 дня. Умер в 1609 году.

Разве стараешься только свирепствовать средь душ невинных,
Парка * щадить не желаешь, конечно, нигде, никого.
Трижды добычей богата, отвергни бесправие тройное,
Чтобы в дальнейшем жестоко не рвалась печальная нить.

---

* Парки — богини судьбы.

Землям и небу достаточно даров: тройные подарки
Небу и трижды в холодную землю отправлен залог.
Клио похитила в первые годы потомство младое,
Было оно как свидетель супружеской жаркой любви.
Зависть Лахезис сжигает и бесит сестрицы добыча
Тут же жестоким ударом другое сразила дитя.
Атропос, будто змея, не заботясь о кровных законах,
Вдруг похищает трофей, убивает уж третий приплод.
О! Дорогая родителям, богом любимая крошка,
Что так торопишься? Разве спешишь ты под огненный кров?
Души ль любимые: брат и сестра играть пригласили?
С ними ль отрадно в божественном замке проводишь досуг?

Николаю Радзивиллу, прожившему пять месяцев и 12 дней. Умер в 1611 году.

Матери радость, отца, всего рода светоч надежды!
Вдруг ты, дитя, вызываешь лишь слезы и стон.
Первый залог ликования супругов, свое ожидание
В гроб уложили и нежное тело предали земле.
Слезы, родители, скройте, стенаний вопль утишайте.
Брошено семя в немягкую почву, но вырастет сон.
Нежной ручонкой обнимет за шею и вас временами
Ласкою новой порадует, к вашей прижмется груди.

Станиславу Радзивиллу, прожившему два месяца и 4 дня. Умер в 1612 году.

Нежная поросль и в пятый раз княжеский отпрыск рожденный
Здесь преждевременной смертью похищен лежит.
Надо неласковым паркам щадить малолетнее чадо,
Следует им торопливую руку от жертв отвести.
Все же такое угодно богам и родителей сердце охотно
Прах отдает небесам, примирившись со скорбной судьбой.

Екатерине Радзивилл, прожившей шесть месяцев и 20 дней. Умерла в 1613 году.

Что наша жизнь? Ожидание тревожное смерти холодной.
Смерть? Безмятежная, новая жизнь на века.
Вот ведь, когда умирает у нежных родителей Катя,
Тут же бессмертья ее зарождается дух.

Прославленному мужу Андрею Воляну

О странник, почему не продолжаешь путь, как бы устремляя глаза к могиле неизвестной?

Андрей Волян здесь лежит.

Я уже сказал: уходи! — Помещик? —

— Тебе неизвестный, всей Европе хорошо известный Волян, говорю, звезда северного мира, которого родила Великая Польша, Великая

Литва предоставила убежище, Великий род Радзивиллов предложил кров.

Мужа, обладавшего большими способностями, король допустил к тайному совету. Речь Посполита пожелала увидеть его в королевском суде. Родина слушала на общем сейме. Церковь поставила во главе святого собрания. И в ее защиту врагов он поражал десницей Аполлона, всегда пером и словом.

Наконец, в преклонном возрасте, обремененный лишь честными делами, тихо скончался в своих Биутишках в 1610 году. Похоронен там же.

Разумом в мире известен Волян и достоинством славен.
Весть о Воляне в восточных краях, о нем Западу знать.
Коль поглощает он Тирса ученье внимательным ухом,
Благочестивый мыслитель пугает ученостью Рим.
Дух, разгоревшийся пламенем ярким Олимпа, уходит
В высь лучезарную, жизни земную обитель презрев.
Плоти покров и скелет наконец он оставил в гробнице,
С жизнью простился, по восемь закончив десятки годов.
С речью судейскою больше не выступишь в крае родимом,
Больше, святая душа, не узнаешь посольских забот,
Тайн королевских блюсти, облаченный доверьем, не будешь,
Диспут священный продолжить не сможет уж звонкий твой глас.
Больше авсонских мошенников, распрей, разлада умельцев
Уж не пронзишь вдохновенным, острым на диво пером.
Вот ведь теперь остаешься, взирая на высь алтарей поднебесных,
Благославленья последнего ждешь из создателя уст.

Варваре Оссолинской, умершей в 1591 году. Похоронена в Нешове Люблинской земли.

Слова умирающей

Круг уж шестой пробегает потомок Гипериона,
Как овдовевшее ложе покинули члены мои.
Горе испить-то какое, подумай, пришлось в это время,
Как изнывало волненьем разбитое сердце мое.
Дом опустевший, лишенный опоры, одна я пыталась,
Правя судом справедливым, от гибели предохранить.
Клала я силы, чтоб дети на путь совершенный вступили,
В замок Паллады, а также Ареты вселиться смогли.
Эта забота съедала мне сердце сколь долгие годы!
Тяжкою мукой истерзана вся материнская грудь.
Брачным союзом обрадовать дочек, когда я хотела,
Труд то какой испытала при нахожденьи зятьев!
Сколько забот претерпела и столько невзгод пережила.
Грусть не покинула сердце, осталась в нем резкая боль.
Вот ведь печаль наконец подавила, ужасное горе,
Крыша безумств Персефоны готова меня приютить.
Старший моих сыновей, стрелой ядовитой пронзенный,
Бросил, увы, освященный отцовским заветом закон.
Бросил, увы, и отрекся от веры, его воспитавшей.
Брошу и я эту землю и все, что земное кругом.

Елизавете Турской, умершей в 1590 году, прожившей 43 года, похоронена в Некрашове.

Тень покойницы

Силы сейчас, о болезни, вы против меня обратите!
Рок беспощадный, направь свои стрелы теперь уж в меня.
Хвори напасти сломить удавалось в течение жизни,
И побеждала тогда я удары богини судьбы.
Чем бездыханной, чем повредят мне судьбы испытания?
Помощь мгновенную смерть принесла, избавленья залог.
Сын мой, большая моя ненаглядная часть и любимый
Муж, воздержаться вам надо от плача, стенаний и слез,
Пусть бы никто не подумал, что мне, позавидовав счастья —
Дара услужливой участи, смерть посчитали за зло.

Регине Бучинской, похороненной в Бобове в 1589 году

Муж жене

Свет мой, зачем, покидая ребенка, покинув и мужа,
С глаз убегаешь, строптивая, разуму наперекор?
Может, задержат рыданья тебя или горькие слезы
Смогут вернуть опечаленным взорам нашей семьи?
Век не утихнет тоска и оплакивать будем потерю,
Сердце, пронзенное болью, горючей слезой наполнять!

Жена мужу

Слезы к чему и стенания ваши? Чтоб новым, наверно,
Пламенем боли терзалась я, путь направляя к богам?
Горе семьи и страданья дитяти, рыданья супруга
Вместе от хора в божественных высях меня отвлекли.
Думаешь: сможете плачем вернуть вы меня и слезами?
Это ж напрасно: усладу покоя я предпочла.

Амвросию Станкару

Стих, говорящий о смерти внезапной Рысинского, слышишь.
Пусть никогда не исчезнет из сердца, о друг, твоего!
Дружбы лелеял союз неразрывный с тобой плодотворной,
Изо всех сил, жизнерадостный был я когда.
Да, а теперь наконец мне придется открыть тебе правду:
Сляжешь и ты неожиданно в спешно сколоченный гроб.

Эпитафия Соломона Рысинского

Западных стран берега я напрасно шагами измерил,
Земли германские я исходил и сарматов края.
Час неизбежный кончины для всех все равно остается,
Смерть кровожадна, в любое убежище в щели вползет.
Вот я, кого родила на границе Москвы многоснежной,

Славная зверем, охотничьими дебрями, борами Русь.
Разные я посетил города, чужеземные видел
Замков громады в различных неблизких местах.
Здесь в Сецимине внезапно болезнью сражен я жестокой.
То, что увижу теперь, прославить не стоит, увы! *(1, III)*

РАЗНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Стихи, посвященные Конраду Риттерсгузиусу

В 1598 году юрисконсульт Конрад Риттерсгузиус, близкий друг Рысинского, соавтор оставшихся в рукописи «Изысканий по Авсонию», издал в Тюбингене (юго-западная Германия) «Историю Фридриха Барбароссы» Гунтера Лигурия с комментариями. На шестой и седьмой страницах этой книги помещены латинские стихотворения Рысинского, написанные в Альтдорфе и помеченные июнем 1598 года [1]. В другой книге Риттерсгузиуса, изданной в Лейдене также в 1598 году и посвященной творчеству Оппиана [2], вслед за стихотворениями иных авторов на шестой странице напечатано стихотворение Рысинского на латинском языке, озаглавленное: «К уважаемому и ученейшему мужу Конраду Риттерсгузиусу, юрисконсульту...» Под стихотворением — велеречивая подпись «Соломон Рысинский, прозвище Пантерус, сочинил для сына славного князя Христофора Радзивилла в память учебы в Вильне и Литве». Посвящение Рысинского потомку правителей Великого княжества Литовского как бы призывает покровительствовать отечественной науке.

Риттерсгузиусу

Асклепиада * сыны, хоть латинская вас воспитала
Почва, в Пелазгах ** пусть ваша явилась на свет колыбель,
Дайте поэтам германским дорогу — сынам Амфитриады ***,
Вам справедливые судьбы велели ведь прочь отступить.
Тело, потомство заботой когда-то считались и слава,
Вас же тревожило сильно тогда лишь желанье добыч.
Счастья вы были полны и отрады, но век наш счастливей:
Лекарей он, изгоняющих хворь, породил, мастеров;
Ранами тело покрытое быстро одни исцеляют,
Света лишенных обрадовать светом другие смогли.

---

[1] A. Guntheri Ligurii seu de rebus gestis imperatoris Caesaris Friderici primi.— Tubingae, 1598.
[2] Oppiani poetae Cilicis...— Lugduni Batavorum, 1598.
* Игра слов: Асклепиад из Самоса (III век. до н. э.), Асклепиад — врач римский (II век до н. э.). ** Пелазги — здесь Греция. *** Сыновья Амфитриады — жены Амфитрия: Геркулес и Ификлес.

Конрад, поднялся до самой вершины ты между великих,
Скупо судьбою обласканным жизнь помогаешь прожить.
Дух их воспрянет, желанное снова увидев спасенье.
Передают по рукам и из уст прославляют уста
Имя твое, о певец, приобретший хвалу от Авзона *,
Речью весом, величайший умом, одаренный Симмах **,
Златом Кирикским *** отделавший стих, знаменитый кудесник,
Краснобородой истории **** престола искусный творец,
Много событий других окрылил ты известностью, славой,
Четко в запутанных книгах законов ***** ты сущность раскрыл.
Это прекрасно, тебя удостоили лавров когда-то
Те, кто усердно занялся поэзии тяжким трудом.
Вы же, богини, в обитель которых с горящей душою
Конрад вступает, цените его и любите певца!

Соломон Рысинский в честь «Оппиана», изданного в свет Конрадом Риттерсгузиусом

Милая Клио ******, увидев: в стихах Ромулид ******* побеждает,
Молвила Фебу словами печальными, полными слез:
Феб наш, отец, ты водитель двойного священного стада ********,
Так почему прекращаешь дарить авзонийским ладам
Тех, кто заслуженно мог бы с аргильскими ********* соревноваться?
Разве один лишь Гомер победителем будет на век,
Слава же спутником в небе латинском светить перестанет?
Бедствие это сними, наш родитель, позор отврати!
День ли настанет, когда голова до светил вознесется?
Феб ей в ответ: опечалена нимфа напрасно, не плачь:
Зря удручает тебя и грызет постоянно забота.
Скоро славнейшее имя получит далекая глушь —
Свет в неизвестной авзонской деревне увидит Вергилий.
Берег Сицилии одних порождает **********, других в Колофонт ***********,
В Аскру ************ судьба занесет. Побежденные скоро отступят.
После того, как Марон ************* появился, великий Гомер
Замок священный покинул и сразу сиянье потухло.
Горькой слезой заливаясь, когорта аргивов в беде
Волосы треплет, радость успеха соперников видя,
Лация мечет проклены богам, упрекает: о Феб,
Восстанови милосердно величие нашей поэзии!
Феб оскорбленных страданье стремился тотчас облегчить,
Звуками слов наполняя уста, обращался к аргивам:

* Авсоний — римский поэт (IV век н. э.). ** Оратор и писатель поздней римской империи (IV век н. э.). *** Кирке из Одиссеи. **** Историю о Фридрихе Барбароссе (Барбаросса — означает «краснобородый») написал Гунтер Лигуриус. К. Риттерсгузиус издал и прокомментировал это сочинение. ***** К. Риттерсгузиус комментировал законы 12-ти таблиц. ****** Клио — муза истории. ******* Ромулид — римлянин. ******** Миф о том, что Аполлон служил пастухом у Адмета. ********* Аргильскими — греческими. ********** Из Сицилии происходило много греческих поэтов, писателей-историков. *********** Колофонт — город в Малой Азии — родина Гомера и других греческих поэтов. ************ Аскра — родина Гесиода (в Беотии). ************* Марон — Вергилий.

Чтобы навечно завистливый спор среди вас прекратить,
Чаши весов нагружу одинаковой поровну славой,
Так чтоб ахивы не смели авзонских певцов обижать.
Честь же, воспетая в римских стихах, не гневила б Элладу.
Даром моим вам окажется равный Марону певец,
Город родит киликийский его — Аназарб * знаменитый.
Вынудит сье песнопенье червоное злато забыть
Тех, кто латинской державы кормило в руках сохраняет.
Кастор и Поллукс — сыны Тиндарея ** — сияли хвалой,
Ярче блеснет он Вергилия и Оппиана ***.
Равная слава поэтов — не стал уж никто возражать.
Руководителю хора — почет, послушание — Фебу.
Вечно ль согласье бывает? Удачно ль решенье судьбы?
Слава Оппиана во мраке лежит, похоронен на веки,
Вергилия боги, цари превозносят среди певцов,
Что на земле Ромулидов и ∎ Аттиса **** дивных пределах.
Чу! Поражает неведомый глас, наслажденье ушей:
Заговорили уста Оппиана, явился из мрака.
Кто тот волшебник, Оппиана решивший отважно вернуть,
К жизни под небом сияющим, к высям эфирных просторов?
Не ошибаюсь? Горя, Риттерсгузиус, огнем Аонид *****,
Это чудесно! — дерзнул ты прелестный напев передать нам,
Славу такую, наследье красы, Аполлона хвалу,
Бремя тяжелое взяв на себя — ведь не зря одаренный!
Пусть же заслуженной славы венцом Аониды и Феб
Кудри твои опояшут, рожденный под добрым светилом!

Мартину Кодицию, уезжающему в Лейпциг

Так и любовь к Альтдорфу забыта и вся благодарность.
Больше, как видно, манит Лейпциг напитком любви.
Лейпцигу чтоб не хватало! Блистает богатством Юноны,
Сказочной птицей порхает, искусной сияет красой.
Миснии ты лучезарность, златые ты очи народа,
Ключ плодоносный Форкиды, кладезь саксонских ручьев!
Разве тебя я сравню с холмами роскошной Нериды,
Разве ты ниже Альтдорфа, ученейший Липсия-град?
В час отправляйся же добрый, небесное, Мартин, знаменье
Пусть же тебя поведет. С судьбою бороться нельзя!

Из Палеокомии (Альтдорф.— *Я. П.*), 8 июля 1587 г. *(2, XIV)*

Соломон Пантерус Иоану Бусеретию Ректору по случаю освобождения того от поста

Члены твои, Бусеретий — норийской школы светило,
Мантья искусно связала, цепью стеснила твой дух.
Освободила тебя академия — в прошлом заботы.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!
Властью другого облек ты и путы законов отбросил,
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!
Власть, эту тяжкую ношу, напрасно почетом считают.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!

---

* Аназарб — город в Киликии (Малая Азия). ** Тиндарей — спартанский царь. *** Оппиан — греческий писатель из Киликии во времена Марка Аврелия. Писал о ловле рыб, зверей и птиц. **** Аттис — фригийское божество. ***** Аониды — одно из прозвищ Муз.

Зависть всегда раздувают и почесть и слава большая.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!
Тот огражден от завистников, годы кто кончит бесшумно.
Радуйся, убрано бремя, гнетущее плечи твои!

Палеокомия (Альтдорф.— *Я. П.*), 1 июля 1587 г. *(2, XVI)*

Стихотворное письмо Якову Куно

Яков Куно — один из товарищей Рысинского по учебе в Альтдорфе. Ему адресовано отдельное письмо в виде стихотворения в честь крупного поэта-современника — Пауля Шеде, принявшего имя Мелисс, переложив на греческий язык немецкое имя своей матери Biene (пчела); по-гречески — *мелисса.* Талант этого новолатинского поэта получил в свое время такое признание, что его называли «Пиндаром Германии». В стихотворении Рысинский сравнивает творчество Мелисса с величием венузианского певца, т. е. Горация, а также с мастерством шотландского переводчика псалмов и «Истории Шотландии» Георгия Буханана (1506—1582).

Верь мне, ученейший Куно, Мелисса * пчела африканская
Медом гиблейским ** полна — это, конечно, Мелисс.
Хоть не похоже на мед, так по-гречески пчелы зовутся,
Это с Гиметта *** вершин собран чистейший нектар.
Песня же слаже, чем меды,— Мелиссы такая природа,
Лиры беотской **** певец славится стихом везде.
Не вспоминаю, чтоб видел я где-то похоже усладу
Кроме, светило, твоих венузианских стихов,
Иль Буханана Георгия ритмов прекрасных напевы.
Брошен Шотландии край Флакком ***** земли той родным.
Боги же пусть предоставят кудеснику годы Мелиссу
Жизни, что слаже, чем мед,— Куно, со мною молись!

(2, XXXIII)

В Центральном государственном архиве г. Минска (ф. 694, оп. 1, сб. 145) хранится написанное печатными буквами, по-видимому рукой самого Рысинского, 16 страниц, озаглавленных «Decas altera...», т. е. «Второй десяток...», разных памятников, составленных Рысинским. На шестом — восьмом листах дан стихотворный «Третий памятник», посвященный Христофору Радзивиллу, виленскому воеводе:

---

* Игра слов: Мелисса — пчела; по представлению древних — нимфа, а также — жрица богини плодородия Артемиды. ** Гибля — гора в Сицилии, славившаяся медом. *** Гиметт — гора в Аттике, славившаяся пчелами, медом и мрамором. **** В оригинале Аония, т. е. Беотия. ***** Флакк — Гораций.

Диалог несведущего гостя и музы

Муза, скажи мне, какими украшен герой сей чертами,
Даром каким и достоинством муж этот был наделен?

Глянь на венец, обвивающий четырежды вольное сердце,
Меткой сверкает какой, не находишь чего на нем знак?

Рог здесь сначала тройной и символом рода известен:
Славу семьи первый рог, боя второй передаст.

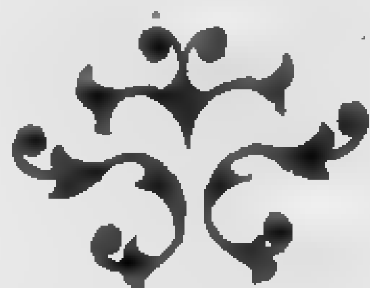
Крайний же слышала церковь в суровое бедствием время.
Рогом тройным устрашает не знающих чести людей.

Что за корабль плывет на огромных взметнувшихся волнах?
Был тот муж подготовлен отечеством править в грозу.

Башни, скажи, для чего вознеслися рукою умелой?
Высшее это достоинство рода, вершина его.

Зверь почему почивает жестоко гневный под днищем?
Агнец всегда терпеливо, невинно на беды взирал.

В высь поднебесную зачем же орел всю картину уносит?
Как появился с небес, так в небеса улетит.

НЕКОТОРЫЕ «ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ» Л. А. СЕНЕКИ В «КОНЪЕКТУРАХ» С. РЫСИНСКОГО

Важнейшим произведением выдающегося римского писателя I века н. э., приверженца «новой Стои» Луция Аннея Сенеки считаются «Письма к Луцилию». Именно его Ф. Энгельс иронически назвал «дядей христианства», так как «послания часто почти дословно описаны у Сенеки»[1]. Печатные издания «Писем» Сенеки стали появляться начиная с XV века, а прокомментированные — в XVI веке. Их авторами были крупные филологи и гуманисты — Эразм Роттердамский, Липсий, Скалигер. В начале XVII века комментатором писем стал и Рысинский, издав свои комментарии в Нюрнберге в 1620 году. Написал же он их приблизительно в 1610 году в Белоруссии. Оригинал «Конъектур»[2] хранится в Краковской библиотеке.

«Конъектуры» Рысинского — не только уточнение доподлинности высказываний самого Сенеки, но и оригинальное философское рассуждение. Рысинский не был новичком в области исследования классической филологии, ибо совместно с К. Риттерсгузиусом писал уже о творчестве римского поэта IV века н. э. Авсония. Если обратиться к предпосланному книге об Авсонии обращению Рысинского к советнику Рему, то увидим, что последний собирался оказать содействие в подготовке к печати труда об Авсонии. Именно об этом Рысинский узнал от Павла Димитровича, одного из деятелей просвещения в Белоруссии, который переписывался с Ремом. Рысинский писал: «Как хотелось бы в знак искренней признательности преподнести тебе дар. Ничего, однако, достойного твоего суда, способного обратить твое внимание, у меня не оказалось. Вот все же несколько страниц, на которых я десять лет тому назад изложил кое-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 307 и 309.

[2] Solomonis Rysini Sarmatae Ad Epistolas L. Annei Senecae philosophi stoici, notarum sive conjecturarum Liber.— Norinbergae, MDCXX.

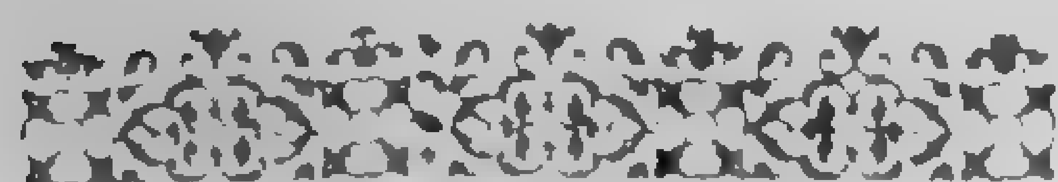
какие мысли в связи с письмами Сенеки. В то время у меня в деревенской глуши был в руках экземпляр «Писем» Сенеки парижского издания, который предоставил мне друг. Книга своей новизной, изяществом печати весьма соблазняла к чтению. Она была издана столь хорошо, что никоим образом нельзя ее сравнить с другими. У нас здесь ощущается нехватка хороших книг из-за бедности и немногочисленности книготорговцев. В этой обстановке я, побужденный настоящим «зудом критики», думал, что смогу сказать что-либо новое о прочитанном. Тебе виднее, насколько я преуспел это сделать с пользой для читателя и для раскрытия истины». Эта выдержка из письма Рысинского приоткрывает творческую историю возникновения комментария.

Какую же ценность для Рысинского представляли «Письма» Сенеки? Парижское издание «Писем», возможно, случайно попало ему в руки, но нельзя считать, что оно его случайно же и увлекло. Сочинения Сенеки написаны живо, ярко. Видимо, поэтому Рысинский «зачитывался» «Письмами». Из «Конъектур», однако, следует, что суждения Сенеки он воспринимал критически; его внимание привлекали главным образом те места «Писем», где автор проявлял себя последователем Эпикура и глашатаем нравственного совершенствования. В «Конъектурах» нет ни одного намека на противоречивость взглядов Сенеки, примечания же Рысинского выдержаны в духе оценки тех положений, которые со времен рабовладельческого Рима и вплоть до позднефеодальных порядков в Белоруссии не потеряли своей остроты и злободневности. Это был протест гуманиста против разложения нравов, упадка науки и преследования свободомыслия.

В сочинениях Сенеки нет оригинальных философских положений. Этот философ был эклектиком; в его письмах переплелись теории Эпикура, Платона, Пифагора, Зенона. Если, с одной стороны, согласно Сенеке, человек должен укреплять свою волю, закалять себя, совершенствовать свой разум, превозносить добродетель, клеймить пороки, то с другой — в мире господствует рок, добродетель заключается в том, чтобы примириться с судьбой, отказаться от борьбы за изменение хода событий. «Письма к Луцилию» наиболее ярко и зрело представляли все эти воззрения Сенеки.

Рысинский весьма придирчиво отнесся к тексту парижского издания Сенеки. Он отметил в отдельных местах пропуск слов, грамматические несоответствия, неуместное употребление приставок, замену слов, перестановку в построении предложений, вплоть до размещения знаков препина-

ния. При этом он выявлял извращения выкладок Сенеки — неряшливость (incuria), ошибки (vitia), невежество (stupiditas) переписчиков и печатников. Иногда им отмечались испорченные места (loca corrupta). Вместе с тем Рысинский требовал изящества в латинской речи. Он часто подчерки-

CLARISSIMO VIRO,

GEORGIO REMO,

PERILLUSTRI REIP. NORICÆ A CONSILIIS &c. SOLOMO RYSINSKI S.

Mirum profectò videri debet, ita eſſe comparatum cum natura hominum, ut beneficii in ſe collati, non ſolum gratiam referre non ſoleat, ſed ne memoriam quidem alere, aut gratam recordationem fovere libenter ſuſtineat. Et ſane graviſſimi morum cenſores Philoſophi, diligenter in cauſas tãti criminis, quo nil terra gravius parit, inveſtigarunt, neq; tamen aliud quidquã reperire potuerunt, præterquam hoc, quod natura etiam extremæ atq; adeò abjectæ conditionis ita cum animo ſuo reputet, ſe eſſe ſufficientibus a prima cauſa præſidiis ad tuitionem & conſervationem ſui inſtructam, neque admodum alienis adminiculis tanquam aſcititiis tibicinibus egere, ac proin-

A 2 de

Обращение С. Рысинского к Георгию Рему в «Конъектурах».

Ad Epiſtolas Senecæ Notæ, ſive Conjecturæ.

EPISTOLA VIII.

Philoſophiæ ſervire, libertas eſt.] *Non minus eleganter hoc dictum procul dubio præ oculis habens I. Lipſius in ſua Conſtantia protulit, Deo ſervire, libertas eſt. Sed longe melius & magnificentius in eandem ſententiam L. Vives in Excit. animi ad Deum: Deo ſervire, regnare eſt. Pari magnificentia ante hunc F. Petrarcha lib. 2. cap. 7. de Remed. fortuna: Dei ſervus, Rex eſt omnium, Socius Angelorũ, horror Dæmonum. Quanquam duo iſti poſteriores ſine dubio à D. Auguſtino hauſere, qui 2. Medit. c. 32. non minus auguſte: Deus, quem noſſe, vivere eſt: cui ſervire, regnare eſt: quem laudare, ſalus & gaudium animæ eſt. Verum omnium auguſtiſſime Philo: τῷ θεῷ δουλεύειν, οὐ μόνον ἐλευθερίας, ἀλλὰ καὶ βασιλείας ἄμεινον. Memini me ſimile quippiam & apud Apuleium Madaurenſem legere, ſed jam non ſuccurrit, neq; author eſt ad manum.*

EPISTO-

Первая страница книги С. Рысинского о творчестве Сенеки.

вал: «гибнет красота» (decus perit), «изящество» требует (venustas), надо было бы «более складно» (magis quadrat), «более убедительно» (magis perspicue), «более естественно» (geminus). Он возмущался по поводу неправильного прочтения отдельных слов или форм: «грубовато» (durisculum), «что этим хотят сказать» (quid sibi vult), «искаженная речь» (manca oratio). Иногда он сам не был уверен в своих предположениях (incertus sum) и высказывал догадки. Но все же главным образом Рысинского привлекало изучение смысловой сущности: он пытался разъяснить читателю, как следует понимать освещение Сенекой вопроса

о жизни, смерти, здоровье, старости, творчестве, совершенствовании духа и тела, достоинствах, пороках, общественных обязанностях, житейских и философских началах. В своих комментариях Рысинский давал своеобразное толкование выводов Сенеки, часто сопоставляя их с изречениями греческих, римских, средневековых и современных писателей: Эпикура, Пиндара, Еврипида, Горация, Вергилия, Плиния, Августина, Петрарки, Вивеса, Липсиуса и др.

«Конъектуры» Рысинского приводятся по экземпляру, хранящемуся в Народной библиотеке ПНР, текст «Писем» Сенеки — по изданию О. Генце 1898 года[1]. Для сравнения использован английский перевод Ф. Баркера с этого издания[2]. Нами отобраны лишь отдельные фрагменты толкования мыслей Сенеки Рысинским, изложенные им в разных письмах, а также примеры наиболее удачного, на наш взгляд, разбора белорусского комментатора разночтений и выявления им возможных ошибок у переписчиков и печатников.

Путь к свободе — служить философии *

Разбор «Писем» Сенеки Рысинский начал с высказывания Эпикура «служить философии есть свобода». Уже это свидетельствует об уважении комментатора к идеям Сенеки, изобличавшего реакционеров и мистиков и защищавшего материалистические взгляды Демокрита. Комментируя «Письма», Рысинский счел нужным и противопоставить Сенеку ряду средневековых философов, показывая, что христианские мыслители заимствовали у римского стоика идеи, придав им лишь теологическую окраску. В восьмом письме ** Сенеки к Луцилию говорится: «Сегодня я прочел у Эпикура: „Для того, чтобы добиться настоящей свободы, ты должен стать рабом философии. Человек, сделавший себя ее слугой и невольником, не ожидает изо дня в день униже-

---

[1] Bibliotheka Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. L. A. Senecae Opera quae supersint VIII, L. A. Senecae ad Lucilium epistolarum moralium quae supersint. Edidit Otto Henze.— Lipsiae, 1898 (1914).

[2] Seneca's Letters to Lucilius translated by Phillipps Barker. D. Litt.— Oxford, 1932, v. 1, 2.

* Подзаголовки мои.— *Я. П.*

** В связи с тем, что нумерация «Писем» Сенеки совпадает в «Конъектурах» Рысинского в издании О. Генце и в переводе Ф. Баркера, в дальнейшем сноски на эти источники опускаются. В необходимых случаях указывается номер письма. Переводы с латинского и английского Я. И. Порецкого.

ний, он эмансипируется, так как настоящее служение философии — это свобода“». Именно последние слова о философии и свободе Рысинский выделил и сопоставил с высказываниями Липсия: «Служить богу — это свобода», Вивеса: «Богу служить — значит царствовать», Петрарки: «Слуга божий, царь всех, друг ангелов, ужас демонов», Августина: «Узнать бога — это жить, служить ему — это царствовать», Филона: «Служить богу — не только лучшая свобода, но и лучшее царствование». Все эти высказывания Рысинский оценивал как изящные, возвышенные, но все же, сопоставив их с Эпикуровыми, показал, что Сенека вслед за Эпикуром не говорил о боге, а обожествлял философию. Знаменательно, что в «Подготовительной тетради» к своей докторской диссертации К. Маркс тоже обращался именно к восьмому письму Сенеки и приводил оттуда мысль Эпикура в изложении римского стоика: «До сих пор мы повторяем за Эпикуром: «...ты должен служить философии, чтобы достигнуть истинной свободы. Тому, кто подчинился и весь отдался ей, не приходится долго ждать, он тотчас же становится свободным. Ибо само служение философии есть свобода»[1].

Опора в жизни — вера и себя

В научной литературе конъектурами принято называть замечания о разночтениях текста, но значение этого термина более широкое. Это и догадка, и предположение, и толкование мысли, и гипотеза. А «реалии», которые объяснял Рысинский, это также изречения римских и греческих мыслителей, сопоставленные с положениями Сенеки. Прием выделения из контекста «Писем» отдельных предложений подтверждает, что внимание Рысинского привлекали в первую очередь языковые формы и стиль «Писем» Сенеки, но вместе с тем, и это главное, автор «Конъектур» развертывал положения Сенеки, усиливал наиболее существенные стороны рассуждений. Если привести отрывок из любого письма, то нелегко заранее определить, какое именно место вызвало у Рысинского «зуд критики». Так, в тридцать первом письме Сенека, обращаясь, по своему обыкновению, к другу Луцилию, говорит: «В итоге ты окажешься мудрецом, если закроешь уши... Оставайся глухим к своим любимейшим (т. е. родственникам.— *Я.П.*); с добрым намерением они зла желают и, если хочешь быть счастлив, моли богов, чтобы не сбылось ничего из того, что они тебе желают. Все

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений.— М., 1956, с. 185.

их пожелания — не благо; единственное добро, причина и опора счастливой жизни — это вера в себя. Этого нельзя достигнуть, если будешь пренебрегать тяжелым трудом, не считая его ни злом, ни благом. Не может ведь быть, чтобы какая-либо вещь была только плохой или только хорошей, только легкой и терпимой или только вызывающей опасение... Следовательно, не выбирай для выгоды ничего из обремененного веками моления близких... Безопасным и приятным является путь, которому учит тебя природа: она тебя убеждает в том, что, если ты с этого пути не собьешься, станешь равным богам...»

Внимание Рысинского привлекла в этом письме, во-первых, фраза, которая до сих пор не прочитана с полной достоверностью, а во-вторых, он сделал попытку уточнить и объяснить содержание примерами из других писем Сенеки, а также литературными отрывками. Речь идет о словах Сенеки: «Не выбирай для выгоды ничего из обремененного веками моления близких». В комментариях к этому месту, появлявшихся на протяжении XVII—XX веков, сделаны попытки уяснить содержание путем добавления или изменения отдельных слов. Рысинский остановился именно на этом высказывании Сенеки, оставив его в звучании издания 1607 года, и определил его смысл, как критику глупых и бессмысленных обетов близких людей. Он тут же привел выдержки из нескольких писем, показав таким образом, что неясное выражение об обетах близких родственников в тридцать первом письме обозначает брезгливое отношение Сенеки к суеверным людям, видящим в обетах и молитвах залог счастья и будущего успеха. Так, из тридцать второго письма Рысинский выделил: «Твои близкие тебе желали (блага.— *Я. П.*), а я желаю тебе презирать все то, что они тебе желали иметь в изобилии». Эти слова смыкаются с последующей мыслью Сенеки о том, что изобилие у одних людей предполагает ограбление других.

Подобные выводы подтверждает приведенный там же Рысинским отрывок из шестидесятого письма: «Разве ты все еще сам себе желаешь того, что тебе желали мать, нянька или слуга, сопровождавший тебя в школу? Ты не понимаешь, сколько зла они тебе желали». Из двадцатого письма: «Следовательно, пусть твои мысли сосредоточатся на одном; одно сделай предметом своих забот, угождай только одному пожеланию, все остальные оставь в руках божьих: чтобы ты мог быть доволен самим собою и счастьем, родившимся благодаря тебе». Из десятого письма: «Хотя ты благодаришь небо за то, что оно выслушало твои ста-

рые обеты, возьми на себя новые: молись о разуме и здоровье духа, затем о здравии тела и об остальном».

Суждения Сенеки произвели на Рысинского большое впечатление. Выписав в свои «Конъектуры» слова римского стоика, завершающие десятое письмо: «Живи с людьми так, будто это бог видит; так говори с богом, будто это люди слушают», он воскликнул: «Это вполне христианское и почти божественное суждение». Столь восторженно воспринятое Рысинским положение Сенеки — лишь видоизмененная цитата из Эпикура, которую Рысинский привел в конъектуре к сорок третьему письму Сенеки, ссылаясь на его двадцать пятое письмо. Там вместо слова «бог» значится слово «Эпикур»*.

Еще в восьмом письме Сенека, обращаясь к Луцилию, писал: «Пожалуй, ты меня спросишь, почему я нахожу столько хороших изречений у Эпикура, а не у наших авторов? Но зачем называть эти высказывания Эпикуровыми, они ведь общефилософские. Сколько поэтов говорит о том, что сказано или могло быть сказано философами?» Как бы повинуясь этим указаниям Сенеки, Рысинский тут же процитировал ряд высказываний поэтов, которые едко высмеивали стремление к наживе и суеверие. Это были отрывки из сатир Горация, Персия, а также из сочинений Ювенала.

Против лени и ханжества

В сорок третьем письме Сенека наставлял Луцилия: «На реке корабль большой, в море он же ничтожен. У одного корабля кормило большое, для другого — оно коротко. Ты теперь у себя в провинции велик, хотя, возможно, сам себя презираешь. Всем известно, всех интересует, что ты делаешь, как обедаешь, как спишь, и поэтому тебе следует жить более осмотрительно. Считай все же себя тогда счастливым, когда можешь жить открыто, когда стены тебя защищают, а не скрывают... я тебе приведу формулу, по которой ты смог бы оценить наши нравы: едва найдешь кого-либо такого, кто мог бы жить при открытых дверях».

Что заставило Рысинского задуматься над последними словами Сенеки и сопоставить их с подобными изречениями других писателей? Считал ли он, что эти мысли недоступны читателю или недостаточно четко выражены? По-видимому, Рысинский поставил перед собой цель убедить читателя в правильности и злободневности волнующих Сенеку

* См. следующую конъектуру к сорок третьему письму.

проявлений лжи, лицемерия и ханжества. Он писал: «С подобным основанием Персий говорил (Сатира 2): «Жить с открытым желанием! Не каждый готов бормотанье, покорные шепоты выносить из храмов и жить, молясь открыто». «Это значит,— продолжал Рысинский,— что именно так надо беседовать с богом, будто люди слушают». То же высказывает и Сенека, как мы отметили выше. Равным образом Ювенал в «Сатире 6», хотя и в другом смысле, говорит: «Жить с открытым огородом... когда вора никто не боялся». К этому можно добавить изречение Эпикура, которое подробно приводит Сенека в двадцать пятом письме: «Делай всё так, как если бы кто-либо глядел на тебя»[1]. «Кажется,— заключает Рысинский,— Ливий Друз внял его совету: он пожелал построить себе такой дом, в котором смог бы иметь римский народ судьей и зрителем всех своих поступков. Очевидно, этому Друзу не стоило больших усилий следовать принципу «жить с открытой дверью».

Мудрец безмятежно уходит из жизни

О направлении критической мысли Рысинского свидетельствует его толкование слов Сенеки из двадцать второго письма: «...считаю, что тебе следует уйти из этой жизни или из жизни». Рысинский недоумевал: «Мне недостаточно понятно, что обозначает это двукратное употребление слова «жизнь», можно было бы подумать, что первый раз «жизнь» поставлена вместо «образ жизни», а второй раз — для самого понятия «жить». Однако это выражение кажется грубовато. Я бы поставил в первом случае вместо «жизнь» — «путь». Итак, Рысинский предположил, что переписчики исказили латинское слово via (путь), добавив букву «t» и написали vita (жизнь). По Рысинскому, это место следовало прочитать: «Считаю, что тебе надо бы сойти с этого пути или уйти из жизни».

В большей части своих писем Сенека поучал Луцилия в превосходстве философии над всеми другими делами, а в рассматриваемом письме он убеждал, что обычные занятия, нацеленные на получение выгоды, низменны: «Так вот, мой Луцилий, ты сможешь оторваться от дел, поглощающих твои мысли, если только станешь презирать выгоду, кото-

[1] В этом письме Сенеки говорится: «Я включаю в письмо один из афоризмов Эпикура: действуй во всем, говорит он, как если бы Эпикур смотрел на тебя. Вне всякого сомнения, замечательно назначить страж для самого себя и иметь кого-либо, кто присматривался бы к тебе и считался участником всех твоих мыслей».

рую они приносят. Мысль о выгоде нас опутывает и держит в напряжении... Да, Луцилий, рабство сковывает немногих людей, куда большее число накрепко приковано к своему рабству».

В том же письме Рысинский обнаружил еще одно спорное место, вызывающее поныне разные толкования. В парижском издании было напечатано: «...ибо до сих пор украшаю (adorno) чужие мешки». Сенека здесь сравнил заимствование мыслей у Эпикура с посягательством на «чужой мешок», и поэтому Рысинский предложил заменить слово «украшаю» словом «нападаю, вытряхиваю» (в латинском языке вместо adorno adorior) или же, оставив «украшать», изменить падеж слова «мешки», т. е. читать: «украшать содержимым чужих мешков». В позднейших изданиях «Писем» это место принято переводить, как «вкусить, урвать». Прочтение Рысинского дает возможность воспринять своеобразие заимствования Сенекой мысли Эпикура. Сенека писал: «Каждый, как говорил Эпикур, покидает жизнь в таком состоянии, как душа новорожденного. Это неверно, мы умираем худшими, чем мы родились, и это наша собственная вина, а не вина природы». Как видно, Сенека отклонился от хода мыслей Эпикура, он отождествил мудрость и нравственные устои.

Примечательно, что то же место из письма Сенеки к Луцилию отмечено К. Марксом в подготовительной тетради к его докторской диссертации: «Никто,— говорит он (т. е. Эпикур),— не уходит из жизни иначе, чем как он родился... познал мудрость тот (добавил Сенека), кто так же безмятежно умирает, как он рождается»[1].

Мудрость следует прививать

Чтение древних рукописей поныне представляет большие трудности. Почти все первоисточники «Писем» Сенеки были изучены до XVII века, но отдельные места оставались и остаются до сих пор предметом споров. У Рысинского имелись основания утверждать, что вследствие небрежности переписчиков или печатников в ряде случаев что-то было пропущено, искажено, добавлено или изменено.

Ни в одном издании Сенеки нет предложенной Рысинским в конъектуре к его двенадцатому письму замены слова rationem (разум) на слово sationem (посев). О том, что побудило его именно так воспринять текст, можно судить,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с. 185.

ознакомившись с более пространными отрывками из этого письма. Речь идет об ответе Сенеки на просьбу Луцилия повлиять на одного его друга: «Хочу, клянусь Гераклом, чтобы твой друг, как ты желаешь, опомнился и стал собраннее, но он для этого слишком груб и, что печальнее, слишком нежен, испорчен дурной и длительной привычкой. Хочу привести тебе пример из нашей области: не всякая лоза переносит прививку: если она стара и изъедена или же тонка и неокрепшая, то она не примет черенка и не даст ему питания... У того, о котором ты пишешь и за кого заступаешься, нет сил; он предался порокам, он завял, стал жестким, не способным воспринять разумное, не может его питать...» Рысинский недоумевал: «Что значит «воспринимать разумное». Я дерзнул бы убедить тебя, что Сенека написал «принять прививку». Такое выражение нередко встречается у него и у Вергилия, и так он продолжал пользоваться этой однажды выдуманной метафорой. Именно так обычно ветхая виноградная лоза не принимает прививки, а тупой, завядший дух не принимает посева. Ведь здесь речь шла не о развитии разума друга Луцилия, несомненно одаренного, но об облагораживании, лучше сказать, об изменении и тем самым укреплении его нравов».

Сравнение человека с взращенным благородным растением последовательно выдержано у Сенеки: «прививка» (insitio) не может приняться на старой или неокрепшей лозе. То же слово «прививка» без приставки (satio) обозначает «посев»; его также не может принять человек с застарелыми пороками, с ослабевшим духом. Рысинский, благодаря своему тонкому филологическому чутью, несомненно, усиливает образность сравнения Сенеки.

И в отдыхе есть метод

Т. И. Кузнецова в характеристике «Писем» Сенеки отмечает, что в пятьдесят восьмом письме римский автор, «резюмируя... Платонову систему... говорит: «Никогда я не ощущал так сильно, как сегодня, сколь беден и скуден наш словарь»[1]. Действительно, Сенека начинает письмо с раздумий над трудностью передачи на латинском языке греческих философских терминов. Он предлагает, например, перевести: «то он» (греч. бытие) как quid est (то, что есть). Рысинский, однако, обратил внимание на то, что Сенека

[1] *Кузнецова Т. И.* Письма к Луцилию Сенеки-философа.— В кн.: Античная эпистолография. М., 1967, с. 102.

придавал основное значение не столько языку и терминам Платона, сколько его философским заключениям. «Все, что мы видим,— писал Сенека Луцилию,— или к чему прикасаемся, Платон не включал в число неизменных вещей; они текучи и постоянно увеличиваются или уменьшаются. Никто из нас не такой же утром, каким был накануне; наше тело быстро меняется, подобно потоку. Никто из нас не такой же в старости, каким был в юности. Все, что ты видишь, течет во времени. Ничего из того, что мы наблюдаем, не остается неизменным. Я сам уже изменился за то время, пока говорил, что все меняется. Об этом именно говорил Гераклит. В одну и ту же реку мы входим и не входим. Ведь название реки остается, вода же течет. Вот как много я говорил о человеке — текучей и бренной материи, неустойчивой и подверженной порче по любой причине. Но и вселенная, вечная и непостижимая, подвергается изменениям. Что общего, скажешь ты, имеет этот несущественный спор со мной? Отвечу: ничего. Но подобно тому, как гравер, чьи глаза устали от долгих часов напряженного труда, отдыхает и отвлекает свое зрение видом зелени, травы, так и мы иногда вынуждены дать передышку своему разуму, освежить его. Пусть же в этом отдыхе будет свой метод... Бери то, что доставляет тебе удовольствие... Это именно мой собственный путь: из любого знания, даже если его отделяют от философии целые миры, я пытаюсь что-либо выкопать и заставить служить моим целям».

В связи с этими мыслями Сенеки возникло любопытное недоразумение: М. Цитовска считает заслугой Рысинского отказ от выражения ex omni vacatione (от любого освобождения — париж. изд.) и замену его словами ex omni natione (из любого народа). М. Цитовска пишет: «Рысинский правильно возмущается, считая это выражение варваризмом, и требует, чтобы в соответствии с рукописями изменить его. Такое исправление имеется у Липсиуса»[1]. Предоставим, однако, слово самому Рысинскому: «Франциск Модий в письме 122-м (утверждал.— *Я. П.*), что vacatio (освобождение) употреблено в этом контексте вместо «рода жизни». Это место подозрительно и отдает варваризмом. Согласно нашим пергаментам, следовало бы читать: ex omni natione, и это равносильно выражению «всякого рода людей или из всякой секты». Следовательно, vacatio это не чтение Модия. Оценка же Рысинского такова: «Напрасно Модий потеет над своими пергаментами; Сенека не имеет в виду

[1] *Cytowska M.* Konjektury S. Rysińskiego, s. 186.

«род жизни», когда употребляет слово vacatio, а лишь отдых, отвлечение от основного занятия наукой, которая именно далека от нравственной философии... Итак, прочь Модий со своим «родом жизни» и также со своим «родом людей». Я думаю также, что нельзя исправить vacatio на tractatio, как это делает Мюрэ». Очевидно, у Рысинского речь идет не о слове natio, как пишет М. Цитовска, а о толковании слова vacatio. В «Конъектурах» Рысинского противопоставлены прочтения vacatio и natio; Баркер перевел это место у Сенеки как notion (понятие, знание), тогда как в издании Генце имеется oratio.

Жизнь состоит из определенных отрезков времени

По словам М. Цитовской, Рысинский правильно поступил, добавив, со ссылкой на Пинциана[1], прилагательное «хорошая» (к слову «часть»). «У Липсия и в новейших изданиях,— пишет М. Цитовска,— находим именно такое звучание текста»[2]. Но если прочитать внимательно рассуждение Рысинского, то окажется, что он совсем по-иному толковал предложение Пинциана. Согласно парижскому изданию, Сенека в сорок девятом письме писал Луцилию: «Недавно я тебя провожал, и все же это «недавно» — часть нашей жизни». В связи с этим Рысинский отметил: «Последнее слово «недавно» следует писать с прописной буквы, ведь это обозначение Времени и сказано эмфатически: само именно «недавно», т. е. отрезок·времени, обозначает частичку нашего века. Пинциан, ссылаясь на древнюю рукопись, предлагает читать «хорошая часть нашего века»,— продолжает Рысинский.— С какой стати «хорошая», ведь Сенека не хотел сказать, что это «недавно» представляет хорошую или большую часть, а собственно лишь некоторую часть нашей жизни и что эта часть промелькнет, так как мы заняты чем-то другим и, наверно, мало задумываемся о ней. Отсюда делай вывод,— заключал Рысинский,— не правильнее и правдивее ли будет вместо «хорошая» прочитать «одна»?»

Как видно, Рысинский совсем не поддерживал Пинциана, но высказывал свою точку зрения. В какой мере у него было на это основание, можно судить по ходу мыслей Сенеки: «Когда мы поглощены настоящим, мы никогда не замечаем, как время пролетает. Несомненно, ввиду неудер-

---

[1] *Pincianus F.* In omnia Senecae scripta castigationes.— Paris, 1536.
[2] *Cytowska M.* Konjektury S. Rysińskiego, s. 156.

жимого полета времени, теперешний его отрезок едва воспринимается. Наша жизнь — это мгновение, и меньше, чем мгновение, скромная доля, которую природа обманчиво ублажила видимостью протяженности. Она изобрела периоды: младенчество, детство, отрочество, переход к старости и самое старость...» В освещении самого Сенеки из-за бурного полета времени отрезки жизни мелькают один за другим и не получают особого выделения. Определение Рысинским таких отрезков как «один» или «какой-то» представляется в данном случае более уместным, чем «хороший».

Древние учения следует познавать

Продолженную Сенекой характеристику диалектиков, по парижскому изданию, Рысинский видоизменил, настаивая на чтении глагола prospicere (предвидеть, наблюдать) как perspicere (проникать взором, узнавать). «Я не отрицаю,— предположительно писал Сенека,— что их надо предвидеть, но только предвидеть». «Речь идет,— пояснял Рысинский,— об остроумных мыслях и приемах диалектиков, которые (Сенека.— *Я. П.*) не раз осмеивал. Но при чем здесь слово «предвидеть»,— уму непостижимо. По моему мнению, лучше и больше будет соответствовать замыслу Сенеки, если употребим в обоих случаях вместо слова «предвидеть» слово «познавать». Ведь никто, наверно, никогда не «предвидел» переданное или написанное кем-то в прошлом. Такие вещи можно только «познать». Я думаю, что ошибка зародилась из стремления облегчить написание — прием, к которому часто прибегали нерасторопные писцы».

Для подтверждения своего мнения Рысинский сослался на совет Марка Катона, который, по свидетельству Плиния, считал, что учение греков надо только исследовать, а не заучивать наизусть.

Важен не шаг, а путь философа

Рысинский остановился на словах Сенеки из двадцатого письма: «Invideas licet, etiamnum pro me libenter dependet Epicurus» («Возможно, позавидуешь, все же Эпикур за меня охотно будет расплачиваться»). В издании Генце читаем: «Invideas licet etiam nunc libenter pro me dependit Epicurus» («Возможно, позавидуешь, даже теперь Эпикур охотно за меня расплачивается»). Независимо от того, какое из этих предложений ближе к подлиннику, каждое из

них может получить особое освещение, если букву «v» заменить буквой «r» в слове invideas. Известно, что в средневековых рукописях встречаются частые подмены букв «v» и «r», и вот Рысинский, предположив такую ошибку, счел нужным читать не invideas, а irrideas.

В начале письма, посвященного проблеме независимости истины от личности философа и от путей ее поиска, Сенека написал: «Я не говорю, что ученый всегда будет идти одним шагом, но что — одним путем... Заботься о том, предпочитай то, ...чтобы ты был доволен собой и рождающимся от тебя благом. Что может быть более близким счастьем? Удовлетворись малым, откажись от того, без чего ты мог бы обойтись. Ты, возможно, мне позавидуешь, даже теперь за меня расплачивается охотно Эпикур (поучавший.— *Я. П.*): «великолепна, верь мне, твоя речь (произнесенная.— *Я. П.*) на жесткой постели и в лохмотьях, так как об этих (философских.— *Я. П.*) вопросах будут вестись не (пустые.— *Я. П.*) разговоры, а они будут (научно.— *Я. П.*) доказываться...»

«Я не полностью уверен,— отметил Рысинский,— правильно ли будет слово invideas (завидовал бы). Ведь в чем мог бы Луцилий завидовать Сенеке, заимствующему чужие мысли. Так что, возможно, следует слово invideas заменить словом irrideas (ты насмехался бы)».

М. Цитовска[1] оставила слово irrideas без толкования, ограничившись лишь замечанием, что такое чтение не признается современными издателями текста. Конечно, значение «завидовать» далеко от «насмехаться», но есть ряд промежуточных оттенков значения: «косо смотреть, презирать, издеваться». Вот, например, как звучит перевод Ф. Баркера: «Несмотря на все твои презрительные фырканья, Эпикур даже и теперь уплачивает мои долги».

Действительно, приведенные Сенекой слова Эпикура о мудреце на жестком ложе и в лохмотьях могли вызвать смех и презрение у неискушенного собеседника, ставящего выше материальное благополучие, чем духовное богатство. В восприятии Рысинского предложение звучало бы: «Ты, возможно, посмеешься над тем, что за меня охотно все еще будет расплачиваться Эпикур». Посредством этих слов толкователь противопоставлял горение ревностного приверженца философии равнодушию непосвященного в ее тайны обыкновенного читателя или спорщика.

Подобно предыдущему написанием «v» вместо «r», по

---

[1] *Cytowska M.* Konjektury S. Rysińskiego, s. 184.

мнению Рысинского, искажен смысл слов Сенеки и в сорок шестом письме, где он, рассказывая, с каким увлечением читал книгу Луцилия, шутил, что не мог оторваться от чтения, «хотя солнце раздражало его». В парижском издании Рысинский нашел «солнце приглашало» (в других изданиях такое прочтение принято без изменения). В латинском слове invitabat (приглашало) достаточно заменить буквы «nv» буквами «rr» и получится irritabat (раздражало). «Три помехи,— разъяснял Рысинский на основании текста,— были у Сенеки — это солнце, голод и тучи. С какой стати «солнце приглашало»? Может быть, он хотел сослаться на то, что древние любили загорать на солнце и отсюда появилось слово «приглашало», если это нравится богам». Последнее слово Рысинского свидетельствует о том, что он воспринял «помехи в чтении», как шутку Сенеки, намекающего на трудности ознакомления с серьезной книгой Луцилия, от которой он впоследствии «не мог оторваться».

Мудрец неуклонно следует по своему пути

В тридцать втором письме Сенека писал Луцилию: «...полезно не иметь дело с теми, кто тебе не равен и добивается совсем другой цели. Я, конечно, уверен, что тебя никто не сможет свернуть с пути, и ты будешь привержен своей цели, даже если суетливые корыстолюбцы осадят тебя стаями». Рысинский остановился на слове torquere (вращать, свернуть, крутить), отметив: «Хотя простой глагол может восприниматься как «двигать туда и сюда, отодвигать», но я считаю более правильным retorqueri (повернуть назад, перевернуть)». Следовательно, Рысинский воспринимал мысль Сенеки о влиянии корыстолюбца как препятствие на пути философа, которое может заставить его временно отступить, повернуть назад, но не отказаться от своей цели. Вместе с тем Рысинский пытался объяснить, откуда в тексте появилось слово torquere (вращать), а именно: «...переписчики, причем многие были грубы и невежественны, приняли местоимение te (тебя) и приставку re- за удвоение и избавились от него». «Некоторые словари,— добавил Рысинский,— допускают форму detorqueri (отвернуть), но это, как мне кажется, не в духе Сенеки». По-видимому, «в духе Сенеки», означает, что деловые люди, суетливые корыстолюбцы, покушающиеся на философа, не могут его сбить с пути, а лишь задерживают, могут вынудить отступить. Это мнение Рысинского спорно (в последующих изданиях принято читать detorquere).

Мудрость — это счастье

«Основное достоинство философии состоит в том, что она не заглядывает в происхождение преданных ей умов — так говорил Сенека в сорок четвертом письме к Луцилию.— Хороший ум всегда доступен... никого философия не оттирает, никому не дает предпочтения, всем светит. Сократ патрицием не был, Клеант носил воду и трудился, поливая огород, Платона философия не застала благородным, а сделала таковым». Сенека убеждал Луцилия, что философия доступна каждому, кто личными удачами не измеряет ее глубины, и потому нет основания отчаиваться в своих возможностях стать вровень с настоящими философами. В парижском издании был приведен риторический вопрос Сенеки: «В чем заключается заблуждение?», а после вопросительного знака были добавлены слова: «когда все желают счастливой жизни».

Рысинский возразил против такого построения фраз: «...если перенести вопросительный знак,— отметил он,— то смысл будет более ясен, а именно: «Какова суть заблуждения, когда желают счастливой жизни?» «Тут же в письме следует и ответ,— продолжал Рысинский: «Так как средствами для жизни подменяют самое жизнь» и далее: «Ответ также имеется и в следующем письме: «Многие проходят мимо жизни, разыскивая средства для нее». Перенос вопросительного знака обусловил новое построение слов, рассматриваемых предложений: Рысинский заменил форму изъявительного наклонения глагола «желать» парижского текста сослагательной в соответствии с классическими правилами последовательности времен латинских сложноподчиненных предложений. В итоге оказалась исправленной очевидная ошибка в парижском тексте и ему был придан вид, принятый в новейших изданиях. Вместе с тем своей конъектурой, а также выдержками из других писем Рысинский привлек внимание к высказыванию римского стоика, противопоставившего стремление к излишествам, роскоши и элитарности духу настоящих ученых, которым изучение жизни приносит больше удовлетворения, чем бесцельное пользование ею.

Философское — выше житейского

Конъектура Рысинского к сорок пятому письму представляет собой образец оригинального приема, применяемого более или менее удачно во всех рассматриваемых ком-

ментатором случаях. Приведенные места и дух толкований свидетельствуют о том, что автор держит в поле зрения большие отрывки текста и часто руководствуется содержанием не только одного, но ряда писем. «Я не придерживаюсь такого мнения, что дело хорошо потому, что оно необходимо. Хорошее дело,— писал Сенека,— неизбежно необходимо, а необходимое не всегда хорошо; ведь некоторые необходимые вещи не представляют собой почти никакой ценности».

Рысинский привел в своих конъектурах к этому письму несколько слов из парижского издания, дословный перевод которых звучит: «...хотя некоторые (дела.— *Я. П.*) необходимы, они же ничего не стоящие», и, отметив, что это место «испорчено», предложил его восстановить в двух вариантах: либо «хотя некоторые дела необходимы, но они все же ничего не стоят», либо «хотя по существу необходимые некоторые дела не представляют никакой ценности». Высказывание о «ценности дел» вызывало сомнение также у более поздних толкователей «Писем», и принятое в новейших изданиях чтение почти совпадает с правками Рысинского.

Что заставило Рысинского остановиться на «необходимых» и «хороших» делах? Согласно Рысинскому, только тот почувствует истинный смысл слов Сенеки, «кто обладает тонким обонянием». Ссылка на «обоняние», т. е. умение различать своеобразные оттенки смысла произведений Сенеки, относится не столько к перестановке или добавлению отдельных слов в приведенном высказывании, сколько к искусно изложенным ниже в письме соотношениям вещей и явлений в мире. «...Вещи — это обман,— писал Сенека.— Различая их, мы принимаем зло за добро; каждое желание в итоге превращается в противоречие: одна молитва отрицает другую, одно намерение борется с другим. Какое сходство между дружбой и лестью? Под маской друга приближается враг, внушающий доверие. Пороки обкрадывают нас под личиной достоинств. Безрассудство прячется под прикрытием слабости. Лень называют умеренностью, трусость — осторожностью».

Предложенные Рысинским варианты фразы из письма свидетельствуют о том, что он стремился более ярко и доходчиво выразить мысль о взаимоисключении философского и житейского начал. Рассуждение Сенеки о счастье, завершающее письмо, перекликается с отмеченным Рысинским противоречием между необходимым и ценным в действительности: «...счастлив не тот, кого толпа таким называет, к кому стекаются большие деньги, а тот, у кого все

блага духа, у возвышенного и вдохновенного, презирающего превратности судьбы. У такого, кто не находит, с кем бы мог поменяться, кто уважает человека за то, что он человек».

Важно заложить хорошее начало

Рысинский остановился на поговорке: «Хорошее начало — половина дела», обнаружив в тридцать четвертом письме Сенеки своеобразное использование этого изречения. Сенека писал Луцилию: «...я притязаю на тебя; ты — дело моих рук. Когда я увидел твою одаренность, я тебя остановил, побудил, поощрил; я не мог мириться с тем, что ты медленно продвигался вперед, я тотчас менял приемы воздействия. Теперь я продолжаю это делать, но поощряю твое стремительное движение, испытывая на себе твое воздействие. Ты скажешь: что же в этом нового? У меня прежние желания; именно они главное, а не то, о чем говорит положение «начало означает половину всего дела». Большая часть блага состоит в том, чтобы желать осуществления добра». Как видно, у Сенеки изречение о «начале» оттеняет особый смысл: заложить хорошее начало — это не только половина дела воспитания, бóльшая часть — это желание добра. Рысинский стремился подчеркнуть именно эту мысль и для этой цели противопоставил ее изречениям Платона, Цезаря, Горация. «Платону принадлежит,— писал Рысинский,— высказывание о том, что начало считается половиной дела: оно — важнейшая часть, отсюда известны слова Цезаря: всякого дела наиболее мощная часть — начало, а также распространенное изречение Горация: половина дела сделана уже у того, кто хорошо начал».

Философия для людей

В пятьдесят третьем письме парижского издания «Писем» Сенеки было напечатано: «...точно так философия всем вещам». Рысинский недоумевал: «Не лучше ли сказать «нам всем», ведь следует понимать, что у Сенеки философия обращается не к вещам, а лицам». Действительно, Сенека писал от имени философии: «...я (философ.— *Я. П.*) не приемлю того времени, которое у вас (людей.— *Я. П.*) останется; вам будет предоставлено то время, которое мне окажется лишним».

Эти слова представляют собой парафразу приведенного выше в том же письме известного рассказа Александра Ма-

кедонского о богатствах, добытых им во время похода в Азию.

Стремясь показать, что занятие философией требует большей части нашей жизни, Рысинский выявил искажение слова nobis (нам), переданного в тексте как rebus (вещам). Знаменательно, что в других изданиях имеется в этом месте то verbis (словам), то regibus (царям), а также nobis (нам).

Совершенствовать дух, закалять тело

Основное внимание в пятнадцатом письме Сенека уделил значению философии в воспитании духа и тела. Он писал: «...у наших отцов было принято приветствие, сохранившееся и в мое время. Они предпосылали письмам слова: я надеюсь, что письмо застанет тебя в здравии, как оно покидает меня. Мы же **говорим** (выделено мной.— *Я. П.*) с полным основанием надеюсь, что письмо застанет тебя в поисках мудрости. Это действительно настоящее здоровье». Рысинский отметил, что следует читать «мы должны сказать dicamus, а не «говорим» (dicimus), как было напечатано в парижском издании. Эту незначительную правку он объяснил следующим образом: «...форма приветствия во времена Сенеки не изменилась; он добивался того, чтобы придать большее значение духовному развитию».

Если сопоставить эту конъектуру с выводами пятнадцатого письма, то можно убедиться, насколько тонко Рысинский подошел к высказыванию Сенеки не придавать основного значения физическому здоровью. «Глупо, мой Луцилий, и неприлично,— писал Сенека,— заниматься ученому человеку укреплением мышц и упражнением шеи и спины».

Одновременно Рысинский обратил внимание на то, что Сенека не советовал пренебрегать физической закалкой. Римский стоик предложил даже перечень упражнений, сберегающих время и достаточно утомляющих, таких как бег, игры, прыжки в высоту и длину. Но даже физическое закаливание организма надо проводить с таким расчетом, чтобы оно возымело действие на развитие духа. Совет Сенеки в этой области оказался также спорным местом в чтении текста. В парижском издании было напечатано: «Выбери что-либо из них (упражнений.— *Я. П.*), станет легко в употреблении». Рысинский отметил, что в более ранних изданиях находят несколько иное звучание». «Выбери какое-либо из них, не отработанное на практике». Сам же он установил, что правильно следует читать: «Выбери какое-либо из них

и сделаешь легким в ходе зарядки». У О. Генце читаем: «Какое угодно из них выбери, грубый (простой.— *Я. П.*), легкий прием»; в переводе Ф. Баркера: «Выбери что-нибудь из них и применяй как-либо».

Понимание Рысинским приветствия Сенеки как призыва совершенствовать дух также путем привычных физических упражнений подтверждается мыслью, высказанной Сенекой в этом же письме с утверждением того, что и телесные упражнения, правильно подобранные, становятся подспорьем для умственного развития. «Что бы ты ни делал,— писал Сенека,— быстро отразится на теле и на духе... Надо дать духу некоторую передышку, так, однако, чтобы он не расслабился, а восстанавливал свои силы».

Мудрец — не раб вещей

В конъектуре к шестьдесят второму письму Рысинский, по обыкновению, сопоставил мысль Сенеки с высказываниями других авторов. Римский стоик писал Луцилию: «...когда люди пытаются доказать, что торопливость в делах становится препятствием на пути углубленных занятий наукой, ты им не верь. Они притворяются захлопотавшимися, преднамеренно преувеличивают, придумывают себе отговорки. У меня же времени хватает... Везде, где можно, я сам себе хозяин. И вот почему я делаю лишь уступки жизненным заботам вместо того, чтобы безоговорочно жертвовать собою ради них...» «Подобно этому,— отметил Рысинский,— Гораций писал: «Я стараюсь, чтобы вещи подчинялись мне, а не я вещам». В латинском подлиннике «Писем» понятие «жизненные заботы» выражено словом res (вещи), и Рысинский, сопоставив высказывание Сенеки с изречением Горация (который также употребил слово res), добивался большей убедительности вывода о том, что философ не должен оказаться рабом стремления к материальному благополучию.

Философ, как боец,— он должен знать обстановку

Рысинскому было известно, что переписчики и печатники древних списков неоднократно сокращали и изменяли слова для того, чтобы придать предложениям более понятный, по их мнению, смысл. Это обстоятельство он и вспомнил при разборе мысли Сенеки из пятьдесят девятого письма: «Часто без причины боятся врагов; наиболее безопасным может оказаться путь с виду подозрительный». Слово «путь» (iter), по мнению Рысинского, попало в текст вме-

сто слова «между тем» (interdum). «Сенека, по-видимому, считал, что некоторые действия кажутся чреватыми опасностями,— комментировал Рысинский,— между тем они вне всякого подозрения». Очевидно, белорусский гуманист воспринял положение Сенеки как обобщенный вывод о часто проявляющемся у людей беспокойствии, вызванном ложной тревогой. Рысинский заключил, что он пытался «усилить» высказывание Сенеки, иначе говоря, он стремился сделать общефилософское заключение. Этот своеобразный прием толкования оправдывается тем, что сам Сенека в этом же письме приводит характерное сравнение между войском и философией. В случае, когда воинов подстерегает опасность, «отряд выступает с передней, боковой и задней охраной, готовый к бою, так как можно ожидать неприятеля с любой стороны. Точно такое же поведение философа», но, по мнению Рысинского, «как на войне, так и в философской борьбе, тревоги часто бывают ложными».

Мудрость — мера жизни

В конъектурах к девяносто третьему письму Рысинский разбирал слова, затемняющие последовательность мысли и убедительность высказываний Сенеки: «...что касается моего последнего дня,— писал Сенека,— то я никогда не считал цыплят до того, как они вылупились, наоборот, я глядел всегда на каждый день, как на мой последний. Зачем ты меня спрашиваешь, когда я родился (каков мой возраст), числюсь ли я еще среди военнообязанных. Мне принадлежит то, что мое».

По сравнению с остальными прочтениями писем Сенеки замена Рысинским слова «мое» (meum) словом «модус» (modus) является показательной. Рысинский считал, что в этом месте обнаруживается изъян: следует читать «у меня модус (мера)» или «у меня свой модус». «В последующих словах Сенеки имеется пояснение,— добавил Рысинский,— «жизнь может стать совершенной и в пределах очень небольших сроков». Он ограничился приведением этих нескольких слов, понимая, по-видимому, что в них заключена суть мыслей Сенеки, изложенных в письме несколько ниже: «Для того, чтобы долго жить, тебе должно быть суждено,— убеждал Сенека Луцилия,— для того, чтобы жить достаточно, нужна лишь твоя собственная душа... Ты меня спрашиваешь, какова наибольшая продолжительность жизни? — Жить, пока не достигнешь настоящей мудрости. Пусть человек добьется этого, и он достигнет не только са-

мой великой из возможных, но и самой благородной цели. Такой человек может смело держать высоко голову, пусть он благодарит богов и себя самого в их числе, а также и природу за свое существование». Следовательно, слово «мое», напечатанное во всех изданиях писем, вполне обоснованно заменено Рысинским на «модус» (предел, срок, мера). Этим «модусом» жизни, по Сенеке, была мудрость. Он подходил к жизни «со своей мерой».

Рысинского не удовлетворил смысл еще одного предложения в этом письме, именно о благодарности, испытываемой человеком за достойно и мудро прожитую жизнь. «Что хорошего,— воскликнул он,— «в благодарности богам и себе в их числе», смело читай: «благодарность богам и благодарность себе». В парижском тексте было напечатано inter eos (среди них), т. е. «богов», по Рысинскому, следовало бы читать inter eas (gratias), т. е. благодарности». Ошибка закралась, по его мнению, в связи с заменой одной буквы в слове «они». Итак, смысл предложения не «причислять себя к богам», а «испытывать благодарность к себе». Мудрость, достигнутая благодаря собственным усилиям, есть «модус», мера жизни — таков вывод Сенеки в толковании Рысинского.

Поиски истины требуют ясности ума

В конъектуре к шестьдесят пятому письму Рысинский пытался защитить и обосновать употребление в парижском издании слов, возразив против предложенных другими толкователями изменений.

«Как люди, занятые точной и деликатной работой, утомляющей глаза напряжением при тусклом, неярком освещении,— писал Сенека,— выходят и услаждают свой взор залитым солнцем местом отдыха, так дух, загнанный размышлениями в беспросветный, темный угол, ищет свободы, где только может, и находит отдохновение в созерцании природы».

Рысинский привел ряд синонимов определения «тусклый» (малый, ничтожный, слабый), а также «яркий» (ясный, сверкающий) и отверг мнение тех, кто хотел бы читать вместо praeclarus (яркий) precarius (выпрошенный, временный). Убеждение в правоте своего понимания Сенеки выражено Рысинским с оттенком иронии. Остроумно выделив в предложенном толкователями слове precarius корневое слово prex (просьба, мольба), он заявил: «Сомневаюсь, правильно ли кое-кто подсовывает нам precarium

(выпрошенное мольбами) вместо praeclarum (яркое), по-моему, это последнее нельзя вырвать никакими «мольбами». Для того, чтобы подтвердить свое мнение о выборе Сенекой прилагательных, определяющих скудость освещения, Рысинский сослался на Горация и Авсония и отметил, что, когда речь идет об обилии, Сенека, как и другие авторы, пользуется рядом близкозначимых слов.

Философия возвеличивает человека

В конъектуре к пятьдесят девятому письму благодаря изменению формы глагола Рысинский добивался того, чтобы высказывание Сенеки о философии «приняло более совершенный вид». Как видно, он придавал большой вес словам римского автора, призывающего Луцилия глубоко уважать философию. В парижском издании говорилось: «Значительный разрыв сказался бы между теми, кто предан философии, и другими, относящимися к ней равнодушно». Рысинский счел нужным предложить изменение: вместо слова «оказался бы» (fiat) употребить (fiet). Он привел следующее рассуждение: «...кажется, что Сенека хочет внушить мысль о достоинстве и плодах философии. Какое же может быть более веское и значимое достоинство, чем то, что философ опережает всех остальных людей. Эту именно мысль подтверждают и последующие слова Сенеки, добавленные как бы для пояснения: «всех, говорит, смертных намного ты (Луцилий) опередишь». Употребление будущего времени глагола вместо сослагательного наклонения снимает оттенок сомнения или условности с утверждения о том, что философия действительно выдвигает своих приверженцев в первые ряды.

Безделие равносильно смерти

«...Ты мог бы высечь их имя на мраморе у самого порога,—писал Сенека в шестидесятом письме,— они преждевременно умирают». Рысинский заметил, что после слова «высечь» следует поставить «так как» (enim). Эти слова были опущены переписчиком по невежеству,— продолжает он. Сенека едко насмехается над теми, кто, скрываясь у себя дома, остается безучастным ко всему. Имена таких следует высекать уже на мраморе жилого дома, как это обычно принято делать на усыпальницах покойников. Праздная и безмятежная жизнь, пояснял Рысинский, мало отличается от смерти. В подтверждение своего вывода он привел слова

Сенеки: «Хочешь знать, какая разница между бодрым, презирающим судьбу, тем, кто отдает жизни все, что можно, возносящемуся к высшему благу, и теми, у которых долгие годы прошли напрасно. Первые продолжают жить и после смерти, вторые же погибают при жизни». «Поэтому,— заключил Рысинский,— когда Сенека проходил мимо жилища Сервилия Вации, известного своей ленью, он говорил: «Здесь покоится Вация», хотя тот еще здравствовал.

Контроль сдерживает пороки

В сорок втором письме Сенека резко осуждает людей, у которых «жестокость, честолюбие, потворство своим приятелям лишь ожидают благоприятного стечения обстоятельств, чтобы проявиться в наихудшем виде — дай им силу, соразмерную с их желанием, и ты убедишься, что они к этому лишь и стремились. Некоторые пороки у людей скрыты, так как они незначительны, но они проявятся не менее ярко, чем раскрытые... У таких людей просто нет возможности совершать беспутство; так, безопасно можно взять в руки ядовитую змею в морозную погоду: яд не пропал, а лишь застыл».

В парижском издании Рысинский отметил предложение с неясным смыслом: «Ты узнаешь, что они того хотят; дай возможность (действовать), сколько хотят». «Кажется,— писал Рысинский,— что по ошибке переписчика слова в этих предложениях подверглись перестановке. Мысль будет более ясной, а полиптотон (употребление слов в разных падежах.— *Я. П.*) — благозвучнее, если мы будем читать: «дай им возможность (действовать.— *Я. П.*) по желанию, и ты узнаешь, что они только к этому стремятся». Изменив порядок слов (подобные попытки предпринимались и в более поздних изданиях), Рысинский оттенил мысль Сенеки о том, что дурной человек удовлетворяет свои низменные желания и осуществляет свои бесчестные цели, когда он бесконтролен.

Чтобы успешно бороться с пороками, надо их изучать

«Сможет ли кто-нибудь выступить достаточно решительно против пороков, если ему известно, насколько он их лишен?» — напечатано в парижском издании пятьдесят девятого письма Сенеки к Луцилию. В переводе Ф. Баркера на английский язык это предложение звучит: «Как может че-

ловек научиться в достаточной мере отгородить себя от своих пороков, если он их узнает лишь в свободное от них время, когда они его оставляют?» Рысинский воспринял это место иначе: «По моему мнению, Сенека, вероятно, хотел сказать, что никто не может достаточно обоснованно выступать против пороков, если он не знает и даже не задумывался над тем, в какой мере и вообще лишен ли он их. Вряд ли это чувствует тот,— продолжал Рысинский,— кто занимается исправлением своих пороков лишь тогда, когда их нет у него, то есть никогда или же очень редко». Свое рассуждение Рысинский завершил греческим словом «эпехо» (затрудняюсь). Как видно, он не соглашался с таким пониманием мысли Сенеки, будто человек может совсем избавиться от пороков и лишь в таком состоянии будет способен бороться с ними.

Насильственный путь к разумному оправдан

Усиление убедительности высказывания достигается Рысинским, как уже отмечалось выше, подбором глагола с соответствующей приставкой. В пятьдесят втором письме Сенека обращал внимание Луцилия на такого человека, который не столько убеждал себя, сколько с трудом тянулся к разумному, «который нуждался не только в проводнике, но и в помощнике и, разрешу себе высказать, в кнуте». Рысинский предложил заменить глагол traxit (тянул) глаголом pertraxit (заставил силой) и отверг предлагаемое другими комментаторами extraxit (подтягивал). Он считал «правильной и естественной» мысль Сенеки о принуждении силой уважать мудрость и рассудительность; он вполне серьезно воспринял слова Сенеки о кнуте.

Вред одиночества

В десятом письме Сенека говорил о пагубности одиночества. Он привел рассказ о Кратесе, который, увидев прогуливающегося молодого человека, спросил, чем он занят, и, когда в ответ услышал, что юноша беседовал сам с собой, сказал: будь осторожен, ты беседуешь с негодяем. Сенека тут же отметил, что Луцилий — это исключение из правил: «...так оно и есть, я остаюсь при своем мнении, избегай толпы, избегай небольших собраний и даже отдельных людей. Я не знаю никого такого, с кем именно ты мог бы, по моему мнению, поделиться мыслями...» Дальше в па-

рижском издании Рысинский прочел: vide quo judicium meum abeat, audeo te tibi credere (смотри в каком направлении уходит моя мысль, я осмеливаюсь (советовать), чтобы ты доверял лишь себе). Рысинский отметил, что перед словом «осмеливаюсь» опущено отрицание «не»: «...его наличия требует и содержание предложения и мысль Сенеки, который этими словами настаивает на вреде одиночества; так, когда люди наиболее одиноки, то в действительности они наименее одиноки; когда кажется, что они совсем лишены пороков, то, на поверку, они наименее далеки от недостатков. Близки к этому выводы Сенеки в двадцать пятом письме: одиночество порождает у нас всякое зло».

Следовательно, Рысинский считал, что Сенека мог поступиться своим мнением о вреде одиночества лишь в отношении Луцилия и в десятом письме он высказывал это убеждение. Характерно, что в издании Тейбнера (1898 год) данное место звучит так: vide quod judicium meum habeas (смотри, чтобы ты следовал моему суждению), в переводе Ф. Баркера на английский язык находим: «И смотри, какого высокого мнения ты добился у меня». Как видно, в понимании текста имеются разногласия. Если принять в рукописи abeat, а не habeas, то Рысинский оказался бы прав: Сенека отошел от своего глубокого убеждения лишь в отношении к Луцилию. В связи с этим Рысинский прочитал рассмотренное место: «смотри, куда отклонилась бы моя мысль, я не осмеливаюсь тебе советовать, чтобы ты доверял самому себе».

От старости не уйти

В тринадцатом письме Сенека призывал Луцилия мириться с судьбой: «...иной скажет, авось (горе.— *Я. П.*) не придет, а ты скажи: а что, если оно придет»,— убеждает он друга и показывает на примерах, как трудно предвидеть свою участь. «Случайностей возникает много, которые предотвращают нависшую угрозу или направляют ее на головы других: удавалось бежать от пожара, рухнувшее здание оставляло кое-кого невредимым, иногда меч останавливали у самого горла, иной (осужденный.— *Я. П.*) переживал своего палача».

В «Конъектуре» Рысинский отметил мысль Сенеки о неизбежности старости и сочетал этот вывод с грамматико-стилистическими наблюдениями. Перед выражением «бежать от пожара» он предложил включить слова «кое-кому» или «иногда»: «...иначе исчезает красота анафоры в переч-

не наиболее грозных бедствий... Подобным же образом,— продолжал Рысинский,— в тридцатом письме Сенека представил бедствия, такие как болезнь, пожар, разрушения, крушения, вражеский клинок. Однако он считает, что «все несчастья можно перенести или их избежать, лишь одна старость неотвратима». Как видно, толкования Рысинского в данном случае увязывают выводы с красотой и ясностью текста. Не подлежит сомнению, что такой подход к подлиннику сочинения свойствен переводчику-стилисту и литератору, стремящемуся передать содержание текста в лучшем виде, а не научному издателю, чья забота заключается лишь в точной передаче рукописи. Так, переводчик на английский язык Ф. Баркер, отметивший, что ему пришлось «фабриковать» текст к переводу, хотя и опирался на издание О. Генце, где нет слова «некоторым», передал: «...огонь отступал и позволял спастись своей добыче». Таким образом, добавив слово «добыча», он хотел образно довести до читателя мысль Сенеки о том, что одни избегают огня, другие — крушения, третьи — болезни, но никому не уйти от смерти.

Жизнь и здоровье — временны, смерть — неизбежна

В конъектуре к пятьдесят третьему письму Рысинский предложил заменить сослагательную форму глагола изъявительной, в конъектуре к пятьдесят четвертому он поступил наоборот. Во время болезни Сенека не терял духа; об этом он так писал Луцилию: «Ты думаешь, что я бодро пишу, так как я уже здоров. Я веду себя так беззаботно, **радуюсь** (выделено мной.— *Я. П.*) концу болезни, как тот, кто думает, что победил, хотя получил лишь отсрочку. Действительно, во время приступа удушья я не переставал успокаивать себя радостными и дерзкими размышлениями. Почему смерть так часто меня испытывает? Пусть действует! Я ее давно узнал! Ты спросишь, когда? — До того, как я родился. Смерть — это небытие; какая она есть — я уже знаю. После меня будет то, что было и до меня. Если я не ошибаюсь, мой Луцилий, мы заблуждаемся, полагая, что смерть наступает; в действительности же она и предшествует и последует...»

Рысинского беспокоила форма изъявительного наклонения глагола «радуюсь». Он предложил сослагательное, «так как сама тонкость предмета этого, безусловно, требует», то есть он предложил читать «будто я бы радовался хорошему здоровью». По мнению М. Цитовской, это исправление

Рысинского трудно отстоять, но, кстати, в переводе Ф. Баркера отдается предпочтение сослагательному оттенку смысла: «...восторг от отсрочки смерти и от мнимого здоровья был бы смешон». Переводчик пытался выразить уверенность Сенеки в бренности жизни и передать шутливый тон о неуместности восторга по поводу временного возвращения здоровья.

Рысинский внес исправления именно в этом духе; по его мнению, «само изящество речи» требует вместо слова delector (радуюсь) delecter (радовался бы).

Смерть — это небытие

Толкование Рысинским пятьдесят четвертого письма незаслуженно отнесено М. Цитовской к числу ошибочных или неудачных [1]. Положение Сенеки «Что бы ни было до нас,— это смерть» Рысинский предложил прочесть: «Все, что не есть,— это смерть». Он убежден, что слово «не» ошибочно подменено словом «нас», как это нередко бывает у переписчиков. «Кажется,— писал он,— что в этом изречении не хватает убедительности и, скорее всего, оно представляет собой какой-то обман. Но что, если слово nos (мы) мы превратим в non (нет); возможно, тогда мы лучше выразим замысел Сенеки и истину. Ведь Сенека не думал, что смерть однажды была и прекратилась, но просто, что ее не было или она не начиналась. Поэтому немного выше он сказал, что испытал смерть именно прежде, чем родился, и тут же отметил, что смерть это «не быть», а также последующие слова у него будут соответствовать этому смыслу: «какое имеет значение, не начинаешь или кончаешь». Близка к этой мысль в конце шестьдесят пятого письма: «Не кончается,— говорил он,— обозначает то же, что не началось в прошлом. И, конечно, это «нас» вместо слова «не» в парижском издании подменено по простой случайности. Ведь не раз бывало, что одно из этих слов вытесняло другое».

Убеждение Рысинского, вопреки тексту издания 1607 года, в том, что Сенека представлял себе смерть как небытие, а не как то, «что было до нас», навеяно учением Эпикура, согласно которому «смерть не страшна, так как для живых она не существует, а для мертвых тем более». Эту мысль Эпикура отметил К. Маркс, выписав ее из Диогена Лаэртского [2].

---

[1] *Cytowska M.* Konjektury S. Rysińskiego, s. 201.
[2] *Marx K., Engels F.* Werke. Ergänzungsband 2.— Berlin, 1968, S. 201.

Трудно по «Конъектурам» судить, согласен ли Рысинский с Сенекой в оправдании самоубийства. В семидесятом письме Сенека защищает «наложение на себя рук» и выбор более легкой смерти, рассказывает, приводя факты, о гладиаторах и преступниках, покончивших с собой, целью которых было — не стать посмешищем толпы или жертвой жестоких пыток. В парижском издании читалось: «если нельзя, делай так, как можно». Рысинский предложил изменить лицо глагола «мочь» с третьего на второе и восстановил соответствия с контекстом, так как Сенека обращался прямо к Луцилию: «Также разум и тот советует тебе умереть, как тебе больше понравится, если же не сможешь, делай как сможешь и пользуйся любым доступным для уничтожения себя средством... Несправедливо **похищение** (выделено мной.— *Я. П.*) жизни, прекрасно похищение смерти... Тот человек велик, кто не только приказал себе умереть, но и нашел (способ умереть). Я тебе обещал побольше примеров такого дарования. Во время зрелища морского боя один из варваров вонзил себе в горло копье, которое получил для борьбы с противником. «Почему бы,— воскликнул он,— мне сразу не избежать мук и насмешек, зачем мне вооруженному ожидать смерти?» «Это зрелище,— продолжал Сенека,— постольку поучительно, поскольку люди увидели, в какой мере честнее умереть, чем убивать. Какой отсюда вывод? ...Разум — наставник всех наук и именно разум нас учит тому, что удары судьбы бывают различны, а исход один».

Как видно, предложение Рысинского об изменении лица глагола вполне уместно. В более поздних чтениях текста семидесятого письма, в частности, у Генце не только лицо глагола «мочь», как вытекает из приведенного отрывка, изменено, но добавлены новые слова, призванные сделать мысль Сенеки более доходчивой.

О том, как воспринял Рысинский выводы Сенеки, свидетельствует его попытка прочитать слово rapto (похищать) словом capto (получать). «Следует,— писал Рысинский,— предпочесть смерть жизни, загнанной в неволю, позорной, поэтому неоправданно добиваться жизни, прекрасно добиваться смерти». Далее Рысинский, не скрывая своей ошибки, признал, что не понял сначала мысль Сенеки: «Ведь Сенека имел в виду, что мерзко добиваться смерти не в том случае, если угрожает какой-либо тяжкий исход, а, напротив, низко испрашивать себе негодную жизнь».

Создается впечатление, что Рысинский умышленно включил в конъектуры ошибочное толкование слова «похищаю». Почему же после обнаружения своей ошибки или, как он выразился, после того, как вник глубже в смысл письма, он оставил свое первоначальное чтение? Несомненно, этот прием комментатора свидетельствует о его намерении поделиться с читателем своими собственными воззрениями. Рысинский хотел противопоставить восприятие мысли Сенеки о красоте стремления к смерти и негодности жизни, своему пониманию: предпочесть отказ от жизни, если она окажется никчемной, лишенной свободы, рабской. Рысинского натолкнула на это противопоставление близость в латинском языке написания глаголов rapere и capere.

Хорошо характеризовала Т. И. Кузнецова созданные Сенекой в преклонном возрасте письма: «Изучение философии Эпикура положительно сказалось на творчестве Сенеки в том смысле, что оно смягчило крайность его стоических принципов. Так, возвышенность и суровость идеалов сочетается у Сенеки с теплотой и гуманностью в отношении человеческих чувств, а призыв к самообладанию и презрению к жизни перекликается с живым чувством дружбы, любви, печали»[1].

Особенностью толкования Рысинским «Писем» было то, что в разработанных им конъектурах он пытался усилить отзвуки эпикуреизма у Сенеки, иногда прямо ссылаясь на греческого материалиста, иногда, как в семидесятом письме, пытаясь выявить у Сенеки гуманные устремления.

Исследуя учение Эпикура, К. Маркс обратился к двенадцатому письму Сенеки и выписал из него изречение, смысл которого напоминает выводы семидесятого письма. «Несчастье,— цитировал К. Маркс Сенеку,— жить в нужде, но в нужде жить — нет нужды. Открыто и повсюду многие короткие и легкие пути ведут к свободе. За это следует благодарить»[2].

Истины речь проста

В замечаниях о стиле писем Сенеки Рысинский преследовал цель, с одной стороны, отстоять эстетику классической латыни и с другой — выделить изречения, отличающиеся глубиной смысла и красотой формы. Так, ознакомившись в парижском издании с сорок девятым письмом, Рысинский остановился на предложении: «Ибо, как говорит

[1] *Кузнецова Т. И.* Письма к Луцилию Сенеки-философа, с. 91.
[2] *Marx K., Engels F.* Werke. Ergänzungsband 2, S. 293.

тот знаменитый трагик, истины речь проста» и счел нужным отметить, что эти слова принадлежат Еврипиду. У Рысинского возникло сомнение, стоит ли «обходить» имя великого греческого писателя, приводя его известные изречения. «Излишеством» назвал он говорить «тот славный трагик». Это последнее слово «проскользнуло», по его мнению, с полей в текст. Он счел нужным повторить по-гречески слова Еврипида и добавить близко перекликающееся с ними другое изречение — «благородное — несложно, многоликое — зло». Рысинский привел еще слова Пиндара: «Для справедливого дела достаточно трех слов». Насколько примечания Рысинского отличаются от приемов и толкований переводчиков, видно хотя бы из перевода Ф. Баркера, который, конечно, не подкрепил мысль Сенеки другими изречениями, а счел нужным написать: «великий трагик-драматург», а в сноске пояснить, что речь идет о Еврипиде.

In Notas ad Senecæ Epistolas,
Auctore
NOBILISS. ET DOCTISS. V.
DN. SOLOMONE RYSINIO;

ILLUSTRISS.
PRINCIPI DN. CHRISTOPHORO RADZIVILIO &c. A CONSILIIS, AMICO integerrimo.

Nobilis ingenii limâ dum tergit acutâ
Rysinius Stoi dogmata dia senis:
Dira loco pram I quem sustulit ira Neronis,
Roma tuæ infandæ pestis & Ausoniæ:
Macte animis, Genio præstas qui talia nostro;
Sic ait, & tacitis conditur umbra locis.

Daniel Naborovius
allegadius.

Стихотворение Д. Наборовского, посвященное С. Рысинскому, в книге «Конъектуры» к «Письмам Л. А. Сенеки».

Рысинский, написавший «Конъектуры» к письмам Сенеки за полтора века до французских энциклопедистов, назвал свой труд «пустяками» (Affaniae). Это была излишняя скромность. Толкование сочинений римского мыслителя, определенных Дидро как «требник честного человека», издававшихся уже до 1500 года 71 раз, конечно, не было пустой затеей. Изучение «Конъектур» Рысинского позволяет вернуться к нерешенным вопросам о толковании отдельных мест из «Писем» и уточнить смысл ряда высказываний Сенеки. Заслугой Рысинского следует считать сопоставление точек зрения разных комментаторов (Лип-

сия, Модия) на эти спорные места и выдвижение своих собственных в ряде случаев удачных и остроумных соображений. Но этим его значение не ограничивается. Рысинский поднял, руководствуясь положением Сенеки и Эпикура, голос в защиту науки, против ханжества и лицемерия. В условиях Белоруссии XVII века начинание Рысинского было злободневным, он выступал против упадка нравов, за рост культуры.

Рысинский воспринимал поучение Сенеки в духе требований, поставленных эпохой Возрождения, он пытался из писем извлечь указания для совершенствования людей, для развития их самосознания. О целенаправленности такого понимания древней философии можно судить по словам К. Маркса, намеченным для предисловия к защите диссертации: «Настало время, когда понятны станут системы эпикурейцев, стоиков и скептиков. Это философы самосознания»[1].

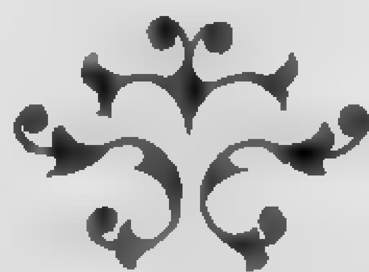
Если знаменитый паремиографический труд Рысинского «Поговорки» сыграл немалую роль в повышении культуры Белоруссии, то, к сожалению, «Конъектуры» были забыты, они нигде не упоминаются. Не значится имя Рысинского (Рысиниус, Пантерус) ни в библиографии изданий Сенеки, ни в амстердамском издании Фромонда 1672 года, книгами и рукописями которой пользовался К. Маркс, ни у Генце.

Одиноко прозвучал голос современника Рысинского, его близкого друга поэта Д. Наборовского, написавшего в честь «Конъектур» и их автора стих, напечатанный на обороте титульного листа:

Ум благородный Рысиния отделкой блестящей шлифует
Стоика старца учения божественные стихи.
Вместо награды мудрец уничтожен Нерона зловещим
Гневом; проклятый правитель, Италии, Рима палач!
Гению нашему слава, он выше юдоли ужасной
Труд сочинил и исчезнул, как призрак, в укромных местах.

---

[1] *Marx Karl, Engels Friedrich.* Vorrede (Neuer Entwurf). Ergänzungsband Schriften. Manuskripte Briefe bis 1844. Erster Teil.

КОММЕНТАРИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ТОЛКОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТИХОВ ОВИДИЯ

В январском 1586 года письме, адресованном Б. Церазию *(2.1)* после обширного введения о несовершенстве научных изысканий в области древней литературы, Рысинский привел толкование отрывка из первой книги «Фастов» Овидия, сделанное не названным в письме исследователем, о котором узнаем лишь, что он был человеком «первой величины и столь острого ума и утонченного суждения, что прославился во всем мире». Предположительно речь идет о И. Скалигере, так как на его изданиях Рысинский подробно остановился в письмах к К. Риттерсгузиусу. Рысинский решил имя критикуемого им автора «оставить в тишине и спокойствии, не позорить критикой, так как тот не занимается ненавистным ростовщичеством, которым наша общая судьба заставляет гнушаться». В первой книге «Фастов» (месяцеслов) Овидий писал:

Кто мне, однако, докажет, о Янус великий, что бог ты?
Ведь не имеется в Греции равных, подобных божеств.
Тайну сейчас же раскрой: один обитатель ты неба
Видишь, что спереди, видишь, что сзади стоит за тобой.
Лишь я успел поразмыслить о том, что чертил на табличках,
Дом мне почудился светлым, таким никогда не бывал.
Янус священный тотчас удивительным видом двуликим
Глаз мой внезапно двойным лицезреньем своим поразил.
Я содрогнулся, почувствовал — волосы зашевелились,
Холод морозным дыханием вдруг охватил мою грудь.
Правой рукою он палку, а левою ключ зажимая,
Звуки такие устами передними передает:
Трудолюбивый кудесник, отбросив смущенье, подумай:
Где же призванье твое и душой мое слово пойми *.

Слова: Edidit hos nobis ore priore sonos (Звуки такие устами передними передает) критикуемый Рысинским ком-

* Здесь и дальше перевод мой.— *Я. П.*

ментатор предложил выразить красивее: Edidit hos nobis voce priore sonos (Издал для нас эти звуки прежним голосом).

Против такого прочтения Рысинский возразил: «Глубокомыслящий муж не обратил внимания на отсутствие у Назона подтверждения того, что сначала к нему обратился Янус. Наоборот, внимая двуликому божеству, поэт первый взмолился об ответе на беспокоящий его вопрос. Судя по этому, «передние уста» (os prius) ничего другого не означает как «переднее лицо» (facies anterior).

Epistola X.

Vide, quo judicium meum abeat: Audeo te tibi credere.] *Ex scriptoris, aut certè Typographi incuriâ omissa est particula negativa ante Audeo,* Non: *Quam si praeponatur, sensus ipse & propositum Senecae, omninò postulant. Quorundam enim etiam solitudinem suspectam esse innuit,* ita ut cum maximè soli sunt, minimè sint soli, & cum maximè vacare videntur, tum certè minimum à vitiis vacent. *Non multum ab hac mente abit, quod epistola 25. inculcat, omnia nobis mala solitudo persvadet.*

Epistola XIII.

Incendium ad fugam patuit.] *Quivis facile animadvertit, desiderari capitale vocabulum.* Quibusdam, *vel* Interdum, *aut tale quippiam. Alioqui decus Anaphorae peris in enumeratione praesentissimorum periculorum Incendii videlicet, Ruinae, Gladii & Carnificis. Aeque Fatalia pericula, in fra Epistola 30. ob oculos producuntur, nempe Morbus, Incendium, Ruina, Mare & Gladius hosticus. Quae tamen omnia collata ad senectutem vitabilia & tolerabilia censentur Se-*

A 5 EPI-

necca.

Одна из страниц «Конъектур» С. Рысинского.

Назвав ненужным «плеоназмом» выражение «голосом издавать звуки», Рысинский продолжал: «можно допустить, что звук отличается от голоса как род от вида, но поэты до сих пор отождествляли эти понятия и употребляли их одно вместо другого». Следовательно, если сохранить оба слова, то, руководствуясь законами стихосложения, было бы намного лучше сказать: «Прежним тоном произнес слова» (Sono priore voces). Итак, с полной уверенностью можно заключить, что Назон намекал не на голос, а на изображение Януса. Следовательно, в приведенной строке ничего не подлежит ни оспариванию, ни изменению».

Ниже Рысинский, критикуя комментатора, остановился еще на одном месте из того же стихотворения: Quod petis et voces concipe mente meas (Где же призвание твое и душой мое слово пойми).

Рысинский отмечал: «Не намного удачнее этот новоявленный Аристарх исправил это место: et mente concipe mentem meam (и душу мою пойми душой), как будто поистине душа душой, мысль мыслью, а сердце воспринимается сердцем. На самом деле чувства и мысли обнаружи-

ваются посредством особого орудия — языка, воспринимаются ушами и только тогда передаются духу или уму благодаря слуху». «Однако о тени осла достаточно,— закончил с иронией Рысинский,— стоит ли говорить, что мудрец не обязан тратить время и многословно распутывать вопросы, доступные любому, обладающему рассудком».

Независимо от того, какой научной подготовкой обладал автор разночтений, толкование Рысинским приведенного отрывка из «Месяцеслова» бросает свет на замысел Овидия *. Действительно, то обстоятельство, что не Янус обратился первым к поэту, а ответил лишь на его призыв, свидетельствует против предположения о «прежнем голосе». Овидий спрашивал двуликое божество о том, какая связь между прошлым и будущим Рима, и «передние уста» Януса олицетворяют будущее. В изречении «подумай, где же призвание твое, и душой мое слово пойми» заключено наставление Януса Овидию, певцу истории, внимать голосу прошлого, неразрывно связанного с будущим, как два лица изображения божества. Известно, что Овидий в «Месяцеслове» задумал дать своеобразный календарь мифологических сказаний и действительных событий.

Интересно рассуждение Рысинского об объеме понятий «звук и голос». Предложенный им вариант чтения «прежним тоном произнес слова» показывает, как он пытался проникнуть в лабораторию творчества поэта. Основным же замыслом Овидия было не характеризовать звуки речи Януса, а место их появления — «передний лик», устремленный в будущее.

Наконец, убедительно звучит рассуждение Рысинского о языке как орудии, посредством которого передаются чувства и мысли.

Слух является каналом, позволяющим внешнему миру проникнуть в ум человека.

Интересны наблюдения Рысинского, высказанные при разборе «Понтийских посланий» Овидия в мартовском письме 1586 года Церазию *(2, VIII)*. «Я недавно наткнулся,— писал Рысинский,— в комментариях мужа, учености которого никто в наш век не превзошел... на одно место из славного Назона, где толкователем допущена постыдная ошибка. Но ведь один ученый сам не все видит. Так, например, известно, что Еврипида обоснованно обвиняли в непоследовательности». В третьем «Послании из Понта» Овидий писал:

---

*В изданиях «Фастов» спорные строки приводятся в таком виде, как их читал Рысинский.

Часто, желаньем охвачен, слова заменить не решаюсь,
Силы сужденье мое покидают и мощи в нем нет.
Часто досадно, чего сомневаюсь, сказать себе правду,
Править и переносить непосильное бремя труда.
Помощь поэту в признании, оно же и труд облегчает,
Легче тогда разгорается творческий в сердце огонь.
Править же дело настолько труднее, насколько
Больше прославлен, чем Аристарх, был великий Гомер.

Рысинский выступил с категорическим опровержением комментатора, поставившего под сомнение выводы Овидия: «Здесь этот весьма ученый муж спрашивает, по какому праву Овидий в данных стихах называет более великим автора сочинения, чем критика, хоть сам считает труд исправления намного тяжелее мук творчества. Я же, напротив, тебя, дружище, спрашиваю: по какому праву ты хочешь поставить Гомера, по общему мнению, наиболее искусного поэта, ниже ученого грамматика Аристарха. Ты скажешь, что, согласно Квинтилиану, дарование и грамматика являются чем-то своеобразным, но неужели ты не согласен, что творчество и критика не соразмерны?»

Рысинский убежден, что Овидий неохотно исправлял написанное им самим, а способности критика не должны уступать одаренности поэта.

Характерны иллюстрации, приведенные Рысинским для подтверждения своих выводов, и дальнейший ход его рассуждений: «Поискав в гуще жизни пример, яснее истолкуем свои мысли: разве смог бы ты взять за руку и исправить портного, который неудачно наложил шов на плохо подогнанные части платья? Ты видишь недостатки, но твоя нерадивость, неумение перешить и тем более создать новое не позволяют устранить ошибки в покрое и составлении частей. Искусства шить никак не обойдешь. Как бы то ни было, непосвященные оценивают лишь по внешнему виду, а мастеру присуще умение и творить и оценивать. Хоть молчит об этом Аристотель, никто не отрицает, что наиболее правильно судят о своем искусстве сами мастера. Я думаю, что отсюда вытекает, почему поэт Гомер выше грамматика Аристарха. Если же, по свидетельству Овидия, талант покинул того, кто способен наилучшим образом выносить мнение о своем искусстве, то когда же иссякнут силы критика — серпа, пожинающего урожай (это бывает гораздо чаще)? Конечно, одно — когда загроможденная или плохо оборудованная кузница неспособного стихотворца или какого-либо самозванца пытается ковать песни, другое — когда искусный критик прилагает большие усилия к исправлению замечательно отделанных и чистых стихов одаренного

поэта. Ведь для того, чтобы их отточить и отшлифовать, нужны и острый ум, и вкус. Итак, Аристарху предстояло с огромным трудом и не меньшим риском обработать Гомера, искуснейшего из поэтов, а ведь критик был менее одарен, хотя и обладал, если воспользоваться словами Туллия (Цицерона.— *Я. П.*), «изящными ушами». Если верна мысль, которую комментатор навязывает Овидию, что Аристарх был более великим, чем Гомер, то он, конечно, не испытал бы столь большого напряжения при шлифовке стихов».

Исправление ошибок автора, менее одаренного в области искусства, требует меньших усилий и остроты ума. Рысинский полагает, что сам автор является лучшим толкователем своих высказываний: «Я не сомневаюсь, что лучший путь толкования творчества поэта можно найти и изучить в недрах его сочинений». Овидий писал в «Понтийских посланиях»:

Перечитав, я стыдился того, что писал, ведь увидел,
Будучи также творения судьей, что придется стереть.
Все же решиться не смог: этот труд тяжелее писанья,
Страждущий ум ничего безыскусного не в силах стерпеть.

Следовательно, заключил Рысинский, Овидий не хотел трудиться над исправлением, он не брался за окончательную отделку стиха. Потому что для этого нужен более прилежный мастер. Поистине Аристарх испытывал большие трудности при пересмотре наследия Гомера, так как был менее одаренным, ведь исправление законченного стиха требует бóльших усилий, чем первоначальное его сочинение:

Помощь поэту признание, оно же и труд облегчает.
Легче тогда разгорается творческий в сердце огонь.

Рысинский убежден, что поэтическое творчество требует особых усилий, вдохновения, горения, в то время как работа критика, корректора — усердия и вкуса. Видеть целесообразное и прекрасное в едином свойственно мастерам-умельцам, в этом отношении они превосходят лишенных полета мысли и вкуса потребителей. Чем выше уровень творческой культуры, одаренности, таланта мастера поэзии, тем больщая ответственность ложится на плечи его ценителя. Но критик — «лишь серп, пожинающий урожай». Сам поэт — лучший критик и исправитель своего сочинения. Творчество неразрывно связано со шлифовкой, отделкой стихов. Только мастеру с большим дарованием доступно увидеть шероховатости или непоследовательность в написанном талантливой рукой произведении. Рысинский предупреждает чита-

теля перед поверхностным суждением об искусстве стихосложения, которое не только требует вдохновения, но и упорного труда над совершенствованием.

КОММЕНТАРИИ К СОЧИНЕНИЯМ Д. М. АВСОНИЯ (из рукописного наследия)*

Сочинения Д. М. Авсония, латинского писателя IV века н. э. (около 310—395), сохранились в списках IX—XIV веков и издавались в разном объеме несколько раз в XV—XVI столетиях (первое печатное издание —

EXERCITATIONUM
EPISTOLICARUM
AD
AUSONIUM VIRUM
CONSULAREM
LIBRI DUO.
SOLOMONE RYSINIO
ET
CONRADO RITTERSHUSIO
AUCTORIBUS.

Титульный лист рукописной книги С. Рысинского и К. Риттерсгузиуса, посвященный исследованию наследия Авсония.

1472 год). В новое время комментированные издания Авсония появлялись в Германии, Англии, Франции в XIX—XX веках. Подробные жизнеописания автора приведены в изданиях Шенкля, в энциклопедии Паули — Виссова и др.[1]

На русском языке полного собрания сочинений Авсония нет. В периодических изданиях «Русская мысль» и «Гермес» были опубликованы В. Брюсовым и Ю. Дьяковым пе-

---

* Рукопись хранится в Краковской Библиотеке Народовой, любезно представившей нам микрофильмы. Работа озаглавлена «Exercitationum epistolicarum ad Ausonium virum consularem duo Solomone Rysinio et Conrado Rittershusio auctoribus» («Упражнения в письмах по консулу Авсонию, книги две (выполненные), Соломоном Рысинским и Конрадом Риттерсгузиусом»).

[1] D. M. Ausonii opuscula. Recensuit Carolus Schenkl. Monumenta Germaniae historica.— Berlin, 1883; D. M. Ausonii Opuscula. Recensuit R. Peiper.— Leipzig, 1886.

реводы нескольких стихотворений и эпиграмм этого поэта (1911, 1912 годы). Брюсов написал также подробный очерк о жизни и творчестве Авсония под заглавием «Великий ритор» (Русская мысль, 1911, март).

Авсоний был родом из Бурдигалы (г. Бордо), и поэтому некоторые исследователи называют его «первым французским поэтом»[1]. Отец Авсония был медиком и дал своему сыну всестороннее образование. Сам Авсоний стал впоследствии воспитателем будущего римского императора Грациана, который назначил его консулом (379 год). После смерти императора Авсоний вернулся в родной город и там находился до конца своей жизни.

Творчество Авсония мало известно советскому читателю. Во втором издании БСЭ этому писателю посвящена отдельная статья, а в третьем — его не упоминают. Авсоний сам себя называл «ритором и грамматиком». Стихи его представляют не столько поэтическую, сколько историческую ценность. Однако мнения по этому вопросу расходятся. Авсоний, несомненно, был одарен и высоко образован. Брюсов отметил, что называть его первым французским поэтом «справедливо в том смысле, что в его сочинениях есть чисто французские черты: легкость и изящество, соединенные с латинской ясностью и строгостью»[2]. Вместе с тем в другом месте своего очерка Брюсов утверждал, что Авсонию «недостает строгости, он мягок и сентиментален»[3].

В произведениях Авсония отражена жизнь и нравы римской провинции; лирические нотки звучат в стихах, посвященных памяти наставников и родственников. Большой интерес представляет для историков его описание путешествия по реке Мозель. Характерно, что Авсоний относился к своему творчеству не совсем серьезно и называл его «поэтическим зудом». По мнению американской исследовательницы М. Дж. Берн, «история текста Авсония столь сложна, что невозможно решить все проблемы, возникающие ■ процессе работы над ним»[4]. Тем более интересны попытки гуманистов XVI века, в первую очередь И. Скалигера, извлечь из забвения и восстановить в подлинном звучании творчество Авсония. И все же новые исследования, относящиеся к XIX

---

[1] *Pichon René.* Les derniers écrivains profanes.— Paris, 1906; *Rand E. K.* Auson the first French poet. Proceedings of the classical Society, 1927.

[2] *Брюсов В.* Великий ритор.— Русская мысль, 1911, март, 8, с. 4.

[3] Там же, с. 45.

[4] Prolegomena to an edition of D. M. Ausonius by *M. J. Byrne.* N. Y. Columbia U. P. 1916, p. 72.

и XX векам не смогли внести полной ясности в изучение его наследия. По мнению К. Шенкля и Р. Пейпера, сочинения его дошли до нас в искаженном виде. В этой связи определенную ценность для науки представляет не упоминающаяся в обширной литературе об Авсонии рукопись конца XVI века, содержащая критические замечания к нескольким десяткам произведений поэта из Бурдигалы. Не менее знаменателен факт, что автором этих рукописных комментариев был белорусский гуманист Соломон Рысинский. Это были его первые шаги на поприще исследований памятников древности. Комментарии написаны на латинском языке довольно разборчивым почерком с некоторыми аббревиатурами. Рукопись, к сожалению, неполная и состоит из 30 страниц, содержащих 12 писем; из них 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11 адресованы Рысинским Риттерсгузиусу; остальные направлены Риттерсгузиусом Рысинскому.

Как видно из слов Рысинского, он обратился к ученому-правоведу Риттерсгузиусу с предложением принять участие в совместном исследовании сочинений Авсония. Из введения, предпосланного письмам, можно узнать некоторые подробности возникновения этого труда. Оно содержит обращение Рысинского к «Иоанну Постию, архиатру (главному врачу.— *Я. П.*) рейнского палатината, выдающемуся поэту». Обращение датировано из Альтдорфа 6 марта 1589 года: «Последней осенью,— писал Рысинский,— случайно мне попали в руки сочинения Авсония из Бурдигалы. (Вероятно имеется в виду издание И. Скалигера 1588 года. Затем у Рысинского оказалось также издание Грифиуса 1548 года.— *Я. П.*). Сначала поверхностно ознакомившись с книгой, я пришел от нее в восторг, а затем стал ближе присматриваться к ней и вдумываться. Меня манили как достоинства самого консула, так и новые украшения, приданные ему повелителем всех ученых И. Скалигером. Однако когда я пришел в себя после первого впечатления и стал осваиваться с текстом, я заметил, что этот великий ученый (Скалигер.— *Я. П.*), снабдивший нашего консула столь отменным облачением, оставил случайно или же умышленно нетронутым и незамеченным многое из «внутреннего характера» (habitus internus). Под «внутренним характером» я понимаю прочтение, так как относительно реалий никто не смог бы их объяснить лучше Скалигера».

«Я глубоко уважаю и люблю Риттерсгузиуса,— писал Рысинский И. Постию,— что же мешало мне, исходя из его к тебе близости, постучаться в дверь твоего дружелюбия. И это, несомненно, оказалось причиной того, что я тебя,

знаменитый ученый, первый потревожил, хотя сам я неизвестен и в науке у меня нет имени...» В своей просьбе о покровительстве Рысинский отметил, как ему трудно на чужбине добиться признания: «Конечно, под этой германской звездой разве ты не ответишь мне, неизвестному, тебя глубоко уважающему, и не соблаговолишь поддержать усилия жаждущих приобщиться к науке?» «Доброжелательно прими,— скромно закончил Рысинский,— эту работу — плод столь же неискушенного вкуса, сколь усилий неокрепших знатоков».

Название своего исследования «Упражнения по Авсонию» Рысинский объяснил тем, что это были «первые наброски развивающегося дарования...». Ему показалось, и он надеялся, что этот труд поможет в чтении Авсония и что было бы полезным сделать этого поэта достоянием читателей.

Примечательно, что по сравнению со своим современником Скалигером белорусский исследователь внес новые замечания в освещение творчества Авсония. В ходе своих рассуждений он не оспаривал выводы Скалигера о «реалиях» в тексте писателя из Бурдигалы, но одной из причин того, что он взялся за исследование Авсония, было его несогласие с прочтением отдельных мест в издании Авсония, выпущенном Скалигером и другими.

В «Упражнениях» Рысинский рассматривает ряд произведений римского автора. Непосредственно Авсонию посвящены письма 1, 3, 5, 10, 11.

Из ряда средневековых списков, а также изданий XV—XVI веков во времена Рысинского было выявлено до 37 названий разного рода сочинений, приписываемых Авсонию. В «Упражнениях» разбираются отрывки или упоминаются: 1. Обращение к Пакату Дрепанию; 2. Технопегнион (искусная игра); 3. Заупокойная песня об отце; 4. Напоминание потомку; 5. Эфемерис (дневник); 6. Эклоги; 7. Паренталия (поминальные стихи о родственниках); 8. Воспоминание о наставниках; 9. Эпитафии (надгробные надписи); 10. Эпиграммы.

Мы ограничимся обсуждением только отдельных замечаний Рысинского. Соображения его друга и соавтора Риттерсгузиуса учтены в тех случаях, когда они рассмотрены Рысинским. Цель данного раздела заключается не в том, чтобы исследовать творчество Авсония на основе правок Рысинского и Риттерсгузиуса, а выявить приемы и соображения, которыми руководствовался в начальный период своей научно-литературной деятельности белорусский гуманист.

В первом письме от 18 октября 1588 года Рысинский остановился на эпиграмме «Диана»:

Хочет Венера сердца покорить, успокоить не хочет.
Чары прельщенья презренны, не смею соблазн их отвергнуть.
Пытки желать для души иль услады? Излишни волненья?
Дважды подвязана Диана, Кифера нага: все напрасно:
Нет обольщений у первой, сверх меры тревожит вторая...

Рысинский поставил под сомнение слова bis cincta и предложил читать discincta, т. е. вместо «дважды подвязанная» читать «в развевающемся платье». «Дважды подвязанная — это лишь типографская ошибка,— утверждал комментатор,— у Авсония смысл требует другого, ведь он говорил о том, что «презирает прельщения чары». Подобное слово discincta (в развевающемся платье) употреблено и Овидием и Персием». На полях Рысинский дописал, пользуясь рядом греческих выражений: «...говорят, что Диана в длинном хитоне, то есть у нее был хитон, закрывающий ноги, но она собиралась на охоту. Даже на изображениях Дианы можно увидеть богиню во время охоты на оленей. Там она одной рукой поднимает рогатину, другой же держит за рога лань и одета она в столу, спускающуюся донизу».

В следующем письме Рысинский отказался от своего прочтения: «...буду вести себя, как Стесихор, чтобы то, что с ним случилось из-за оскорбления Елены, со мной не произошло из-за Дианы. Я стыжусь утверждать, что она в распущенном одеянии; из всех, пожалуй, стоиков я наиболее стойкий и я почти другой Руф Авсония (некий Руф описан Авсонием, как упирающийся в своих ошибках.— *Я. П.*), который всегда был, как скала». Шутливый тон не покидал Рысинского, когда он завершал свои выводы: «Следовательно, я согласен с тобой (К. Риттерсгузиусом.— *Я. П.*), с Скалигером-сыном и Грифиусом-отцом: пусть будет «дважды подвязанная»[1].

В том же письме Рысинский привел строку из «Эпитафий героям». Речь идет о могильной надписи на Виа Латина в окрестностях Рима:

Ни имени, ни где рожден, ни откуда, какого я века,
Я нем навсегда, кости, пепел, ничто.
Меня нет, я не был рожден, из ничего моя сущность,
Брось по отдельности всех попрекать! Таким и ты будешь.

---

[1] Известно, что Скалигер Жозеф, сын Скалигера Жюля, развил и совершенствовал литературные начинания своего отца, а сын известного издателя Грифиуса запустил дело отца. У самого Грифиуса, подобно как и Скалигера-сына, по мнению Рысинского, не все издания были безупречны.

Рысинский возразил против слова exprobres (будешь попрекать) и предложил читать explores (будешь разузнавать). Он недоумевал: «Что здесь делать слову «попрекать»? Мы узнаем неизвестное и неизведанное, а попрекаем тем, что известно! Ведь памятник полузагадочный, зачем его попрекать?» Затем Рысинский перешел к эпитафии «Троил», в которой, по изданию Скалигера, не хватало одного слова:

Гектор в пыли распростерт. Ни силы не равны, ни боги.
Тут же, схватившись с жестоким Алкидом, в бою пал Троил[1].
К брата достоинству я приобщен, колесница меня потащила.
Мука тяжелая мне не страшна, его пример вдохновил.

Рысинский заполнил пробел во второй строчке словом «пал», отвергая исправления других комментаторов, писавших, что Троил, брат Гектора, «погиб». В мифологии смерть Троила изображена по-разному. Рысинский по-видимому, хотел подчеркнуть, что брат Гектора не был задушен в плену или убит во время бегства, а «пал» в сражении с Ахиллом. Он остановился также на латинском выражении congressus tibi (сразился) и сопоставил его с синонимическими глаголами pugno, certo (борюсь, воюю), объяснив управление дательным падежом влиянием греческого языка, и в подтверждение привел примеры из Вергилия.

В эпитафии «Ахилл» Рысинский также заполнил пробел, который и в новейших изданиях до конца не выяснен:

Не в одном месте покоится Эакид: кости укрыты
На сиглийском берегу;
Часть могилы...
Но во всем мире...

В последней строчке Рысинский дополнил: «Но во всем мире славу (или даже имя) распространил Гомер» (Эакид и есть Ахилл.— *Я. П.*).

В эпитафии «Гуней» Рысинский предложил изменить знаки препинания. Авсоний писал:

Гуней покоится в море, гробница без тела, имя,
Молва средь людей, в небо дух устремлен.

Эту эпитафию Рысинский определил как удивительно цельную и выразительную, однако ее портит один знак препинания. Он прочел первую строчку иначе:

Гуней покоится в море, могила — имя без тела,
Молва средь людей, в небо дух устремлен.

---

[1] Троил — младший сын троянского царя Приама, павший от рук Ахилла.

То есть он предложил понимать, что имя и есть гробница без тела. В следующем письме Рысинский снова подтвердил, что ни на пядь не отступит от своего мнения. Обращаясь к Риттерсгузиусу, он писал: «Ты по своему обыкновению очень рассудительно делаешь славу (молву средь

S. RYSINIUS C. RITTERSHUSIO. XI.

Одна из страниц рукописной книги о поэзии Авсония.

людей.— *Я. П.*) гробнице и имени и это очень изящно выводишь из гипотез физики, согласно которым голос не является ничем иным, как ударом или сотрясением воздуха. Когда, следовательно, голос вырывается и сотрясает воздух, то кажется тем самым будто нечто создается. В этом отношении, говорю, у тебя правильно, но если ты отважишься так утверждать, смотри, чтобы это мнение не слишком нарушило единый образ. Все (говорит Авсоний) элементы такому вождю — общая гробница. Какие? Небо и земля, и

море, и уста людей. Так что небо получает дух, море — тело самого Гунея, уста людей — имя, что же земля? Могилу, говоришь, без тела. Так в ней же нет Гунея. Ничто не мешает сказать: небо — гробница духа, земля — имени, ведь, несомненно, имя было на кенотафе (надписи могилы того, чье тело не было найдено.— *Я. П.*). Море — Гунея, уста людей — славы. Ты возражаешь? Что делать? Тебе кажется правильным твое мнение, мне — мое».

К вопросу о Гунее Рысинский вернулся в пятом письме. Он предложил Риттерсгузиусу вникнуть в замысел Авсония, который писал, что все элементы — гробница для такого вождя. Рысинский увидел в этом перечне распространенное в древности учение об элементах. «Почва, следовательно, (если начнем снизу),— объяснял он,— соответствует земле, море — воде, уста людей, если устранить всякую двусмысленность — воздуху. Что же соответствует огню? Я скажу — небо... ведь всем известно, что высшим из начал и считался огонь. Вот в «Метаморфозах»,— доказывал Рысинский,— Овидий говорил:

Сила небес невесомых и спутанных огненным смерчем
Вырвалась, в замке высоком жилище себе подобрав.

Какова же опасность,— продолжал Рысинский,— если в виде синекдохи примем у Авсония небо за ту самую огненную субстанцию. Более того, ведь высшее небо получило название эмпирея (т. е. обиталища света и огня, местопребывания богов.— *Я. П.*). И Лукреций в первой книге назвал «Небесные огни». Кроме того, многие философы полагали, что сам дух состоит из огня. Так, Овидий в тринадцатой «Метаморфозе» писал: «Дух из огня, легкость ему предоставила крылья», а Вергилий в «Энеиде»: «Пламени сила у них накопилась, небеса — их начало». Если так,— закончил Рысинский,— то Авсоний утверждал, что дух есть огонь, что у духа с огнем — родственное начало». Весьма примечательно заключение Рысинского: «Это (вопрос о духе.— *Я. П.*) относится к особому учению и не следует любые высказывания поэта резать по живому и исследовать аподиктически, т. е. искать в них неопровержимые доказательства». Таким образом, Рысинский подчеркнул своеобразие поэтического труда и вдохновения. Его слова свидетельствуют о том, что он принадлежал к чутким критикам поэзии, которые реалистически оценивали воззрения поэтов и пути создания ими художественных образов, но не ограничивали их поэтической вольности.

В сочинении Авсония «Мысли семи мудрецов» Рысин-

ский подверг языковому и философскому анализу предложение, звучавшее в новых изданиях так: «Всякий, кто щадит дурных, хочет погубить честных». Рысинский отметил обоснованность мнения Риттерсгузиуса относительно того, что Авсоний, подобно другим писателям, прибегает к местоимению quisque (каждый) вместо quisquis (кто бы ни) или quicunque (какой бы ни), но тут же с недоумением спрашивал, что мешает в указанном предложении именно так выразиться, как Авсоний. По убеждению Рысинского, в данном случае подходит и неопределенное местоимение и относительно обобщающее: «Несомненно, смысл сводится к тому, что каждый хотел бы добиться сохранения честных и гибели дурных».

От вопроса о местоимениях Рысинский перешел к критике необоснованного прочтения издателями рассмотренного предложения. «Но вот оказывается,— возмутился он,— в издании Грифиуса 1548 года напечатано что-то совсем чудовищное: «Каждый, кто щадит честных, хочет погубить честных». Разве в этом есть какой-нибудь смысл, я ничего не понимаю, я бы лучше сказал: «Каждый, кто щадит дурных, хочет погубить дурных». Пусть здесь вместо «каждый» будет употреблено «кто бы ни». Это не меняет содержания, ведь чем больше попустительство и безнаказанность дурному, тем больше они приближаются к гибели. Доходчиво об этом говорит Апулей в книге о философии, ссылаясь на учение Платона: «Наиболее тяжелая и жестокая пытка, если вредитель остается не покаранным и не подвергается наказанию со стороны презирающих его людей».

Отрывок из стиха Авсония «К потомку» из сочинения «Liber protrepticus ad nepotem» («Книга увещевания потомку») звучит:

Здесь о заслугах задумался я. Сколь великому внуку
Я, консул-дед, озаряю светило жизни твоей.
Славен хотя уж давно ты отцовским именем гордым,
Мог в нем увидеть красу, а, возможно, и бремя...

Рысинский остановился на предложении «Lumen tuae praeluceo vitae» («Озаряю светило жизни твоей») и определил его как mera amfibolia (обыкновенная двусмысленность). «Ведь неизвестно,— отметил он,— какому слову придать большее значение. Если сказать «освещаю светило», то получается выражение такого рода, как «жизнь прожить», «смеяться смехом», «веселиться весельем» и другие подобные сизигии (сочетания). Если же читать «светило освещаю», то это будет высказыванием в смысле: Я, Авсоний, светило, т. е. я славен и знаменит, так как возглавил

семью, удостоен двух должностей, кресла курульского, тоги обрамленной, облачения консула и других почестей». Рысинский высказался за первое толкование: не «я, Авсоний, светило, озаряю», а «озаряю светило жизни твоей» и объяснил, что это равноценно выражению «показываю путь и стежку», на которую внук должен вступить по следам и с поддержкой своего деда, подобно как у Проперция: «луна освещает путь, звезды показывают ухабистую дорогу».

В девятом письме от 19 ноября 1588 года Рысинский писал Риттерсгузиусу: «Вот тебе, чтобы отведать кое-какие из моих наитий на тему Авсония. Пока готовятся обед и десерт, ты попробуй и погляди, подходит ли для нёба. Я ведь это направляю для того, чтобы твой желудок испытал неизвестное. В стихе, написанном фалековым размером (трохаически-дактилическим одиннадцатисложником.— *Я. П.*) к Пакату из Дрепана, я нашел trepidae silite nactae (дрожащие умолкните обретения). Так прочитал, исправляя древний список, изворотливейший Скалигер (обретения). Но, несомненно, «обретениям» здесь нечего делать или, как иные желают «валяльщики» (naccae). Следовательно, в этом слове надо искать другое содержание: «дрожащие умолкните листы» (chartae). Ведь поэт обращается, пользуясь апострофой, к книжке, подобно как тут же «бесстрашно летите, стихи», где я бы тоже предпочел «бесстрашные». Там же — «то, что простительно, пусть скроет, признанное, пусть передаст». «Передаст» мне не нравится. Ибо кому передаст? И не приходит на ум, чем бы это заменить. Наверное, не иначе поэт говорит тому же Пакату в другом месте. Весьма схоже, сопоставлю на твой суд: «Подумай, надо ли читать стихи, предложенные мной, или скрыть их».

Таким же образом и в тридцать четвертой эпиграмме «К Прокулу»: «Ему я предназначаю то, что осталось от невзрачных, досужих творений: или пусть читает то, что дам, или пусть скроет». Как же согласовать то «передать» с этим «читать»?

Как видно, по мнению Рысинского, Авсоний хотел сказать, что стихи либо достойны чтения, либо подвергаются забвению. Действительно, в своеобразном стихотворении Авсония, озаглавленном «К своей книге», читаем:

Если, исписанный лист, моль и порчу терпеть тебе надо,
    Раньше начни со стихов уничтожаться моих.
«Предпочитаю от моли»,— твердишь: ты ведь прав, горемыка,
    Меньшее зло предпочтешь перенести невзначай.
Я ж не хочу погубить досуг вредительской музы,
    Хоть и рождает она трату и масла и сна.

Лучше было б поспать, чем лишаться и дремы и масла.
Правильно мненье твое, но причина есть у меня:
Прокул меня рассердил, красноречье его ведь такое,
Как и почет, написал многое, всё охватил.
Месть под рукой у певца, вот отомстить мне охота:
Тот, кто его не издал, слышит пусть наши стихи,
Пусть тот решает, как быть, освежит ли тебя можжевельник,
Иль для нещадных червей пищей тебя обречет.
То, что осталось у нас от досужих, невзрачных творений,
Пусть он получит, прочтет, иль скроет данное мной.

Приведенное стихотворение показывает глубину аргументации Рысинского, оспаривавшего правильность прочтения Скалигером одиннадцатисложника «К Пакату из Дрепана». В понимании Рысинского эти строки следовало читать: «Дрожащие умолкните, страницы, безбоязненно порхайте, стихи... То, что требует прощения, пусть утаит; то, что признано, пусть прочтет».

В том же девятом письме Рысинский остановился еще на ряде мелких произведений Авсония. Толкуя первую строку эпиграммы о Пифагоре, Рысинский привел интересные наблюдения, связанные с употреблением притяжательных прилагательных в восточнославянских языках. В эпиграмме говорится:

Пифагор Евфорба, ты, который изыскиваешь
семена вещей и возвращаешь души в новые тела,
скажи, чем будет умерший недавним
свершением судеб Марк?

В своем учении о переселении душ знаменитый Пифагор утверждал, что он прежде был Евфорбом, троянским героем, ранившим Патрокла. Поэтому Рысинский объяснил слова «Пифагор Евфорба», как «Пифагор Евфорбов». «Я считаю,— отметил он,— это выражение эллинизмом. Также у скифов, белорусов и большей части литовцев встречается такое». Как видно, Рысинский прибегнул в толковании к восточнославянскому притяжательному прилагательному, а они, по словам В. В. Виноградова, «несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю»[1].

Далее Рысинский изложил свое мнение об именах и прозвищах у восточных славян: «Так ведь пишутся: Иван Васильев, Федор Иванов, Соломон Федоров и пр., иногда добавляют также семейное имя (фамилию.— *Я. П.*): Емельян Онуфриев Рысинский, Гиацинт Федоров, Гавриил Григо-

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык.— М., 1947, с. 192.

риеев Гутор и пр. Кто придерживается латинских наук, образует прозвище подобно греческим — Иоанид, Василид (Иванович, Васильевич.—*Я. П.*)».

Здесь Рысинский верно подметил процесс, который в то время был характерным для развития восточнославянских языков: от прозвищ — к отчеству, и одновременно высказал предположение о близости родительного падежа принадлежности принадлежности к притяжательным прилагательным. Об этом явлении В. В. Виноградов писал: «Известно, что в древнерусском быту вплоть до эпохи западноевропейского влияния прозвища имели широкое распространение наряду с христианскими именами»[1]. (Любопытно, что именно в этом письме Соломон Рысинский передал название белорусской народности, как «леукоруссн».)

Комментарии к эпиграмме «Пифагор» ограничиваются рассмотрением одного слова «Евфорба», но они — свидетельство знания автором обычаев и языка своей родины.

В конце того же письма Рысинский в шуточном тоне поделился с другом своим шаржем на эпиграмму Авсония о Диогене. У римского поэта содержание эпиграммы таково:

Призрак твой, из владык царь Крез богатейший,
  Циник Диоген увидел в аду.
Там, о Крез, говорит: «Ничего не твое, все минуло.
  Я был гол, есмь такой, ничего не имел, это и есть у меня».
Царь же в ответ: «Не равны мы с тобой, ты ведь нищий,
  Благ был лишен. Здесь нисколько я не лишен, не нуждаясь».

Рысинский же сочинил:

Циник Диоген, смертью похищен в царство теней,
  Крез, о счастливец, облик увидев твой, не смутился,
Дерзкий пред глазом твоим не поник и обычай презрев
  Гласом не дрогнувшим вызова слово бросил владыке:
— Что столь великая власть? К чему сокровища, клад?
  Дало ли пользу богатство, хоромы и слуги?
Ведь ничего ты с собой не принес и теперь вот мы равны.
  Толку-то больше во мне, я столь же богат,
Так как всё, что судьба подарила мне ласково, щедро,
  Есть у меня, а ты всё покинул на веки, оставил.

Как видно, своей пародией Рысинский стремился противопоставить два взгляда на богатства: из эпиграммы Авсония вытекает, что богач не равен бедняку, так как после смерти он не нуждается в богатствах, а бедняк и при жизни их был лишен. В пародии Рысинского подчеркнута

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 186.

мысль, что смерть отбирает у богача все имущество и власть, а у бедняка-философа она ничего отнять не может.

«Парентелия» (Parentelia), т. е. стихи, посвященные памяти родственников, считаются наиболее насыщенными лирикой сочинениями Авсония. Рысинский в одиннадцатом письме обратился сначала к стихотворению, посвященному памяти тестя — Аттузия Лукана Талузия. Он считал, что Скалигер придал в этом письме строке optare hoc tantum non est habere datum (такое желать — совсем не значит получить в дар) смысл обреченности и это противоречит последующим словам стиха — «боги обет одобряют», свидетельствующим о том, что боги благоволили к столь хорошему человеку. Рысинский предложил замену: optare haud tantum verum est habere datum (желать не столь много — поистине значит получать). Действительно, в следующих строках подтверждается, что зять оказался верным и честным. Именно об этом поэт говорит в обращении к покойному тестю:

Ты в усыпальнице вечной, свидетель теперь и навеки,
Что уважаю тебя, остаюсь навсегда без жены
Зятем, и дочери честь берегу, предлагая всем песню,
Холост хотя, навсегда буду зваться — преданный зять *.

Сопоставление ритма и содержания стиха из «Парентелий», посвященного родственнице Верии Ликерии, с первым стихом из этого цикла свидетельствует о наблюдательности Рысинского, как толкователя замыслов римского поэта. Вместо «голос прадеда Евсебия» в издании, которое комментировал Рысинский, говорилось о «жене» прадеда: там была допущена ошибка, вызванная написанными рядом словами uxor (жена) и vox (голос). Комментатор возразил против этого, ссылаясь на начало «Парентелий», и тем самым подвел основание для более глубокого толкования текста. Авсоний писал:

В трауре искреннем тех дорогих имена ум услышал,
Первой оплакал слезой. Поминать я напевами стану
Без украшений, простыми и грустными, без многих слов.
Царству теней погребальных почет уж излишен
И для могилы, безжизненной почвы, напрасен глагол,
Лишь гласом должна похоронным песня вспомнить о душах...»

Именно последняя строка из приведенного стиха, в которой говорится о «похороненном гласе», объясняет, по мнению Рысинского, то, что Авсоний имел в виду «голос» прадеда Евсебия. А прадед «мысли свои перелил в те слова,

---

* Авсоний жил с дочерью Лукана Сабиной восемь лет и после ее смерти больше не женился.

что я пел». Иначе говоря, Рысинский объяснял «Паренталии» как переданные поэтом голоса предков.

В стихе Авсония, посвященном «Намии Пуденцилле, родственнице», Рысинский обратил свое внимание на строку: «Так как одна управляет всем женщина домом». Исследователь отметил, что здесь неуместно слово gerere (вести, управлять), ибо оно употребляется в сочетании с другими — «власть», «консул», «государство», а его необходимо заменить словом regere (управлять). Именно так эта строка прочитана современными исследователями.

Приступив к разбору стихов, озаглавленных «Commemoratio professorum Burdigalensium» («Воспоминание о бордигальских наставниках»), Рысинский отметил, что у Авсония по изданию Скалигера напечатано: «Я полагал, что уместно дать ничтожное сочиненьице подходящего содержания. В такую книжку, где упоминаются те, кто преподавал за границей, происходя из Бурдигалы, включить эпитафии, иначе говоря, могильные надписи героев, участвовавших в Троянской войне».

Рысинский усомнился, следует ли читать «ничтожное сочиненьице» (vanum opusculum), и предложил слово vanum заменить словом unum «одно», значение которого приближается к неопределенной форме члена.

Следующий стих из цикла «К наставникам» посвящен «начинающему» ритору Дельфидию:

Красноречивый, ученый, быстрый умом, разговорчив,
  В шутках приятен, Дельфидий,
Пусть ты оплакан отцом, слезой неутешного горя,
  Все ж, соревнуясь в стихах, ты был обласкан судьбой.
Ты с колыбели почти начинавший хвалебные песни,
  Бога певец благородный,
Зелень гирлянды венков возносящий к Олимпу,
  Мальчиком уж воспевал громовержца.
Сразу затем быстротечным потоком разросся,
  Эпос в стихах сочинил.
И никто не соткал так умело
  Книгу напевов и речь об искусстве.

Рысинский считал, что в последней строке Авсоний не должен был употребить глагол nexeret и удивлялся Скалигеру, напечатавшему такую грамматически неправильную форму. По мнению Рысинского, следовало прочитать nectеret, если содержание сводилось к «связыванию» книги напевов и речи об искусстве. В дальнейшем прочтение глагола nexeret было пересмотрено, его стали понимать как texeret — соткал.

Свое сочинение «Technopaegnion» («Искусная игра») Авсоний характеризовал следующими словами в письме к своему другу Паулину: «Я тебе послал «Искусную игру», бесполезное сочиненьице бесплодного моего досуга. Стихи начинаются односложными словами и кончаются такими же. Но не в этом лишь заключается полная подводных камней трудность, а она горестно увеличена тем, что то же односложное слово, которое являлось концом крайнего стиха, становится началом последующего. Скажи, следовательно, о тягота и наказание! Как видно, напрасное дело я затеял. Оно невзрачно и вызывает досаду; бессвязно оно и запутано, хотя оно чем-то является, но кажется негодным. Я прилагал все же усилия, чтобы оно получило какой-то исторический и диалектический облик, так как легкость поэтическая или софистская исключена».

Рысинский решительно возразил против запятой, поставленной в издании Скалигера после слов aliquid nihili (коечто негодное), и выделения слов vel deprehenditur (даже воспринимается), назвал это прочтение spurium (внебрачное дитя), т. е. не имеющее ничего общего с замыслом Авсония. Именно в таком виде, как предлагал Рысинский, т. е. «хотя сочинение чем-то является, но кажется негодным», письмо к Паулину печатается в новых изданиях.

Комментарии Рысинского обрываются на письме Авсония «К другу Теону». Из этого сочинения в «Упражнениях» приведены две строчки:

...учись слагать стихи, не ссылаясь на имя,
И станешь подражателем Луцилия-певца.

Рысинский обратил здесь внимание только на неправильное, по его мнению, напечатание имени Луцилия. К сожалению, критика наиболее ценных произведений Авсония — поэм «Мозель», «Купидон» — не содержится в сохранившейся в Краковской библиотеке неоконченной рукописи Рысинского.

Современному исследователю классической литературы есть чему поучиться у Рысинского. Необыкновенная любознательность, восторженное преклонение перед поэтическими дарованиями, основывающееся на большой эрудиции и совершенном знании латинского и греческого языков, умение вникать в замыслы авторов и замеча[illegible]одробности, не доступные рядовому читателю,— все эти достоинства, характерные для ученых-гуманистов XVI—XVII веков, выражены и у белорусского исследователя сочинений Авсония.

То обстоятельство, что своеобразное творчество бурдигальского поэта в наше время забыто, не снижает ценности комментариев Соломона Рысинского. Они зачастую являют собой оригинальное и незаменимое средство познания мало изученной у нас страницы позднеримского литературного наследия.

КОММЕНТАРИИ К КОМЕДИИ Т. М. ПЛАВТА «СТИХ» («ГОСПОДА И РАБЫ»)

К сожалению, среди 26 комментаторов текста комедий Плавта, упоминаемых в издании Гетца и Шелля [1], имени белорусского гуманиста Соломона Рысинского нет. Его не приводят и литературные справочники. Это неудивительно: небольшая работа, посвященная комедии «Стих», включенная в переписку С. Рысинского с К. Риттерсгузиусом, остается до сих пор в рукописи [2].

С. Рысинский задумал работу над комедиями Плавта под влиянием одного из своих друзей — Ивана Борисевича, который еще в 1587 году сообщил ему, что занимается исследованием творчества древнеримского автора. В письме, датированном 8 июля 1587 года, Рысинский писал Борисевичу (Epistolarum... 1587, 2. XXXIX) из Альтдорфа:

Иоану Борисевичу, опытнейшему пловцу, бороздящему плавтовское море.

«Вижу, что ты водишь знакомство с Эротием Плавта и с удовольствием об этом слышу. Постарайся, чтобы плод этого общения попал к нам как можно раньше. Отказываешься? День и ночь с книгой проводишь? Скорее бы появилось дитя, очень похожее на тебя и на нее. Чего же ты виляешь? Когда ветер попутный, разверни паруса...»

Спустя приблизительно месяц Борисевич, по всей вероятности, предложил другу исследовать Плавта вместе, но, как видно из письма от 8 августа 1587 года, Рысинский это предложение отклонил. Тем не менее в ноябре 1588 года Рысинский послал своему соавтору по Авсонию К. Риттерсгузиусу небольшого объема разбор одной из сцен комедии Плавта «Стих» и обратил внимание прежде всего на сцену пирушки, поставив под сомнение очередность реплик в диалоге между Стихом и Сагарином. Рысинский выписал при этом почти [illegible] четвертую сцену из пятого акта комедии.

---

[1] *Plautus T. M.* Editio minor.— Leipzig, 1892—1896. Götz und Schöll.

[2] Exercitationum epistolicarum ad Ausonium ... Solomone Rysinio Conrado Rittershusio auctoribus, VI, VIII.

Для того, чтобы рельефнее показать изменения, внесенные комментатором, перечтем отрывки в русском переводе А. В. Артюшкова:

«Сагарин: А к подружке как, с какого боку каждый сядет.

Стих: Ну, садись хоть выше, только знай, как я делюсь с тобой. Выбирай себе теперь же часть, свою провинцию (задание, обязанность.— *Я. П.*).

Сагарин: Что за часть?

Стих: Над ключевою частью (ключевой водой.— *Я. П.*) или винною властвовать тебе угодно?

Сагарин: Нет, над частью винною. А пока подружка наша медлит, наряжается, мы одни повеселимся. Будь главой пирушки ты.

Стих: Прелесть, что на ум пришло мне. Лучше мы, как циники, на скамейке, не на ложах тут сейчас протянемся.

Сагарин: Нет, вот так гораздо лучше. А меж тем, эй, наш глава! Что пустует чаша эта? Сколько нам бокалов пить?

Стих: Сколько пальцев на руке. Есть греческая песенка: «Или пять пей, или три пей, только четырех не пей».

Сагарин: За твое здоровье! Влей там часть воды десятую. И за вас пью, и за нас пью, за тебя и за себя, и особенно за нашу милую Стефанию. Пей, коль пить!

Стих: Я не замедлю.

Сагарин: Вот и пир пошел у нас. Подойдет сейчас подружка. Нет ее, а то — все есть.

Стих: Очень хорошо, бери вот чашку!

Сагарин: У тебя вино. Лакомства б еще какого.

Стих: Недоволен тем, что есть, нет другого, вот вода...»[1]

Рысинский утверждал, что после того, как Стих привел греческую песенку, Сагарин заявил: «Пью с тобой вот этот бокал, налей себе», а слова «И за вас пью, и за нас пью, за тебя и за себя» и т. д. принадлежат снова Стиху. Знаменательно то, что квадратными скобками в издании Гетца и Шелля отмечены те участники пиршества, которые в памятнике не указаны, т. е. очередность высказываний в диалоге может зависеть от восприятия читателя или комментатора.

Рысинский причисляет себя, хотя с иронией, к глубоко эрудированным гуманистам, таким как М. Мюрэ (1526—1575), Ю. Липсий (1547—1606), и противопоставляет менее

---

[1] *Плавт Тит Макций.* Избранные комедии в переводе А. В. Артюшкова.— М.— Л., 1935.

известным П. Валле, Б. Сарацену, И. Дуте. Он назвал одно высказывание Сагарина «крепостью, которую пытались взять или оборонить отряды под водительством этих ученых». Речь шла о трудном для прочтения месте, связанном с расчленением слов в строчке, в которой неясное место было представлено в новейших изданиях как decumum a fonte («часть воды десятую» — по переводу Артюшкова). Оно было прочитано Валлой decumo fonte («десятым источником»), Мюрэ это место прочитал: eccum a fonte («вот этот из источника»), Липсий понял как decum afonde («налей десять»). Рысинский подверг критике все эти толкования: «...Валла здесь воюет свинцовым клинком, объясняя «из десятой части воды, из источника». «Дурья голова! Из-за Сарацена, его же современника, необходимо привести и предшествующую строку сцены. Она звучит у Венецианца (Сарацена.— *Я. П.*) так: «Есть греческая песенка: пей пять, пей и три, пей половину четырех». Сарацен объяснил это так, что «все эти числа вместе составляют десять и поэтому будто Сагарин сказал: пью с тобой десятку из источника, раньше же Сагарин спросил у Стиха, сколько у него на руке пальцев, и это означало, что он хотел с ним выпить десять бокалов». «О незадачливый толкователь,— воскликнул Рысинский,— откуда у него столь тонкий ум?» Дело в том, что в греческой песенке «пей пять, пей три, не пей четырех» Сарацен неправильно прочитал слово «э мэ» («но не»), как «эми» (т. е. «половина») и поэтому заключил о десяти бокалах. Отвергнув мнение Сарацена, а также Дуты, утверждавшего, что в строчке речь идет о большом вместительном бокале на том основании, что существительное fons употреблено в женском роде и может означать «бокал», а decumus — «огромный бокал», Рысинский, поддержав выводы Мюрэ и Липсия, добавил, что и они не совсем правы: «...поистине, я поведу подкопы под эту крепость другими средствами и постараюсь разрушить ее. Мне кажется, что в некоторых местах имеются ловушки, а именно в диалоге есть смешение персонажей». «Если кто-либо медленно еще и еще раз прочитает (сцену),— продолжал Рысинский,— то придет к выводу, что названные толкователи далеко ушли от замысла Плавта... Сагарин спросил Стиха, которого он сделал главой пирушки: «Сколько бокалов пьем?» (это следует понимать язвительно, ведь у него в руках был один бокал). Глава пирушки ответил: «Столько, сколько пальцев у тебя на руке» (подразумевается на одной) и завершил договор распространенной греческой песенкой. Когда, следовательно, Сагарин разобрался, как собеседник предлагает

пить, он наполнил бокал, стоящий перед ним, и предложил его Стиху. Он велел ему добавить воды, то есть сделать смесь. Так ведь между ними были заранее распределены обязанности: Сагарин наливал вино, а Стих распоряжался водой. Это прекрасно видно из последующего. Когда Стих начал, он поставил перед Сагарином пустую чашу и сказал: «Вино у тебя». Следовательно, слова: «За здоровье вас, нас пью» и т. д. принадлежат Стиху, который брал из рук Сагарина и собирался его опорожнить, а не его товарищу за столом.

Рысинский подкрепил свое толкование подобной выдержкой из другой комедии Плавта «Перс» (акт 5, сцена 4), которая звучит в переводе Артюшкова так:

«Т о к с и л: Медленно мне ты бокалы подаешь. Ну, сюда. Мне на счастье, на счастье всем вам и на счастье моей ненаглядной.

. . . .

Т о к с и л: За здоровье всех нас эту чашу тебе подношу, так оно от любви за любовь подобает.

Л е м н и с е л е н а: Ну, давай.

Т о к с и л: Ну, получай.

Л е м н и с е л е н а: За здоровье и тех, кто завидует мне и кто этому рад вместе с нами».

Приведя еще примеры из Овидия и Тибулла, Рысинский заключил: «Яснее ясного, что слова «За здоровье» произносятся именно самим пьющим».

Итак, Рысинский доказал, что очередность высказываний в диалоге рабов, задуманном в комедии, нарушена комментаторами и издателями.

В комедии «Господа и рабы» рабы такие же люди, как и господа, они печалятся и радуются одинаково. В начале сцены Стих заявляет:

> Это пир по средствам нашим...
> Всякому свое подходит, у кого накоплено
> Дома, те пусть пьют ковшами, чашами, бокалами.
> Мы хоть и пьем вот этой глиняной чашкою,
> А свое по средствам нашим дело все же делаем.

Своим замечанием Рысинский усилил разумение сатирического замысла Плавта: на пирушке рабов есть глава, ему и вменена обязанность произносить здравицу, хоть приходится разбавлять вино и довольствоваться скудною закуской.

Другое место из той же комедии «Стих» вызвало еще больше разночтений. Судя по изданию Гетца и Шелля и русскому переводу Артюшкова, шуточная перебранка Сага-

рина и Стиха в той же сцене сводится почему-то к игре (можно полагать, игре флейтиста):

«Сагарин: Стих! От чина кто отступник, оштрафую на бокал.

Стих: Это верно, а что верно, то уж надо выполнить.

Сагарин: Но смотри, чуть ошибешься, тотчас наложу штраф.

Стих: Справедливо, это верно.

Сагарин: Для начала вот тебе.

Стих: Остроумно! Меж собою в дружбе два союзника чашей пьют одной, с одной женщиной водятся. Достопримечательно. Я — ты, ты — я,— одна душа. Любим ту же подружку оба, где со мною, там с тобою, где с тобою, там со мною, зависти не ведаем.

Сагарин: Ох, довольно! Ведь наскучит, я хочу другой игры».

В шестом письме Риттерсгузиусу от 8 ноября 1588 года Рысинский остановился на последнем высказывании Сагарина. Слова толкователя стоит привести целиком, так как в них есть немало тонких филологических наблюдений: «Не хвалюсь слишком, подобно теренцианскому Сиру, но я все же восстановил место у Плавта, как мне кажется, до сих пор никем не затронутое. Для того, чтобы лучше доказать обоснованность моего исправления, представлю сперва мнение других, а лишь после выскажу свое. В распространенном издании Плавта напечатано: «Ох, уж достаточно, не хочу, будешь рвать, хочу игры, как у щенят». Венецианский список, расхваливаемый мной в предыдущем письме, приводит это место несколько иначе: «Ох, уж достаточно, не хочу того, чтобы ты ласкал, так, как щенки играют, хочу...» Здесь Бернар Сарацен, живший в прошлом столетии, предполагает, что «возможно, лучше читать «отступить бы тебе». Сагарину, видно, казалось, что его друг слишком шумлив. Едва ли иное понимание у Пальмерия: «Не хочу, ты виляешь, как щенки, играя куском». По-видимому, раб очень грубо забавлялся и хватал куски, подпрыгивая. Такое исправление, хотя и не верх остроумия, но стремится к нему... Правильное же написание «не хочу уступить бокал, хочу другое бедро». Трясет бедром тот, кто наподобие собаки играет, толкователь хочет, чтобы Стих именно так делал. О ум исправителя! Как Паллада ему послала подобное в голову?

Кто знает, нам ли Меркурий покажет дорогу в этом разнообразии. Пусть потянет, поможет, позовет Аполлон! Я читаю так:

«Ох, уж достаточно! Не хочу, ты виляешь, как щенок, играя куском». Действительно, так поступают собаки, ластясь или виляя хвостом... Клянусь камнем Юпитера! Я не уверен в таком прочтении. Если кто-либо выкопает более правдивое, то я не буду упираться!» Так заключил Рысинский. Трудность прочтения данной строки вызвана повреждением написанных нескольких слов, которые, как видно из вышесказанного, объяснялись по-разному. В новых изданиях, в частности, у Гетца и Шелля строка звучит: Ohe jam satis nolo obtaedescat alium ludum, nunc volo. Именно последний слог глагола obtaedescat[1] (передает) объединяли со словом alium и получалось что-то вроде catuli, т. е. щенки. Также слово nunc (теперь) считали концом слова ludum и получилось ludunt (играют), у других lumbum (бедро). Даже последнее слово volo (хочу) объяснялось как bolo (кусок).

Рысинский привел почти все толкования, известные в его время, сам же он, по-видимому, руководствовался духом плавтовского сочинения. Шутки в комедии грубы, они отражают непосредственность и прямоту просторечия. Предложенные Рысинским слова «вилять, вихлять, щенки, кусок» более выразительны и сочны, чем «наскучит, игра», использованные в переводе Артюшкова. Образность высказывания Сагарина соответствует поведению развеселившегося Стиха, она обусловлена всем ходом пирушки.

Таковы замечания Рысинского к комедии «Господа и рабы». Исправления, внесенные им в текст комедии, типичны для века гуманистических изысканий. Своеобразным и почти не встречаемым у других толкователей является жизнерадостность, задор и едкость его критических выпадов против других комментаторов. Ирония и сарказм в тоне Рысинского обусловлены в первую очередь тем, что он делился с другом своими наблюдениями и делал это в письмах.

Эпистолярный стиль Рысинского заслуживает особого исследования, но здесь надо отметить, что от писем его веет юношеской свежестью, смелостью суждений и напористостью в поисках решений. При этом обращает на себя внимание большая образованность автора, глубокое знание сочинений классиков и литературы о них. Обширны познания Рысинского в латинском языке, он различал тонкие оттенки звучаний слов, ссылался на редкие выражения и язы-

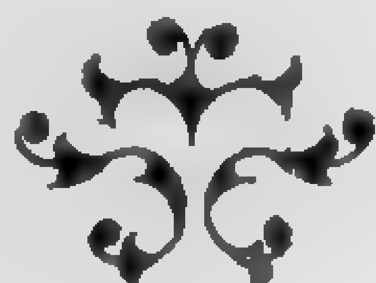
---

[1] Латинское издание Гетца и Шелля цитирует в сноске слова Турнебуса: «Obceves catuli ut...»

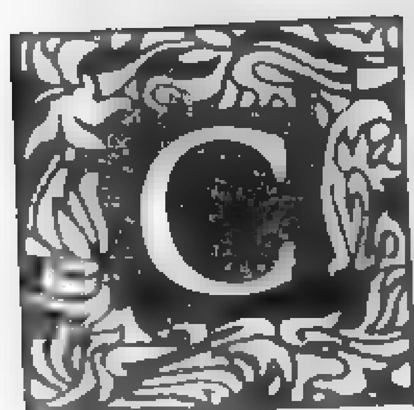
ковые формы, сопоставлял использование их в разных сочетаниях.

Можно ли сделать вывод на основании двух писем, затрагивающих тему «Господ и рабов», какие цели ставил перед собой придирчивый толкователь? Несомненно, Рысинский полностью отдавал себе отчет в трудности, но и необходимости восстановить истинное звучание древней комедии. Он стоял в одном ряду с «воинами, осаждающими крепость» не отдельных строк, но всего наследия древности.

Знакомство с комедиями Плавта наряду с углубленным изучением латинского разговорного языка давало возможность Рысинскому вникнуть в настроение низов римского общества. Он проявил немалый интерес к языку, поведению рабов, исследуя их речь, разбирая ход рассуждений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди писателей Белоруссии конца XVI — начала XVII столетий не было другого такого писателя-философа, как Соломон Рысинский, чье творчество отличалось бы таким многообразием жанров и направлений. Его место в истории белорусской литературы и культуры определяется прежде всего оригинальными стихотворными произведениями. Рысинский был также видным теоретиком литературы и комментатором классических писателей Овидия, Плавта, Клавдиана, одним из немногочисленных исследователей поэта Авсония. Рысинский был критиком писем Л. А. Сенеки и автором эпистолярных произведений, переводчиком с древних языков и на древние. В некоторых из своих писем он проявил и незаурядный дар очеркиста, особенно в описании своих путешествий.

Судя по глубине и тонкости прочтения ряда мест из сочинений Плавта, Клавдиана, Овидия, Авсония, С. Рысинский может быть поставлен в ряд с Матеем Казимиром Сарбевским — преподавателем поэтики в иезуитских коллегиях Полоцка, Несвижа, Вильно, автором ряда замечательных работ по теории поэзии. Однако особенность Рысинского в том, что он проводил филологический анализ оригинальных текстов древнеримских писателей, в то время как Сарбевский прежде всего пользовался античными и средневековыми разработками и учебными пособиями по мифологии, мало ссылаясь непосредственно на авторов. Так, Сарбевский в своем труде «Dii gentium» («Боги язычников») не выходил за рамки толкований мифологии, предложенных итальянскими учеными XVI века И. Пиериусом Валерианом, И. Розинусом, издавшим в 1609 году в Лейдене «Десять книг римских древностей». Сарбевский пользовался книгой итальянского писателя Комеса Наталиса «Мифология или объяснение сказаний книг X» (Венеция, 1551).

Уже в «Письмах» Рысинского, изданных в Альтдорфе в 1587 году, а затем в «Конъектурах» к письмам Сенеки (Нюрнберг, 1620) имеются образцы тщательного разбора формы и содержания литературных памятников, причем оспариваются выводы ведущих литературоведов своего времени и предвосхищается ряд прочтений, раскрытых учеными последующих столетий.

В области исследования римских авторов мало кто из ученых XVI—XVII столетий превзошел Рысинского. Автор интересной работы о становлении эстетической мысли в Белоруссии В. М. Конон утверждает, что в отличие от Западной Европы в Белоруссии, Польше и Литве ренессансная «энциклопедия античных древностей», анализирующая мифологию с позиций науки и реальной истории, создана не в XVI, а в XVII веке»[1]. Если обратиться к творчеству Рысинского, то окажется, что уже в 80-е годы XVI столетия в письмах, адресованных Постиусу и Риттерсгузиусу, изданных в Альтдорфе, а также оставшихся в рукописи, были затронуты и освещены вопросы мифологии, выходящие за круг выводов М. Сарбевского, о котором В. М. Конон говорит, как об осуществившем в 1627 году «первую удачную попытку» в этой области.

За 40 лет до Сарбевского Рысинский в письмах к Бучинским, оспаривая прочтение Скалигером отрывков из «Фастов» Овидия, пришел к выводу, что «Назон намекал не на голос, а на изображение Януса» и что «чувства и мысли обнаруживаются посредством особого орудия — языка, они воспринимаются ушами и передаются духу или уму с помощью слуха». Такое толкование бога Януса основывается на оценке взглядов Овидия с позиций естествознания. Длинный ряд проводимых Рысинским сопоставлений мифологических персонажей с историческими опирается на научную основу и вытекает из критического отношения поэта к истории и об остроте его ума. Так, например, посредством ссылки на мифических Линкея и Арга, отличавшихся острым зрением, Рысинский изобличает обманчивость умозрительных заключений. Поэт приравнил себя к Протею, отмечая изменчивость своей судьбы и устремлений. Таким же целям служат ссылки на сыновей Амфитриады, Феба, пастуха Адмета и на другие мифологические сюжеты в стихах, посвященных Риттерсгузиусу. Шуточный тон в ряде произведений Рысинского подкрепляется анализом мифических

---

[1] *Конон В. М.* От ренессанса к классицизму.— Мн., 1977, с. 132—133.

образов Пегаса, Кастора и Поллюкса, Кибелы и многих других.

Рысинский не придерживается мнения своего современника И. Скалигера, что поэт создает предметы, являясь как бы вторым богом, а настаивает в ряде писем на том, что поэзия вообще присуща человеку, но «весьма редко люди научились оценивать значимость и благородство, умение пользоваться этим божественным даром».

Рысинский видел в поэте прежде всего мастера слова, труженика, которому приходится учиться своему искусству, переправлять созданное, быть готовым к восприятию критики. Судя по сохранившимся произведениям, Рысинский создал своеобразную школу поэтики, добивался совершенства формы и содержания. С особенной едкостью он высмеивал лжепоэтов и лжеученых.

Трагедия Рысинского заключалась в том, что столь глубокомысленному педагогу всю жизнь пришлось терпеть то крайнюю нужду и быть одиноким в деревенских захолустьях, то заниматься с баловнями судьбы, вроде братьев Бучинских — юнцов, которых исключали из школ как забияк и пьяниц. Своих воззрений Рысинский не скрывал, он излагал убеждения в письмах к друзьям и в предисловиях к сочинениям, сознавая, что многие его не поймут. В обращении к «неизвестному другу, строгому критику», предпосланном альтдорфским письмам, мыслитель с горькой иронией писал: «...в лес дрова таскать я намерен? Ну и пусть! Этого я и хотел. Не удерживаю тебя, если думаешь, что удерживаю, можешь идти!» В посвящении своих «Конъектур» к письмам Л. А. Сенеки Рысинский жаловался Георгию Рему на то, что хозяева недооценили его труды: «...не найдешь ни одного рода людей, у которых быстрее старела бы благодарность, чем у знати».

М. Сарбевский и С. Рысинский подходили к предмету поэтического творчества с разных сторон: первый, названный современниками «Новым Горацием», по словам Гуго Гроциуса, «не только поровнявшийся, но и превзошедший Флакка», проводил политику католической церкви, укрепляя позиции иезуитов, сочинял лирические стихи на латинском языке, писал научные трактаты о поэтике, но всецело доверял имеющимся под рукой текстам, другой же — сторонник Реформации — подвергал критическому пересмотру памятники, разбирал их язык. Поборник окатоличивания молодежи, Сарбевский понимал, что лирические стихи привлекут куда больше почитателей, чем богословские трактаты, что оценка в учебном процессе иезуитских коллегий языческой

религии и идеологии древних вырвет из рук борцов за свободомыслие наиболее действенное оружие и всесторонне подготовит тех, кто стремится укрепить господство папского престола. Тогда как сторонники левого крыла Реформации, ратовавшие за светское образование, защищавшие угнетенные сословия от засилия церкви и произвола феодалов, были разгромлены и рассеяны, а последователи Лютера сомкнули ряды и сплотились с крайней реакцией, иезуиты сочли возможным перенять некоторые приемы потерпевших поражение вольнодумцев. Руководствуясь целью привлечения к церкви заблудших, обманутых происками гуманистов, мечтающих о равенстве людей, Сарбевский, например, сумел написать реалистические картины теневых сторон жизни общества и пороков господствующего класса в стихотворении «Descriptio gentium» («Описание народов»).

Радетели перемен в общественных порядках такие как друг Рысинского Даниил Наборовский, не преминули это использовать. Так, появился его перевод на польский язык стиха Сарбевского, где между прочим говорилось: «...поляки... славный народ, но бездельничающий... своей свободой и достоинством не хотят поделиться с плебеями... отсюда гнет униженных со стороны власть имущих. Вонючие у крестьян избы, с телятами в них живут и поросятами, там же и дети. У простых крестьян нет того, что нужно, и нет хлеба. Господа, убив кого, не дорого платят. Те, что господа, те с достоянием. Возносят высокие крыши и дорогие помещичьи дворцы...»

Убежденный в непогрешимости своего покровителя — наместника божьего на земле,— Сарбевский позволил себе прямой плагиат лирических стихов итальянского иезуита Беттини «Людовик», озаглавив их «Silviludia» («Лесные игры») и посвятив охоте польского короля в белорусских местностях Бершты, Меречь, Котра и др. Эти стихи вызывали с XVII по XX век восторженные отзывы литературоведов (Ганшинца, Клейнера, Око и др.), и только в 1958 году было установлено, что «Новый Гораций» просто пошутил. Он, по-видимому, показал, как можно играть красивыми стихами для услаждения вельмож, по принципу — искусство для искусства. Вместе с тем в поэтическом наследии Сарбевского есть немало великолепных стихотворений. Печать религиозных чувств, являющихся сутью вдохновения поэта, лежит на его трудах.

Слуг князя Радзивилла, придворных поэтов Даниила Наборовского, Ольбрихта Кармановского, Соломона Ры-

синского побуждали к творчеству далеко не религиозные чувства. Не бог и не церковь, а возмущение бедственным положением крепостных и личные повседневные жизненные невзгоды и нужда заставляли их браться за перо. Наборовский, который разменял свой незаурядный талант на мелкие анекдотического характера сочинения и панегирики, неоднократно подчеркивал свое отношение к окружающей действительности. Ему принадлежат горькие слова: «Слава ничего не стоит, когда у тебя нет денег, никто не даст ни гроша, даже если сто лет будешь нищим». «Терять» — это плохое словечко, надо «сберегать», чтобы не просить к старости кусок хлеба...» Наборовский понимал, где корень зла, он умел ядовито посмеяться над своими господами: «Один литвин другому в ссоре: «подлец» — говорил, тот ему ответил: «брат, и ты не Радзивилл»...

Хотя Рысинский тоже вынужден был писать панегирики и другие хвалебные сочинения в честь своих хозяев, он до последних дней своей жизни стремился осуществить и успешно воплощал мечту своей молодости, работу, выстраданную в течение десятков лет,— сборник пословиц и поговорок. Целью своих усилий он считал выявление истоков истинного гуманизма — народной мудрости, услышанной из уст простых людей. Исследование древнеримской литературы, ознакомление со многими научными трудами служили ему философским и эстетическим мерилом для оценки красоты языка и мудрости, зарожденных и развившихся в недрах простого народа, пóтом и кровью добывавшего свой хлеб насущный. У народа Рысинский учился ненавидеть гнет и неравенство, высмеивать пороки злопыхателей и поработителей.

Как видно из обширной тематики, получившей освещение в произведениях Рысинского, большого количества ссылок на литературные источники, а также из описи имевшихся у поэта книг и трактатов, круг его интересов отличался необыкновенной широтой. Если сопоставить творческое наследие Рысинского и Роттердамского, то окажется, что наряду со стихами, переводами, философскими рассуждениями, толкованием текстов и критикой — комментариями как у первого, так и второго — числятся сотни писем; сборник пословиц Эразма Роттердамского «Адагия» содержит лишь материалы, почерпнутые из произведений древних писателей, тогда как в любченском издании наряду с античностью обильно представлен народный фольклор.

Значение творчества Рысинского трудно переоценить. За полвека до появления труда Рене Декарта «Рассужде-

ние о методе», в котором выражена глубокая вера автора в человеческий разум (1637), Рысинский вознес разум на высоту, недосягаемую для схоластического мышления. Стоит вспомнить его слова из письма, посланного в мае 1586 года: «Наиболее выдающаяся черта человека — разум. Он построен из одинаковой материи и имеет одинаковую форму и ни у кого из людей не отличается...» Замечательны рационалистическая и демократическая суть этого высказывания.

К. Маркс в «Капитале», отметив, что «Декарт, как и Бэкон, в изменении формы производства и в практическом господстве человека над природой видел результат перемен в методе мышления», привел слова Декарта: «Можно достичь знаний очень полезных в жизни и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, можно создать практическую философию»[1]. Рысинский уже в 80-е годы XVI века убежденно выступил за перемену в методе научного мышления, указывая на отражение «невежества ученых даже высшего ранга, докатившихся до ребячливости, на бестолковость учащихся».

Современник Фрэнсиса Бэкона Рысинский подверг сокрушительной критике схоластов, которые «не боятся, выскочив со своими пустыми или остроумными словечками, заправленными солью своего умишка, и покорно доверившись тупоумию, тявкнуть по крайней мере или хрюкнуть на данную тему». Рысинский доказывал истину, к которой стремятся прогрессивные люди всех стран: в гуще народа скрыта неиссякаемая вера в добро, дружбу, мир, труд; народ всегда ненавидел и будет ненавидеть порабощение, невежество, несправедливые войны. Все это отражено в народных пословицах и поговорках, собиранию которых Рысинский посвятил более тридцати лет своей жизни.

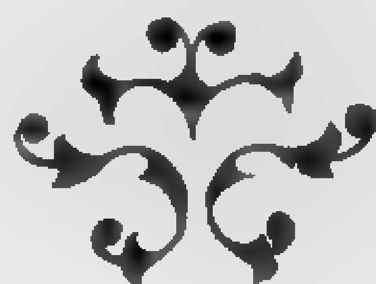
Рысинский не был кабинетным ученым и придворным стихотворцем, он «шел в народ» и у народа учился страшной правде: «Бьют и плакать не дают». А раз не дают плакать, то оставалось только смеяться, и Рысинский смеялся вместе с народом, смеялся над своими врагами, над самим собой и своей жизнью. Он смеялся и сам не терял надежды на лучшее будущее, говоря «засветит солнце и в наши ворота».

Долгие годы тяжелого научного и учительского труда принесли свои плоды. Мечта Рысинского о всенародном просвещении стала осуществляться в Слуцкой школе, руководители и преподаватели которой, вдохновленные идеями

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 401—402.

мыслителей, подобных автору Любченского сборника послови, «добивались такой науки», «чтобы она, «отбросив» подкрашенную праздность слов и обманный облик дисциплин (из-за этого до сих пор насмешка невежд унижает величие науки), рассматривала не тени вещей, а сами вещи. Приходите же все, кому дорога родина, кто правильно оценивает полезность своих поступков! Никому не закрыт путь! Раскрыта дверь, ведущая к нашим грациям и музам, для всех честных и искренних людей. Возраст, положение, вероисповедание не представляют для нас никакого различия. Место на этих скамьях предоставлено бедняку не меньше, чем Крезу...» (Из введения в «Устав Слуцкой школы».— Любча, 1618).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Примерный перечень пословиц, совпадающих в сборниках М. Федоровского и С. Рысинского[1]

Федоровский (дальше.— *Ф.*)	Рысинский (дальше.— *Р.*)
Што край, то обычай.	Что край, то обычай.
Ахвота горш няволі.	Охота хуже неволи.
Адабраць гвалтам можна, а даці не можна.	Отобрать силой можно, дать нельзя.
Хоць адвалачэ, то не уцячэ.	Хотя отлежится, не убежит.
Заўсёды трэба на заднія колы аглядацца.	Оглядывайся на задние колеса.
Ад Анаша до Кайпаша.	От Анаша до Кайфаша.
Хоць то осьнаццать, хоць то без двух дваццать.	Один за восемнадцать, другой без двух двадцать.
Апарыўшыся на малацэ, той на ваду падзмухаець.	Кто опарится на молоке, тот дует на воду.
Дзе чорт не дойдзе, туды бабу пашле.	Куда чорт не дойдет, туда бабу пошлет.
Як це бачаць, так це пішуць.	Как тебя видят, так тебя пишут.
Багаты дзівіцца, чым худзяк жывіцца.	Богатый удивляется, чем бедняк питается.
Дзе баліць, там рукі, дзе міло, там вочы.	Где болит, там рука, где мило, там глаза.
Ані бе, ані ме.	Ни бе, ни ме.
Адна бяда ніколі не дакучыць.	Одна беда никогда не мучает.
У бабы волас доўгі, да розум кароткі.	У женщины волосы длинные, а ум короткий.
Ад бога пачынаймо.	С бога начнем.
Бог любіць тройцу.	Бог тройцу любит.
Бога хвалі і чорта не гневі.	Бога хвали и чорта не гневи.
Бог ведае, што робіць.	Бог знает, что делает.
І богу свечка і чорту ожег.	И богу свечка и черту кочерга.
Як бог чалавека хоча ўкараць, то ўперад розум адыме.	Кого бог хочет покарать, прежде отнимет разум.
На каго бог, на таго і людзі.	На кого бог, на того и люди.
Сілаю ў бога не возьмеш.	Трудно с богом воевать.
Ні брат, ні сват.	Ни брат, ни сват.
Дзе любяць, бывай рэдка, а дзе не любяць, то і зусім не заходзь.	Где любят, бывай редко, где не любят — никогда.

[1] Список пословиц из сборников М. Федоровского дается по-белорусски (правописание Федоровского сохраняется); из сборника С. Рысинского — в переводе на русский язык.

Хто ціха ходзіць, той сабе шкодзіць.
З вялікай хмары малы дождж.
Што хвароба, то доктор.
Узялі яго чэрці за стары доўг.
Дагаджай яму, як ліхой скуле.

Добрае далёка чуваць, а ліхое яшчэ далей.

Калі заехаў за Дунай, то да хаты не думай.
Дурань дае, а розумны бярэ.
На пахілае дзерево і козы скачуць.
Дзержыцца, як п'яны плоту.
Галавою муру не праб'еш.
Што галава, то розум.
Галоднаму хлеб на ўме.
Усё роўна, як гарох на сцяну кідаць.
Хто многа гаворыць, той мало робіць.
Госці ў дом, бог у дом.
Грошы ўсё могуць.
Разумнейшые цяпер яйца за куры.
Камень на мейсцу мохам абрастае.
Карова, што многа раве, мало малака дае.
Бліжшая кашуля, як кабат.
На тое каваль клешчы мае, каб рукі не папёк.
У кія два канцы.
Кліна клінам выбіць.
Па нітцы клубочка дойдзем.
Дарованному каню ў зубы не глядзяць.
Конь на чатырох нагах — спатыкаецца.
Костью ў горле сядзіць.
Першыя каты за платы.
Чым далей у лес, тым больш дроў.

Хто ў летку балуе, той зімою халадуе.
Хто лжэ, той і крадзе.
Дзяры лыко, як дзерэцца.
Малады можа умерець, а стары мусіць.
Таўчэцца, як Марак на пеклі.
Як мядзведзь здох, то і дуды аб зямлю.
Дзіравага меха нічым не напоўніш.

Ні мае дзе галавы прытуліць.

Кто не быстро ходит, тот сам себе вредит.
С большой тучи маленький дождь.
Что болезнь, то доктор.
Взяли его черти за старый долг.
Нужно ему угождать, как скверному чирью.
Хорошее далеко слышно, а плохое еще дальше.
Хорошее еще долго в памяти, а плохое еще дольше.
Когда заехал за Дунай, о доме не думай.
Дурак дает, а умный берет.
На наклоненное дерево и козы лезут.
Держится, как пьяный забора.
Головой стену не пробьешь.
Что голова, то разум.
Голодному хлеб на уме.
Все равно, как бы горох на стену метал.
Кто много говорит, тот мало делает.
Гости в дом, бог в дом.
Деньги все могут.
Теперь умнее яйца, чем курицы.
Камень на месте поростает мхом.
Корова, которая много мычит, мало молока дает.
Ближе рубашка, чем кафтан.
Для того у кузнеца клещи, чтобы не ожегся.
У палки два конца.
Клин клином вышибить.
По ниточке дойдем до клубка.
Дарованному коню в зубы не смотрят.
Конь на четырех ногах и спотыкается.
Костью в горле седит.
Первые коты за забор.
Чем дальше в лес, тем больше дров.
Кто летом балуется, тот зимой мерзнет.
Кто лжет, тот и крадет.
Дери лыко, когда дерется.
Молодой может умереть, старый должен.
Мыкается, как Марк по аду.
Медведь подох, дуды об землю.

Дырявый мешок ничем не наполнишь.
У него нет, где приютиться.

На ўсё ёсць мера.	Мера должна быть во всем.
Ён нідзе месца не загрее.	Нигде места не пригреет.
Не месца галаву шукае, але галава месца.	Не место голову ищет, а голова место.
Шмаруй яго мёдам, ён усё смярдзіць дзёгцем.	Намаж мужыка медом, а он дегтем воняет.
Кажан млын на свое колесо ваду цягне.	Каждый мельник (мельница) на свое колесо воду ведет.
Кажды мае своего моля, што яго грызе.	У каждого своя моль, которая его грызет.
За мае жыто мне набіто.	За мою рожь меня побили.
Аднаму надто, а другому ніц.	Одному слишком, другому ничего.
Наскачыла каса на камень.	Попала коса на камень.
Прышоў нястаток, забраў астатак.	Пришла неустойка, забрала остаток.
Нівядомосць греху не чыніць.	Незнание не делает греха.
На святы нігды.	На святое никогда.
Водзіць каго за нос.	Водит его за нос.
Хоць пайду до касцела, але пацераў не шепну.	Пойду в церковь, но отче наш не буду шептать.
Не ведаю, адкуль пачынаць.	Не знаю, с чего начинать.
Паможа, як умерламу кадзіла.	Поможет, как умершему кадило.
Помаленьку далей зайдзешь.	Медленно дальше зайдзешь.
Панская хвароба беднага здароўе.	Панская болезнь бедняка здоровье.
Панскае вока каня тучыць.	Панское око коня кормит.
Папытай не ў старога, да ў бывалога.	Спрашивай не у старого, ■ ў бывалого.
Чыя парася згінула, таму ў вушах пішчыць.	У кого поросенок пропал, у того в ушах пищит.
Як пасцелішся, так і выспішся.	Как постелишь себе, так и выспишься.
Пасланцамі воўк не жые.	Посредством послов волк не кормится (жиреет).
Не кажы хоп, аж не паскочыш.	Не говори гоп! Пока не перепрыгнешь.
Псі глос не ідзе да небес.	Собачий голос не идет в небеса.
Знаць піва па задатку.	Пиво узнают по закваске.
Цяжка плысці праціў вады.	Трудно против воды плыть.
Тлустага ломця нечаго шмараваць.	Жирный кусок незачем мазать.
Без працы не будзеш есці калачы.	Без работы не будет калачей.
Якая праца, такая плаца.	Какая работа, такая плата.
Ад прыбытку галава не баліць.	От прибыли голова не болит.
Ліхая тая птушка, што ў сваё гняздо паскудзіць.	Скверная птица, которая свое гнездо марает.
По перью птушку ўзнаць.	По перу узнают птицу.
Хто пытае, той не блудзіць.	Кто спрашивает, не блуждает.
Не рабі нікому таго, што табе не міло.	Не делай другому, что тебе не мило.
Хіба іх рыдзел і матыка разлучыць.	Лишь лопата и мотыга их разлучит.
Хто ні радзіўся, той уміраць не будзе.	Кто не родится, тот не умирает.
У чепцу радзіўся, а на вяроўцы згіне.	В чепце родился, а на веревке погибнет.

Рутку сеяць.
Рвецца, як сабака з ланцуга.
Перад невадам рыбу лавіць.
Сабака сукі не кусае.
Адно да Саса, другое да леса.
Сава не ўродзіць сокола.
Як нож у серца убіў.
Ні село, ні пало.
Сілаю моц.
Дай божа ў добры час сказаць і ў ліхі памаўчаць.
Служба вольнасць траціць.
Сон мара, бог вяра.
Стары да яры.
У страха вочы вялікія.
Чыстае страшыдла на верабя.
Хто шмаруе, той едзе.
Аднаму і шыла голяць, с другому і брытва не хочець.
Шило ў мяшку не утоіцца.
Ні кажан сляпы бачыць.
Смерць у зубы ні глядзіць.
Без прычыны смерці ні будзе.
Спешаецца, як папоўна замуж.
Панура свіння глыбока корень капае.
Першага торгу ніколі не апускай.

Трапіў куляю ў плот.
Ідуць удры на удры.
Хто рана ўстае, таму бог дае.
Ціха вада берагі падмывае.
Ні верь нікому, ніхто не здрадзіць.
Не плаціць багаты, але вінаваты.

Хто окам не даглядзіць, той мешком даплаціць.
З аднаго вала дзьвух скур не дзяруць.
І воўк сыты і козы целы.
Воўк і лічанае бярэ.
На чым возі едзеш, таму і песні спявай.
Да пары збан воду носіць.
Здаровы спадзявайся к хваробе, а хворы смерці.
Начная зязюля перакукуе дзённую.
Ад хатняго злодзея не ўсцеражэшся.
На злодзею шапка гарыць.
Ждзе, як ка́ня дажджу.
Першая жонка ад бога, другая ад людзей, а трэцяя ад чорта.
Чые бычкі былі, то былі, абы наша цялятка.

Руту посеяла.
Рвется, как собака на цепи.
Перед неводом ловить рыбу.
Собака суку не кусает.
Одно к Сасу, другое в лес.
Сова не родит сокола.
Будто ему нож в сердце воткнул.
Ни село, ни пало.
Силой мощь.
Дай бог [redacted] добрый час сказать, а в плохой — молчать.
Служба свободу теряет.
Сон привидение, бог вера.
Старый да ярый (бодрый).
У страха большие глаза.
(Чистое) пугало на воробьев.
Хто мажет — едет.
Одного шило бреет, другого и бритвы не хотят.
Шило в мешке не утаишь.
Не каждый слепой видит.
Смерть не смотрит в зубы.
Без причины смерть не бывает.
Торопится, как поповна замуж.
Мрачная свинья глубоко землю роет.
Первого базара никогда не пропускай.
Попал пулей [redacted] забор.
Идут удры на удры (зуб на зуб).
Кто рано встает, таму бог дает.
Тихая вода берега подмывает.
Никому не верь, никто не изменит.
Не платит богаты, платит виноваты.
Кто глазом не досмотрит, мешком доплатит.
С одного вола двух шкур не дерут.
И волк сыт и овцы целы.
Волк и считанное берет.
На чьем возу едешь, таго и песенку пой.
До поры кувшин воду носит.
Здоровый ожидай болезни, а больной смерти.
Ночная кукушка перекукует дневную.
От своего вора никто не убережется.
На воре шапка горит.
Ожидает как гриб зонтик дождя.
Первая жена от бога, вторая от людей, а третья от черта.
Чей бычок таго бычок, лишь бы наш теленок.

Каму цесно, няхай уступіць.	Кому тесно, пусть уступит.
Мало даць брыдка, а много шкада.	Мало дать — некрасиво, а много — жалко.
Дарога на канцы языка.	Дорога на конце языка.
Аднаго да долу, другога да дому.	Одного в яму, другого в дом.
Хто дужшы, той лепшы.	Кто крепче, тот лучше.
Мало алею ў галаве.	Мало масла в голове.
Гультаям заўсёды свято.	У лентяев всегда праздник.

Неполные соответствия в сборниках М. Федоровского и С. Рысинского *

Ф. Самыя хітрасці да мудрасці. *Р.* Сколько хитрецов, столько мудрецов.

Ф. Абы хлеб, то зубы будуць. *Р.* Кто дал зубы, тот дает и хлеб.

Ф. У хворага пытаюць, а здароваму даюць. *Р.* Только больного спрашивают, хочет ли.

Ф. Дастанеш у яго, як у казла малака. *Р.* Как с козла: ни молока, ни шерсти.

Ф. Хоць крыху, абы добрага. *Р.* Лучше немного хорошего, чем много плохого.

Ф. Лепш з добрым згубіць, ніж з кепскім знайсці (Лучше с хорошим потерять, чем с плохим найти). *Р.* С плохим плохо найти, плохо потерять.

Ф. Дарожшы адзін стары друг, як новых двух. *Р.* Из-за нового друга не оставляй старого.

Ф. Хто хоча гора зажиць, няхай ідзе да двара служыць. *Р.* Придворная жизнь святогорькая.

Ф. Дзіця не плача, маці не дагадаецца. *Р.* Дитя не плачет, мать не знает, чего ему надо.

Ф. Дзеруцца, як сабака з катом. *Р.* Согласны как собака с котом.

Ф. Гарло усё пажарло. *Р.* Нечестное горло все пожрало.

Ф. Людзи і шылам голяць, а мы і брытваю не умеем. *Р.* Одного шило бреет, а другого и бритва не хочет.

Ф. Гні галінку, пакуль маладзенька (Гни ветку, пока молоденькая). *Р.* В молодости надо сгибать ветки, ведь когда подрастет, тогда поломается.

Ф. Яму, як лапатай, трэба ў галаву класці. *Р.* Шилом во лбу у него укладывала.

Ф. Без гаспадара гумно плача, без гаспадыні — хата. *Р.* Хозяин должен заботиться о поле, о гумне, о стайне, хозяйка — о кухне, кладовой, погребе.

Ф. Для простай дарожкі крывого гасцінца не мінай. *Р.* Из-за тропинки не опускай гостинца.

Ф. Сядзі, грыбе, пакуль цябе хто нядыбе (Сиди, гриб, пока тебя кто не подденет). *Р.* Сиди же здесь, гриб, пока тебя черт не возьмет.

Ф. Губы, як халява (Губы, как голенище). *Р.* Разве мой рот голенище?

Ф. Не быць казе на возе. *Р.* Быть козе на возу.

Ф. Ні кіям, да палкаю (Не тростью, так палкой). *Р.* Не палка, а бревно.

---

* Пословицы из М. Федоровского приводятся в его же написании и иногда излагаются на русском языке. Пословицы из С. Рысинского переведены на русский.

Ф. О, быў на коню і пад коням. *Р.* Кто бывает на коне, тот и под (конем).

Ф. По начы ўсе каты буйныя. *Р.* Ночью все коты черные.

Ф. І конь праз сілу не пацягне. *Р.* И конь сверх силы не возьмет.

Ф. Ні то зладзей, што крадзе, але той, што кепска схаваў. *Р.* Не тот вор, который украл, а тот, который спрятал.

Ф. За чужое лычко ні аплаціш своім ременьчыкам. *Р.* Кто чужое лыко потерял, ремешком своим заплатит.

Ф. Рад, як на сто каней сеў. *Р.* Будто прибыл на сотне коней.

Ф. Добрае слова дарожше багацтва. *Р.* Никто не должен быть богатым, но должен быть добродетельным.

Ф. Залатыя гары абяцаці (Обещать золотые горы). *Р.* Обещает золотые горы и нет у него свинцовых.

Ф. Аддам на святы Адам. *Р.* На святого Адама.

Ф. Сіла злого на одного. *Р.* Много зла двое на одного.

Ф. Цёплы апрель, мокры май будзе жыто, як гай. *Р.* Сухой март, мокрый май делает из гумна рощу.

Ф. Зладзей хоць углы пакіне, а агонь усё забярэ. *Р.* Вор, побывав дома, углы оставит, а огонь, когда придет, все заберет.

Ф. Як ажаніцца, то адмяніцца. *Р.* Всякий изменится, кто женится.

Ф. Не мела баба клопату, купіла сабе парася. *Р.* Не было у бабы заботы, купила себе паршивого поросенка.

Ф. Баіцца свайго ценю. *Р.* Иногда найдешь такого, кто боится своей тени.

Ф. Адтуль балячо, ■ адтуль гарачо (Отсюда больно, а отсюда горячо). *Р.* Здесь жжет, здесь болит.

Ф. Бьюць и плакаць не даюць. *Р.* Убив, не дают наплакаться.

Ф. Адзін бог багаты, больш мае, як раздаў. *Р.* Больше у бога, чем роздал.

Ф. Чалавек так думае, а бог іначай. *Р.* Человек так, а бог иначе.

Ф. Хто людзей не слухае, той і бога не баіцца. *Р.* Кто людей не стыдится, тот бога не боится.

Ф. Не такі чорт страшны, як яго малююць. *Р.* Не такой черт безобразный, как его рисуют.

Ф. Чужы хлеб смачнейшы. *Р.* Вкусен краденый хлеб.

Ф. Дурняў не сеюць, ні гаруць, яны самі радзяцца. *Р.* Не надо глупцов сеять, сами родятся.

Ф. Дзе двое там рада, а дзе трэці, там здрада. *Р.* Двоих третий ссорит.

Ф. Скрыплівае дзерево перажыве і здаровае. *Р.* Скрипящее дерево дольше стоит ■ лесу.

Ф. Галоўка, як макоўка, а розуму, як накакано. *Р.* Головка как маковка, а разуму будто наплевали.

Ф. Не ганячы не купіш, не хвалячы не прадасі. *Р.* Хуля купить, хваля продать.

Ф. Ні голено, ні стрыжено. *Р.* И стрижет и бреет.

Ф. Ён гаворыць і выгаворыцца. *Р.* Кто много говорит, тот проговорится.

Ф. Госць мало бывае, да много бачыць. *Р.* Больше гость в чужом доме заметит, чем хозяин за год.

Ф. Як заграшыў, так трэба пакутаваць (Если согрешил, то надо каяться). *Р.* Лучше не грешить, чем каяться.

Ф. У яго на вербе грушкі растуць. *Р.* Показывает груши на вербе.

Ф. Касцёл дзяре, карчму крые. *Р.* Костел ободрав, часовню набивает.

Ф. Каза не хоча на торг ісці, яе сілай вядуць. *Р*. Не хочет коза на базар, но должна.

Ф. Каб конь ведаў аб сваёй сіле, то б ніхто яго ў рукі ні ўзяў. *Р*. Если бы конь знал о своей силе, никто бы на нем не сидел.

Ф. У гарачой вадзе купали. *Р*. Не надо купать в горячей воде.

Ф. Ні лой, ні масло. *Р*. Лой пьет, а маслом мажется.

Ф. Маўчы да патаквай. *Р*. Кто молчит, потакает.

Ф. Неман пераплыў, а на беразе ўтапіўся. *Р*. Переплыв, утонул.

Ф. Я гэтага з пальца не выссаў. *Р*. Редко люди из пальца высосут.

Ф. Казаў пан слугам, а зрабіў сам. *Р*. Велел пан, сделал сам.

Ф. Паправіўся з печы на лаўку. *Р*. Поправился с печи на голову.

Ф. Патрэбны, як пятае калесо ў возу. *Р*. Путался, как пятое колесо в телеге.

Ф. Каму суджано павесіцца, той тапіцца не будзе. *Р*. Не утонет то, что должно висеть.

Ф. Маладое піво яще шуміць. *Р*. Шумит, как молодое пиво в бочке.

Ф. Каб так твая вош кашляла, як ты праўду кажаш. *Р*. Теперь уже и вши кашляют.

Ф. У яго работа з рук валіцца. *Р*. Быстрая работа из рук валится.

Ф. Разумны дагадаецца. *Р*. Умному достаточно намека.

Ф. Аднаго разу казала рэдзька: я добра з мёдам, а мёд кажа: чорт цябе просіць, добры я і без цябе. *Р*. Хрен похвалялся: хорош я с медом, ■ мед на это: палач тебя просил, хорош я и без тебя.

Ф. З адной скаціны сем шкур ні дзяруць. *Р*. Трудно с одного вола две шкуры содрать.

Ф. Табе свіні пасьвіць за сем міль ад шкоды. *Р*. Свиней пасти и то далеко от реки.

Ф. Топлянік (утопленник) і за брытву хватаецца. *Р*. Кто тонет, и за голый меч хватается.

Ф. Возіцца, як карова з целям. *Р*. Привязался, как корова к теленку.

Ф. Не быў там, дзе дзелілі. *Р*. Не был при раздаче.

Ф. Жыве, як гарох пры дарозе — хто ідзе, той скубне. *Р*. У него дела, как у гороха при дороге.

Приложение 2

Примеры латинских соответствий, подобранных С. Рысинским, для толкования Любченского сборника *

Отнять насильно можно, а дать нельзя; *лат.:* Насилие по доброй воле не чинят.

Что будет отложено, отсрочено, не убежит; *лат.:* Не уносят то, что откладывают.

Оглядывайся на задние колеса; *лат.:* Смотри за тем, что вслед (Катон).

От Анаша до Кайфаша; *лат.:* От Ирода к Пилату.

Где черт не может, туда бабу пошлет; *лат.:* Не осмелится адский демон, осмелится искусить коварная старуха.

Не было у бабы хлопот — купила паршивого поросенка; *лат.:* Этруску нечего было делать, но подготовил вне дома прогулку.

---

* Примечания об источниках принадлежат С. Рысинскому; латинские изречения даны в русском изложении.

Здесь жжет, там болит; *лат.:* Здесь волк нападает, там собака пристает.

Одно горе не тревожит; *лат.*: Печаль не бывает одна.

У женщин длинные волосы, а ум короткий; *лат.:* Длинные кудри у женщины, а ум короткий.

Больше у бога есть, чем роздал; *лат.:* У господа хватает, откуда он может дать гораздо больше.

Человек так, а бог иначе; *лат.:* Человек предполагает, а бог располагает (Иероним).

Громкий бубен за горой, а когда к нам приходит, он только коробка; *лат.*: Далекое вызывает страх, вблизи же оно пустяк *(Тацит).*

Кто не быстро ходит, сам себе вредит; *лат.:* Отсутствующие пусть будут лишены.

Ворованный хлеб вкуснее; *лат.:* Сладка краденая вода.

Каждый, кто родится, должен умереть; *лат.:* Установлено всем людям однажды умереть (Аполлоний).

Хорошее далеко слыхать, а дурное еще дальше; *лат.:* Слух о беде быстрее любого иного (Марон).

Дома мило; *лат.:* Мил дом, дом самый лучший *(греч. посл.).*

Везде хорошо, а дома лучше; *лат.:* Нет ничего более приятного, чем домашняя постель.

Из-за нового друга не оставляй старого; *лат.:* Приобретая новых друзей, не забывай старого (Барбарус).

Придворная жизнь блестящая тягостность; *лат.:* То же.

На падающее дерево и козы лезут; *лат.:* Когда дуб падает, любой дрова готовит.

Покупая хули, продавая расхваливай; *лат.:* Хвалит продаваемое тот, кто хочет сбыть с рук (Гораций).

Чем сразу пропитается горшок, оттого потом никогда его не смыть; *лат.:* Тем, что новый горшок содержит, старый пахнет; Чем однажды пропитается свежий горшок, тот запах долго сохранит (Гораций).

Кто много говорит, тот мало делает; *лат.:* Обильные словами, бедны делами.

Говорить на ветер; *лат.:* К ветрам говоришь (Свидас).

Кто много говорит, тот проговорится; *лат.:* У многословного не скроется провинность.

Не прилетят к лентяю жареные голубки, так хоть бы сидел и переседел наготове зубки; *лат.:* Жареного голубя ветром к тебе не принесет.

Гость в дом, бог в дом; *лат.:* Гость приходит, Христос приходит.

Лучше не грешить, чем каяться; *лат.:* Лучше не делать того, что требует покаяния, чем каяться.

Деньги всё могут; *лат.:* Всё деньгам послушно.

Недалеко от дерева падает яблоко; *лат.:* Не далеко от собственной ветви падают яблоки.

Держи язык за зубами; *лат.:* Пальцем сдерживай губу.

Не смог по лошади, так по оглоблям; *лат.:* Когда схватить не смог Венеру, схватил ее сандалию.

На месте камешек мхом обрастает; *лат.:* Обросший камень не покатится в другое место.

Во всяком деле имей ввиду конец; *лат.:* Советую учитывать конец дел сегодня.

Ближе рубаха, чем кафтан; *лат.:* Колено ближе икры.

Костел ободрав, часовню покрывает; *лат.:* Раздев Петра, покрывает Павла (Г. Будэус).

Клин клином вышибать; *лат.:* Тугой узел клином надо разбивать.

И конь сверх силы не прыгнет; *лат.:* Никого не принудить к невозможному.

Не за один день Краков построили; *лат.:* Движение происходит последовательно.

Всякий палец своим ходом; *лат.:* Всякий богат своим умом.

Чем глубже в лес, тем больше деревьев; *лат.:* Если допущена одна нелепость, то за ней следуют бесконечные.

Тот, кто лжет, тот и крадет; *лат.:* Покажи мне лгуна, и покажу тебе вора.

Лой пьет, а маслом обмазывается; *лат.:* Медом себя мажет.

Кто раньше приедет в мельницу, тот раньше смелет; *лат.:* Тот, кто раньше во времени, тот по праву предпочтительнее.

Во всем надо соблюдать меру; *лат.:* Мера в делах лучше всего.

Одному слишком, а другому ничего; *лат.:* Судьба многим дала слишком, никому — достаточно.

Всякая собака на своей мусорке смела; *лат.:* Нет ничего свирепее пса на своей навозной куче (*Искандер*).

Незнание не совершает греха; *лат.:* Незнание оправдывает грех.

Трудное согласие с огнем воды; *лат.:* Противоположности никогда не соединяются.

Сам себя своим ножом зарезал; *лат.:* Своим мечом себе перерезал горло (*Теренций*).

Не знаю, с чего мне начать; *лат.:* Что тебе толковать: первое или последнее (*Лукиан*).

Редко что-либо люди высасывают из пальца; *лат.:* Не все ложно, что молвой обсуждается постоянно в народе (*Аристотель*).

Не клади палец между двери; *лат.:* Между жертвенным животным и каменным ножом; Между молотом и наковальней.

Медленно шагая, дальше зайдешь; *лат.:* Не будешь торопиться, дойдешь.

Трудно двум хозяевам угодить; *лат.:* Никто не может четко служить двум хозяевам.

Хозяйский глаз коня откармливает; *лат.:* То же.

Через посланцов волк не кормится; *лат.:* Отсутствующий не станет наследником.

Где не можешь перепрыгнуть, там надо подлезть; *лат.:* Перед верхом наклони голову (*Л. Вивес*).

Пей пиво, которое сам наварил; *лат.:* Ешь то, что накрошил (*Теренций*).

Пиво видно по закваске; *лат.:* Сразу видно растение ■ будущем плодоносное.

Правда колет глаза; *лат.:* Правда рождает ненависть (*Теренций*).

Видна птица по оперению; *лат.:* По перьям распознается птица.

Кто спрашивает, не ошибается; *лат.:* Кто начинает сомневаться, начинает быть разумным (*Аристотель*).

То, что тебе не мило, не делай другому; *лат.:* То, что не хочешь, чтобы с тобой делали, не делай другому.

Рана заживет, а слово не заживет; *лат.:* Меч ранит тело, речь душу.

Только лопата и мотыка их может разлучить; *лат.:* Никто его у меня не отнимет, кроме смерти (*Теренций*).

Мудрому достаточно намека; *лат.:* Мудрецу достаточно слова (*Демосфен*).

Рука руку моет, нога ногу подпирает; *лат.:* Рука руку моет, нога ногу подпирает.

Мечется, как собака на цепи; *лат.:* Мечется, как лев, привязанный за хвост (*Лукиан*).

В мутной воде лучше ловится рыба; *лат.:* Рыбу ловят лучше в замутненной реке.

Битой собаке только покажи палку; *лат.:* Пугается голубь от легкого шума крыла, если твоими, ястреб, когтями был задет.

Легко палку найти, кто хочет бить собаку; *лат.:* То же.

Как собака на сене: сама не ест и корове не дает; *лат.:* Собака на стойле *(греч. посл.)*.

Один к Сасу, другой в лес; *лат.:* Неравные быки плохо тянут воз.

Сова не родит сокола; *лат.:* Орлы не родят нежного голубя *(Гораций)*.

Новое сито вешают на новом колышке; *лат.:* Новое сито должно висеть на новом колышке.

Много слушать бесполезно, много говорить глупо; *лат.:* Никому не вредит, что молчал, вредит, что говорил *(Катон)*.

Что далеко от глаз, далеко от сердца; *лат.:* То же.

Собакой глаза заслонил; *лат.:* Скрыл стыд или стер краску стыда с лица.

Несет волк, но понесут волка; *лат.:* Те, кто ловит, ловятся *(гречес. посл.)*.

Волк и считанное берет; *лат.:* Не заботится волк о числе (*Марон*).

Волку поручили овец; *лат.:* Волку ты передал овец *(Теренций)*.

На войне вперед не подавайся и позади не оставайся; *лат.:* На войне не будь ни первым, ни последним.

Кто хочет быть хорошим рассказчиком, должен прежде быть хорошим слушателем; *лат.:* Кратчайший путь к изучению усердно слушать *(Л. Вивес)*.

На пятидесятницу; *лат.:* До греческих календ.

Вор вора не выдаст; *лат.:* Дорог будет вору тот, кто может когда-нибудь обвинить Варра.

И у муравьев есть злость; *лат.:* И в муравье есть своя желчь.

Так разбирается, как свинья в перце; *лат.:* Что у него общего с амарантом.

Не мешает шуткой договориться до правды; *лат.:* Кто мешает, чтобы смеющийся сказал правду *(Гораций)*.

Обещает золотые горы, а нет у него свинцовых; *лат.:* Золотые горы обещать *(Свидас)*.

Каждой стране свой обычай; *лат.:* У каждого народа обычай.

Ни бэ, ни мэ; *лат.:* Даже ни хрю.

У ленивых всегда праздник; *лат.:* То же.

Попал с дождя под водосточную трубу; *лат.:* Попал на жар, желая избежать сковородки.

Гнев без силы ничто; *лат.:* Без силы гнев пустой.

Волка за уши держит; *лат.:* Волка за уши держу *(Теренций)*.

Кто под кем яму копает, сам в нее упадет; *лат.:* Кто копает яму, сам в нее падает.

Где тонко, там рвется; *лат.:* Легко рвется тонкая веревочка *(Лукиан)*.

Выкупил рубаху, а платье оставил; *лат.:* Расплачивается со старыми, делая новые долги (Досл.: делая заем уплачивает долг) *(Теренций)*.

В одной руке хлеб, в другой камень держит; *лат.:* То же.

У хлеба рога, у неволи ноги; *лат.:* Страх дает ногам крылья *(Овидий)*.

Сам себе трублю, сам буду веселым; *лат.:* Кто разумен пусть веселится в тайне *(Тибул)*.

Плохо добытое, нехорошо потребляется; *лат.:* Плохо рожденное, плохо разрушается.

Что на сердце у трезвого, то на языке у пьяного; *лат.:* То же.

Либо пей, либо бей; *лат.:* Либо пей, либо уходи.

Каждому свое мило, хотя бы наполовину сгнило; *лат.:* Обезьяна свой приплод, хоть безобразный, искренне любит.

Имущество сбереженное лучше, чем наличные деньги; *лат.:* Тот, кто многим полезен, на того многие смотрят (*Л. Вивес*); Целая жизнь, день один (*Л. Вивес*).

Ни для совета, ни для потасовки; *лат.:* Ни для хора, ни для базара.

Мысль пошлины не платит; *лат.:* Никто не подвергается наказанию за размышления; Свободная мысль единственная роскошь человека; *лат.:* Мысль, огражденная от ярма, удовольствие.

Баловство всякого испортит; *лат.:* Все мы хуже становимся из-за своеволия.

Где господь бог строит церковь, там черт часовню; *лат.:* Дьявол — обезьяна божественных дел.

Знает св. Мартин, зачем дал плащ; *лат.:* Дарит шапку, чтобы получить накидку.

Всякая лиса хвалит свой хвост; *лат.:* Всякий свое хвалит, хотя и недостойно похвалы.

Приложение 3

Пословицы из сборника С. Рысинского, по смыслу совпадающие с пословицами из сборника Я. Срнца *

Кто под кем яму роет, сам в нее попадет.
Кто говорит то, что знает, узнает свои пороки.
Говори волку отче наш, а волк овца, баран.
Каждая лиса свой хвост хвалит.
Речь идет не о ремне, а о всей коже.
Где богатые множатся, люди беднеют.
До поры до времени кувшин воду носит.
Где мило, там глаза, где больно, там руки.
Котел порицает горшок, а оба коптят.
Клин клином вышибают.
Ближе рубаха, чем кафтан.
По шву порется.
Кто не увидит глазами, тот заплатит мешком.
У кого нет коня, ходит пешком.
Без весла не море.
Новое сито на новый колышек вешают.
Не забывай груш в золе.
С одного вола двух шкур не сдерут.
Попала коса на камень.
Будто бы горох на стену метал.
Пьет за медвежью шкуру, а медведь еще в лесу.
Ворон ворону глаз не выколет.

Приложение 4

Перечень пословиц, полностью или частично совпадающих в сборниках С. Рысинского и Я. А. Коменского **

Еще перед нашими воротами солнце будет.
Как бы о железном волке рассказывал.

---

* Перевод дается в дословном изложении

** Все пословицы из сборников на чешском и польском языках даются в переводе на русский.

Далеко пятка от глаза.
С жирного мяса жирная подливка.
Пей пиво, какое себе наварил.
Кто бывает на коне, бывает под конем.
Взял на клык (заупрямился).
Трудно того водить, кто не может ходить.
Медленно пойдешь, дальше зайдешь.
Лучше рукавом заткнуть, чем целым платьем.
Так надо тянуть ремень, чтобы не порвался (*P*) протерся (*K*).
Хлеб с солью с доброй волей.
В своем доме каждый хозяин.
Что смеешь советовать, смей сам делать.
Хорошо советует, кто людям не вредит.
Ни для совета, ни для драки.
Кто алтаря не видел, кланяется печи.
Своеволие всякого испортит.
У палки два конца.
Десять вооруженных у голого одного ничего не возьмут.
Не каждый весел, кто поет.
Для бедного — бог не бедный.
Быть большим паном большая неволя.
Мужика на пана не сажай.
Добро с добром, а зло само.
Мне из уст, а ему мимо ушей.
Не обещай того, чего у тебя нет.
Смерть покажет, что у него есть.
Смерть в зубы не смотрит.
Нет смерти без причины.
Слабому все горько.
Как собаке не лень: сама не ест и корове не дает.
Лучше немного хорошего, чем много плохого.
Попал с дождя под водопроводную трубу.
Тихая вода берега подмывает.
Не все золото, что блестит.
Деревце смолоду дается гнуть, в старости же нет.
Ворон ворону глаз не выколет.
Пьет за медвежью шкуру, а медведь еще в лесу (Срнец)*.
Волк берет и считаное (Срнец).
У каждого волка серая шерсть.
Несет волк, но понесут волка (Срнец).
Волком пахать (Срнец).
Волку овцу поручили (Срнец).
Летом волк не жиреет.
Знал бы конь о своей силе, никто бы на нем не сидел.
Твердый козел доить (Срнец).
Конь на четырех ногах, а спотыкается.
Битой собаке только палку покажи.
Жалко собаке белого хлеба.
Отрежь своей собаке ногу, она за тобой побежит.
Мирятся, как собака с кошкой.
Кто хочет собаку бить, легко палку найдет.
Гладь коту шерсть, а он хвост поднимет.
Сколько голов, столько умов.

---

* Отмечены (Срнец) пословицы, представленные у Срнца (1572), Рысинского и Коменского.

Не знает голова, что язык болтает.
Что в глазах, то и в мыслях.
Чего глаз не видит, того сердцу не жалко.
Водит его за нос.
Держи язык за зубами.
Кто дал зубы, даст и хлеб.
Пока ходим, до тех пор согласны.
У страха большие глаза.
Гнев без силы ничто.
Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.
Не страшен голому грабеж.
Из того же забора кол.
Не за один день Прагу (Краков) построили.
Глупых не надо сеять, сами родятся.
Как бы горох на стену кидал.
Попала коса на камень *(Срнец).*
Пустил себя на дробь (на «шрот»).
(Так сделать), чтобы волк был сыт и овцы целы.
Вызвал волка из лесу.
Держит волка за уши.
Кто другому яму копает, сам в нее попадает.
Перед неводом рыбу ловит.
С одного вола две шкуры не дерут.
Не забудь груши в золе.
Что ты за огнем пришел?
Жареный голубь в рот никому не влетит.
Кто мажет, тот едет *(Срнец).*
Оглядывайся на задние колеса.
Старый возчик рад слышать, как стреляют кнутом.
Где тонко, там рвется (*К.*: где веревка тонкая, там рвется).
Без весла не море.
Переплыв, утонул.
У кого нет лошади, пусть ходит пешком *(Срнец).*
Купил бы деревню, а деньги где-то.
Без денег в город, без соли домой.
Один за восемнадцать, другой за двадцать без двух.
Выкупил рубаху, а оставил платье.
Кто не увидит глазами, доплатит мешком *(Срнец).*
Цена в мешок не идет.
По нити к клубку.
Не хочет пороться по шву *(Срнец).*
Стати хватит, а сути мало.
Не затаится шило в мешке.
Ближе рубаха, чем кафтан.
Постирай мне кожух и не намочи шерсть!
Для того у кузнеца клещи, чтобы не обжечься.
Клин клином вышибить *(Срнец).*
Черное, белое не знаю *(К.).* А бело? бело, а черно? черно *(Р.).*
Одной рукой хлеб подает, другой камень держит.
У хлеба рога, у неволи ноги.
Сам себе трублю, сам весел буду.
Плохо добытое, плохо усвоено.
Или пей, или бей.
Каждому свое мило, хотя бы на половину сгнило.
Где мило, там глаз, где больно — там руки.
Везде хорошо, а дома лучше.

Где пан гордый, хлеб твердый...
Где больше богатых, там люди бедней.
Речь идет не о ремне, а обо всей шкуре.
Мысль пошлины не платит.
Убогий костёл — сам священник звонит.
Своеволие в аду горит.
Кто хочет кого бить, должен сам при этом быть.
Говори волку отче наш, а он баран, овца *(К); ...а он козиную* мать *(Р).*
Когда паны дерутся, селяне должны волосы подставить *(К.)* (у подданных волося трещат.— *Р.*).
Пока ходит, до тех пор согласен.
Кто говорит то, что хочет, слышит то, что не хочет *(К.)* (узнает свои пороки, *Р.).*
Никого нет без «но».
Доброе долго помнится, а плохое еще дольше.
Хорошее сбережение лучше, чем богатство *(К.)* (лучше, чем наличие.— *Р.*).
Старому, бывалому и большому пану нужно верить.
Где тебя с удовольствием видят, не часто бывай, а где тебе не рады — никогда.
Лучше соломенная жизнь, чем шелковая смерть.
Молодой может умереть, старый должен.
Нужда не теряет чести.
Что сделалось, не переделается.
Лучше небольшой вред, чем большой.
Дарованному коню в зубы не смотрят.
Где господь бог ставит церкви, черт часовню.
Знает св. Мартин, за что плащ дает.
Берег, не мути воду.
Змею за пазухой прячешь.
Где не можешь перескочить, там подлезь.

Рысинский

Какое дерево, такой плод.
И волк сыт и козы целы.

Не доверяй сало собаке, съест его.
Уж это голод, когда волк волка кусает.
Спит себе хорошо.
Семь ремесел, четырнадцать несчастий.
Каждый мельник ведет воду на свое колесо.
Дырявый мешок трудно наполнить.
Надо намокнуть тому, кто хочет рыбу ловить.
В мути лучше ловить рыбу.
Новое ситко вешают на новом колышке.

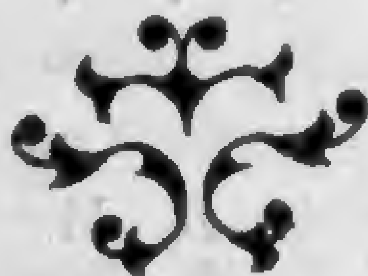
Коменский*

Дерево по плоду узнать.
Были бы козы целые и волки сыты.
Собаке доверить сало.
Должен быть большой голод, чтобы собака собаку съела.
Спал беспечно.
Двенадцать ремесел, тринадцать бед.
Каждый охотно на свою мельницу гонит воду.
Дырявый мешок.
Кто хочет ловить рыбу, должен в воду.
Он умеет в мутной воде ловить рыбу.
Новое сито на стене, старое под лавкой.

---

* Пословицы в сборниках Рысинского и Коменского с отклонениями.

Водит его за нос.	Водить за нос.
Не будет у того гроша, кто копейки не уважает.	Кто не уважает талера, не будет богат.
Новое всегда лучше.	Латаное не ново.
Закрой рот.	Закрой ему рот.
Котел порицает горшок, а оба смолят (пачкают).	Горшок ругает котел, оба черные.
Раньше надо перед своими сенями подмести.	Перед чужими дверями заметать.
Без работы не будет калачей.	Без работы человек не поест.
Не пой, пока с пира поедешь.	Не хвали пир, пока не уйдешь.
Что на сердце у трезвого, то на языке у пьяного.	Что трезвый в себе скрывает, то пьяный из себя выливает.
До поры до времени кувшин воду носит.	До тех пор по воду с кувшином ходят, пока не разобьется.
Бог высоко, приятель далеко.	Господь бог высоко, король далеко, правды и справедливости в свете мало.
Церковь ободрав, часовню кроет.	Обирает мертвецкую, покрывает церковь.
Новые грехи вызывают старые пороки.	Старый грех вызывает новый позор (Срнец).
Два — пан, три — войско.	Двое один пан, а три целое войско.
Пьяный и дитя правду скажет.	Дитя, пьяный и шут скажет тотчас правду.

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков белорусского гуманизма 3
Основные вехи жизни, творчество, взгляды С. Рысинского . . 7
Собрание книг С. Рысинского (опись) 15
Из ранних произведений (Альтдорфские письма) 20
Паремиологический сборник 42
Панегирические сочинения 61
Из «Эпитоме» 64
Из эпитафий 67
Разные произведения 72
Некоторые «Письма к Луцилию» Л. А. Сенеки в «Конъектурах» С. Рысинского 77
Комментарии к произведениям античных писателей . . . 109
Толкование отдельных стихов Овидия 109
Комментарии к сочинениям Д. М. Авсония 114
Комментарии к комедии Т. М. Плавта «Стих» («Господа и рабы») 129
Заключение 136
Приложения 143

Порецкий Я. И.

П 59 Соломон Рысинский: Solomo Pantherus Leucorussus. Конец XVI — нач. XVII в.— Мн.: Изд-во БГУ, 1983.— 158 с.

В пер. 1 р. 70 к.

В книге исследуются жизнь и творчество белорусского просветителя конца XVI — начала XVII века Соломона Рысинского — философа, поэта, первого собирателя белорусских пословиц. В приложениях даны его труды в переводах с латинского языка.

Адресуется преподавателям и студентам филологических и исторических факультетов вузов, тем, кто интересуется историей белорусской культуры.

П $\frac{4603010101-059}{М317-83}$ 48—83 ББК 83.3Бел1

Яков Ильич Порецкий

СОЛОМОН РЫСИНСКИЙ
(конец XVI — начало XVII века)

Редактор *Л. Н. Самосейко*
Младший редактор *Г. Н. Школьник*
Художник *С. В. Баленок*
Художественный редактор *Р. В. Кондрад*
Технический редактор *В. П. Безбородова*
Корректоры *Л. В. Лебедева, А. Л. Миронов*

ИБ № 657

Сдано в набор 01.04.83. Подписано в печать 17.08.83. АТ 08698. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,9. Уч.-изд. л. 9,33. Тираж 2450 экз. Заказ 189. Цена 1 р. 70 к.

Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина Минвуза БССР и Госкомиздата БССР. 220048. Минск, проспект Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041. Минск, Ленинский пр., 79.